

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 28
№ 2(85) апрель – июнь 2022 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 28**

No. 2(85) april – june 2022

Has been published quarterly since 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
доцент (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
А. Н. Великих — *ответственный секретарь*
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)

- Л. В. Денисова**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Квашиш, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук,
доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
Ю. П. Соловей, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хилюта, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *А. Н. Великих*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-74598. Дата регистрации: 14.12.2018.

Выход в свет: 29.06.2022. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 10,1. Усл. печ. л. 10,6. Заказ № 172.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2022

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
A. N. Velikikh — *assistant editor* (Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)

- L. V. Denisova**, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *A. N. Velikikh*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

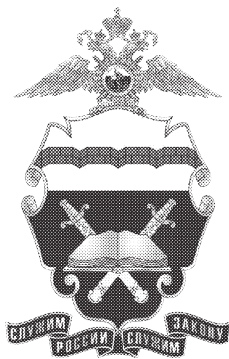
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate PI No FS 77-74598. Registration date: 14.12.2018.

Issued: 29.06.2022. Circulation 100 items. Published sheets 10,1. Printed sheets 10,6. Order No. 172.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2022

№ 2(85) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2022

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Кобец П. Н. Правовые основы предупреждения киберпреступлений: отечественный и зарубежный опыт	101 Kobets P. N. Legal Basis for Cybercrime Prevention: Domestic and Foreign Experience
Тимко С. А., Матюшенко С. В. Цель противодействия преступности	106 Timko S. A., Matyushenko S. V. The Goal of Counteracting Crime
Ботвин И. В. Неосторожная преступность на производстве: детерминация и профилактика	110 Botvin I. V. Crime of Negligence at Workplace: Determination and Prevention
Николаев К. Д. Пространство, время, обстановка и способ как внешние системообразующие факторы уголовного права	115 Nikolaev K. D. Space, Time, Environment and Method as External System-Forming Factors of Criminal Law
Ермаков М. Г., Цепилов А. Е. Уголовная ответственность за хищение бюджетных средств при осуществлении госзакупок: достаточность законодательного регулирования	122 Ermakov M. G., Tsepilov A. E. Criminal Liability for Embezzlement of Budgetary Funds in Public Procurement: Sufficiency of Legislative Regulation
Бахта А. С., Нуриев И. Н.-о. Правовое регулирование получения образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке в ходе досудебного производства	127 Bakhta A. S., Nuriev I. N.-o. Legal regulation of obtaining samples for compulsory comparative study during pre-trial proceedings
Чиненов Е. В. Структура криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры	132 Chinenov E. V. The Structure of the Forensic Methodology for Investigating Economic Crimes committed on Railway Transport and Transport Infrastructure Facilities
Мерлаков Д. С. Законодательные новеллы в реализации полномочий субъектов досудебного производства при проведении следственных действий с использованием видео-конференц-связи (в контексте ст. 189 ¹ УПК РФ)	140 Merlakov D. S. Legislative Novelties in the Implementation of the Powers of Subjects of Pre-Trial Proceedings in the course of Investigative Actions using Videoconferencing (in the context of Article 189 ¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)
Боренштейн А. Л. О современных проблемах функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав	147 Borenstein A. L. On Modern Problems of Functioning of the Commissions on Juvenile Rights and Affairs
Право и государство	Law and State
Толстик В. А. Субъекты правотворчества в парадигме юридического позитивизма	152 Tolstik V. A. Subjects of Lawmaking in the Paradigm of Legal Positivism
Демидова И. А. Идеальная составляющая правовой культуры общества: вопросы понимания и обоснования	157 Demidova I. A. The Ideological Component of the Legal Culture of Society: Questions of Understanding and Proving
Трусов Н. А. Состояние системы национальной безопасности России как отражение опыта противодействия ее угрозам	162 Trusov N. A. The State of the Russia's National Security System as Expression of the Experience in Counteracting its Threats
Ищук В. Г., Ханахмедова Л. В. Основные проблемы деятельности специализированных омбудсменов в субъектах РФ и способы их решения	167 Ishchuk V. G., Khanakhmedova L. V. The Main Problems of the Activities of Specialized Ombudsmen in the Subjects of the Russian Federation and Possible Solutions
Коллантай В. А. Сравнительный анализ понятия тайны исповеди в юридической науке и современном церковном праве Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)	171 Kollantay V. A. Comparative Analysis of the Concept of Confidentiality of the Confession in Legal Science and Modern Church Law of the Russian Orthodox Church
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Религия и общество	Religion and Society
Долин В. А. Этнорелигиозный экстремизм: сущностные признаки и факторы возникновения	176 Dolin V. A. Ethno-Religious Extremism: Essential Features and Factors of Origin
Горюнов А. П. Идеология мадхализма как фактор латентной радикализации мусульман	181 Goryunov A. P. The Ideology of Madkhalism as a Factor of the Latent Radicalization of Muslims
Информация для авторов	185 Information for Authors
Сведения об авторах	187 Annotated List of Authors (in Russian)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343.97 © П. Н. Кобец, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-285-101-105

Правовые основы предупреждения киберпреступлений: отечественный и зарубежный опыт

П. Н. Кобец, ВНИИ МВД России, г. Москва
✉ pkobets37@rambler.ru

Ежегодный рост киберпреступлений не только угрожает доверию российского общества к процессам цифровизации, но и подрывает безопасность всей страны. Однако уголовно-правовые составы действующего российского законодательства, предусматривающие ответственность за рассматриваемые преступления, не адаптированы к новым видам преступных посягательств, совершаемых в области информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим совершенствование правовых основ по активизации борьбы с киберпреступлениями на основе изучения положительного зарубежного опыта выступает в качестве базиса комплекса мер, связанных с предупреждением киберпреступлений в нашей стране.

Ключевые слова: киберпреступления; компьютерная преступность; правовое регулирование; уголовное законодательство; информационные данные; информационное пространство; информационные технологии.

Legal Basis for Cybercrime Prevention: Domestic and Foreign Experience

P. N. Kobets, All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow
✉ pkobets37@rambler.ru

The annual growth of cybercrime not only threatens the trust of the Russian society in digitalization processes, but also undermines the security of the entire country. However, the corpus delicti covered by the current Russian legislation providing for responsibility for the crimes under study are not adapted to the new types of criminal attacks committed in the field of information and communication technologies. In this regard, the improvement of the legal framework for intensifying the fight against cybercrime based on the study of positive foreign experience serves as the foundation for the entire range of measures related to the prevention of cybercrime in our country.

Keywords: cybercrime; computer-related crimes; legal regulation; criminal laws; information data; information space; information technologies.

Современный цифровой век не только ввел новейшие технологии и предложил иные виды производств, он привел к появлению нового вида преступности, в которой преступники используют технологические достижения в киберпреступных целях. В результате возникла относительно новая разновидность преступных проявлений, называемая киберпреступностью, а правоохранители пытаются успевать совершенство-

вать правовое регулирование, направленное на противодействие этому виду преступности, созданного эволюцией цифровой эпохи. Во всем мире совершенствование правового регулирования киберпреступности становится отдельной областью уголовного законодательства. Она постоянно развивается, чтобы гарантировать обществу, что его правовая система идет в ногу с технологическими достижениями.

В начале нового тысячелетия средствами массовой информации, отечественными и зарубежными исследователями и в целом международным сообществом стали активно использоваться различные понятия и термины, которые обозначают противоправные явления в информационном пространстве (например, киберпреступность, компьютерная преступность, преступность в сфере информационных технологий, преступность в сфере информационного пространства, кибербуллинг, киберсталкинг и т. д.). Журналисты, население, простые граждане многие из понятий пытаются употреблять в качестве синонимов, однако они не тождественны, несмотря на то что в какой-то степени близки по смыслу. Эти термины различны по своему объему и не могут выступать в качестве синонимов. Так, в международных отношениях как общепринятое наименование при обозначении и характеристике рассматриваемой категории противоправных деяний появилось понятие киберпреступности, которое все чаще применяли в названиях международных нормативных правовых актов, различных документов, а также в международно-правовой практике и деятельности организаций. Постепенно киберпреступность выделилась в качестве отдельной, составной области преступности.

Расследование и судебное преследование киберпреступлений становятся все более международными, и в этом процессе участвуют многочисленные агентства по всему миру. Таким образом, физические и юридические лица могут стать объектом параллельных уголовных расследований и судебных преследований, поднимающих сложные юрисдикционные и процессуальные вопросы. По своей природе киберпреступность не имеет границ, поэтому подверженность наказаниям за пределами юрисдикции физических лиц и бизнеса все чаще является реальной возможностью.

О всплеске киберпреступности в нашей стране было заявлено 4 декабря 2020 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в основной дискуссии конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey 2020 на тему «Искусственный интеллект — главная технология XXI века»¹. Глава государства отметил, что в 2020 г. рост количества преступных посягательств в нашей стране с использованием IT-технологий превысил 75%, и это, по словам В. В. Путина, большая проблема и вызов, которому должно противостоять государство совместно со специалистами. Президент РФ озвучил, что эффективность борьбы с преступно-

стью должна обеспечиваться не увеличением и ужесточением санкций за совершенные правонарушения, а неотвратимостью наказания.

Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев также неоднократно подчеркивал необходимость противодействия киберпреступности, в частности, функционированию анонимных сервисов, анонимных sim-карт, использованию различных мессенджеров для преступных целей. Он отмечал, что обозначенные проблемы можно решить при условии реализации вопросов, связанных с правовым регулированием Интернета и повышением ответственности за размещение противоправного контента².

Существует уверенность в том, что Российская Федерация и дальше будет активно защищать право на неприкосновенность частной жизни, и это будет подтверждаться всякий раз, когда это необходимо. Однако поскольку масштабы и серьезность угроз киберпреступности продолжают прогрессировать, все субъекты борьбы с преступностью в нашей стране должны признать: одного совершенствования программного обеспечения в сфере обеспечения кибербезопасности недостаточно. Эффективно бороться со всеми проявлениями киберпреступности возможно при возникновении условий, при которых технологии в сфере кибербезопасности становятся эффективными только в том случае, если в обществе осознают необходимость процессов противодействия данному явлению и должным образом стремятся к их совершенствованию.

Проблематика, связанная с ответственностью за рассматриваемые преступления, исследуется как отечественными, так и зарубежными правоведом не первый год, однако до окончательного решения всех вопросов по данной теме пока нет. На отдельные проблемы исследователи имеют, как правило, собственные точки зрения. Поэтому теория уголовного права до настоящего времени не располагает единым пониманием киберпреступности как предмета преступного посягательства. В том числе в недостаточной мере учтены проблемы развития терминологии в сфере киберпреступности, есть множественные пробелы в уголовном законодательстве по вопросам, регулирующим уголовную ответственность за совершение новейших киберпреступлений.

В России и за рубежом существует большое разнообразие преступлений, подпадающих под понятие «киберпреступность», и с каждым годом их количество только увеличивается. В широком смысле эти противоправные деяния можно разделить на

¹ Путин заявил о всплеске киберпреступности. URL: <https://rg.ru/2020/12/04/putin-zaiavil-o-vspleske-kiberprestupnosti.html> / (дата обращения: 10.12.2021).

² Колокольцев: неконтролируемое развитие компьютерных технологий угрожает безопасности РФ. URL: <https://tass.ru/politika/6170300> (дата обращения: 10.12.2021).

две категории: первая — это деяния, направленные на компьютерную технику или другие устройства для несанкционированного доступа к информации и перехвата информационных данных. Часто преступления такого рода называют компьютерными преступлениями. Вторая группа — преступления, в которых компьютеры или другие цифровые устройства являются ключевыми компонентами для совершения таких противоправных деяний в киберпространстве, как хищения, вымогательство, жестокое обращение с детьми, киберсталкинг и др.

Важно отметить, что понимание киберпреступности само по себе во многом шире термина «компьютерная преступность». Кроме того, термин «киберпреступность» (cybercrime) как нельзя точно раскрывает природу феномена преступности информационного пространства, подчеркивая ее связь с компьютерными, информационными технологиями, глобальными телекоммуникационными системами и сетями, тогда как термином «компьютерная преступность» (computer crime) в основном обозначают преступления, совершаемые в отношении компьютеров либо информационных данных, которые хранятся на них [1, с. 67].

Анализ использованных отечественной и международной правовой практикой подходов, определяющих киберпреступность, позволяет автору характеризовать ее как комплексное явление, которое включает в себя ряд категорий и криминальных действий, в частности кражу, мошенничество, вымогательство и другие виды преступлений, которые совершаются при помощи электронных сетей и информационных систем [2, с. 72, 100]. Кроме того, это деятельность, связанная с размещением незаконной информации и данных в телекоммуникационных сетях, а также с совершением атак в отношении информационных сетей, блокированием программного обеспечения на различных сайтах, нарушением авторских и смежных прав.

В целях борьбы с компьютерной преступностью в России главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. ст. 272–274) предусматривается ответственность специальными составами, криминализирующими такие противоправные действия, как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей

(ст. 274 УК РФ), а также неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК РФ).

Мы согласны с позицией многих ведущих специалистов, по мнению которых, перечисленные уголовно-правовые составы не адаптированы к новым видам преступных посягательств, совершаемых в области информационно-коммуникационных технологий [3, с. 181; 4, с. 150]. При этом указанные проблемные вопросы могут успешно решаться на основе изучения и дальнейшего использования положительной зарубежной законодательной и правоприменительной практики. Например, в законодательстве некоторых зарубежных стран, в частности в УК ФРГ, есть уголовно-правовые нормы, предусматривающие санкции за противоправные деяния в сфере информационных телекоммуникационных технологий. К ним относятся действия по незаконному приобретению информационных данных; деяния, нарушающие тайну телекоммуникационной связи; действия, связанные с подделкой либо использованием подложных технических записей и данных, которые имеют доказательственное значение; действия по уничтожению, изменению или приведению в негодность данных, устройств, которые предназначены для обработки данных; деяния, связанные с подделкой платежных карт и бланков еврочек³. Кроме того, в Германии уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за противоправные деяния в киберпространстве, подвержены постоянному совершенствованию и модификации. Так, несколько раз менялись дефинитивные части уголовно-правовых норм, которые регламентируют ответственность за совершение киберпреступлений [5, с. 11].

В Уголовный кодекс Франции включена специальная глава «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных», в которой в качестве санкции к некоторым составам применяются запрет сроком не менее чем на пять лет на использование кредитных карт, в результате которого осужденный обязан возратить кредитную карту банку. Помимо этого, за рассматриваемые виды преступных посягательств к уголовной ответственности могут быть привлечены не только физические, но и юридические лица⁴.

В ряде иностранных государств, в частности Пакистане, в соответствии с Декретом «О предотвращении электронных преступлений» в качестве санкции за кибератаки, повлекшие гибель людей, предусмотрена смертная казнь либо пожизненное лишение

³ Уголовный кодекс ФРГ. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴ Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 г. Вступил в силу с 1 марта 1994 г. с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / науч. редактирование Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб., 2002.

свободы. Данным законодательным актом предусмотрена такая уголовная ответственность за иные киберпреступления, в том числе за незаконный доступ к вычислительным системам, их повреждение и др. Указанные преступные деяния наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет⁵.

Базовый нормативный правовой акт, регламентирующий привлечение к ответственности за совершение преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, — Закон о неправомерном использовании компьютеров 1990 (Computer Misuse Act 1990) — был принят Парламентом Соединенного Королевства⁶. Этот Закон рассматривается как надежный и гибкий законодательный акт с точки зрения борьбы с киберпреступностью, поэтому он стал моделью, на основе которой несколько других стран, включая Канаду и Ирландскую Республику, впоследствии были заняты разработкой своих собственных законов об информационной безопасности. Для поддержания Закона в актуальном состоянии принято несколько поправок. В настоящее время к рассматриваемым видам преступлений относятся различные деяния в сфере информтехнологий.

Первым государством в мире, принявшим закон о необходимости защиты информационных данных, являются Соединенные Штаты Америки [6, с. 59]. Сегодня в этой стране насчитывается около 500 развернутых и отлично проработанных нормативных правовых актов, которые достаточно полно отражают вопросы информационной безопасности и посвящены уголовно-правовому регулированию правоотношений по использованию информационно-телекоммуникационного пространства и технологий.

Главной страной в мире, в которой самое большое число как физических, так и юридических лиц, пользующихся интернетом, является Китайская Народная Республика. Это наиболее уязвимая страна в сфере кибербезопасности, поэтому в Китае заинтересованы в принятии различных законодательных мер по противодействию киберпреступности.

Впервые меры уголовной ответственности в сфере обеспечения компьютерной безопасности в КНР введены постановлением Госсовета КНР от 18 февраля 1994 г. № 147 «О компьютерной безопасности информационных систем» [7, р. 14]. Через три года были предприняты новые шаги в сфере борьбы с киберпреступностью, которые законодательно закреплены новой редакцией Уголовного кодекса Китая, вступившего в силу в 1997 г. [8, с. 68]. Китайское законо-

дательство по противодействию киберпреступности продолжало активно развиваться в условиях начала нового тысячелетия и в настоящее время располагает достаточным количеством уголовно-правовых норм, которые посвящены борьбе с рассматриваемым видом преступности.

Помимо уголовно-правовых норм Раздела II Особенной части Главы 6 «Преступления против порядка управления и общественного порядка» УК КНР, устанавливающих уголовную ответственность за противоправные деяния, связанные с незаконным вторжением в компьютерные информационные системы, совершение различных незаконных действий при помощи компьютерных информационных систем, деяния, связанные с умышленным созданием и распространением компьютерных вирусов и иных программ деструктивного характера и др. (ст. ст. 285–287-2 УК КНР), устанавливается уголовная ответственность за совершение финансового мошенничества, кражи, коррупции, хищения государственной тайны или других преступлений, совершенных при помощи компьютера (ст. 287 УК КНР). Также в соответствии с нормой УК КНР возможно привлечь лицо к уголовной ответственности за оскорбление через информационную сеть, которое привело к серьезным последствиям (ст. 246 УК КНР)⁷.

Интернет-пользователи КНР не имеют возможности доступа к сайтам, которые распространяют сведения террористического характера. Китай, столкнувшийся с проявлениями кибертерроризма одним из первых, показал всему мировому сообществу, что бороться с кибертерроризмом не только необходимо, но и возможно на основе развития антитеррористического законодательства и совершенствования антитеррористической практики [9, р. 11].

Важными в сфере правоприменительной практики противодействия киберпреступности в настоящее время остаются решаемые на международном уровне вопросы, связанные с совершенствованием юридической техники и разработкой юридических терминов. Так, большую роль сыграло предложенное ЮНЕСКО понятие, определяющее информационные технологии как комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации охраны труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительную технику и методы, связанные с организацией и взаимодействием с людьми и производственным оборудованием, их практиче-

⁵ В Пакистане введена смертная казнь за кибертерроризм. URL: <https://www.securitylab.ru/news/362634.php> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Computer Misuse Act 1990. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents> (дата обращения: 10.12.2021).

⁷ Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А. И. Коробеева и проф. А. И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М., 2017.

ские приложения, а также социальные, экономические и культурные проблемы [10, с. 65].

В заключение отметим, что сегодня как никогда важно сокращение имеющегося разрыва между практической и законодательной деятельностью в сфере информационной безопасности. Такой разрыв по большей степени объясняется темпами развития информационной сферы, за которой не всегда успевает законодательная, затягивая процессы, связанные с разработкой и принятием нормативных правовых

актов. В связи с этим необходимо совершенствовать отечественное законодательство по противодействию киберпреступности. Данную работу важно строить на основе изучения положительного зарубежного опыта по законодательному регулированию противодействия киберпреступности, не только внося изменения в действующие отечественные законодательные нормы, но и делая акценты на принятии новых законодательных норм, соответствующих современным реалиям.

Список литературы

1. Журавленко Н. И., Шведова Л. Е. Проблемы борьбы с киберпреступностью и перспективные направления международного сотрудничества в этой сфере // *Общество и право*. 2015. № 3(53).
2. Смирнов А. А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза : монография. М., 2012.
3. Кобец П. Н. Особенности киберпреступности в период пандемии COVID-19: состояние и дальнейший прогноз // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2021. № 2(12).
4. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы // *Библиотека криминалиста*. Научный журнал. 2013. № 5(10).
5. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : монография. Владивосток, 2009.
6. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2001.
7. Li P. Ordinance of the People's Republic of China on the Protection of Computer Information System Security // *Chinese Law & Government*. 2010. Vol. 43, iss. 5.
8. Шивдяков Л. А. Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // *Защита информации*. Инсайд. 2009. № 2(26).
9. Navarria G. China: the Party, the Internet, and power as shared weakness // *Global Change, Peace and Security*. 2016. Vol. 29.
10. Федотова Е. Л. Информационные технологии и системы : учеб. пособие. М., 2011.

УДК 340.343.9 © С. А. Тимко, С. В. Матюшенко, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-106-109

Цель противодействия преступности

С. А. Тимко, Омская академия МВД России

✉ satimko@list.ru

С. В. Матюшенко, Омская академия МВД России

✉ md.sinichka@mail.ru

Термин «противодействие преступности» в законодательстве не определен, в правовой науке и правоприменительной практике он также не имеет однозначной трактовки. Еще более неопределенными являются организационные основы деятельности по противодействию преступности, среди которых особое место занимает ее цель. В статье изложено авторское понятие противодействия преступности и названы формы, в которых может быть реализована деятельность по противодействию преступности. Исходя из промежуточных целей, свойственных каждой из форм, авторы определяют общую цель противодействия преступности. Исследуются немногочисленные представления правоведов о целях противодействия, выделяются общие черты, преимущества и недостатки имеющихся точек зрения. Представленный в статье материал может быть интересен для дальнейшего анализа и совершенствования правовой терминологии, организации антикриминального воздействия на преступность.

Ключевые слова: противодействие преступности; цель противодействия; формы противодействия; борьба с преступностью; сопротивление преступности; защищенность от преступлений; препятствование криминальной активности.

The Goal of Counteracting Crime

S. A. Timko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ satimko@list.ru

S. V. Matyushenko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ md.sinichka@mail.ru

The term "counteracting crime" is not defined in the legislation; in legal science and law enforcement practice, neither does it have an unambiguous interpretation. Even more uncertain are the organizational foundations of counteracting crime, its purpose playing a special role. The article sets forth the authors' concept of counteracting crime and lists the forms where activities on counteracting crime can be implemented. Based on the intermediate goals typical for each of the forms, the authors determine the goal of counteracting crime in general. A few ideas of jurists about the goals of counteraction are examined, common features, advantages and disadvantages of existing points of view are highlighted. The material presented in the article may be of interest for further analysis and improvement of legal terminology, organization of counteracting crime.

Keywords: counteracting crime; goal of counteracting; forms of counteraction; fighting crime; resistance to crime; protection from crime; hindering criminal activity.

В правовой науке и российских нормативных правовых актах нет единообразного понимания термина «противодействие преступности». Ранее мы уже обращались к анализу этой проблемы и сформулировали авторское определение противодействия преступности как целенаправленной, комплексной, последовательной деятельности государства и общества по предупреждению преступности, выявлению и расследова-

нию совершенных преступных деяний, привлечению виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности и ее реализации, а также по устранению либо минимизации вреда, причиненного отдельными преступлениями и преступностью в целом, посредством реализации мер правового, информационно-пропагандистского, культурно-образовательного, социального, экономического характера [1, с. 6–11].

Важным элементом характеристики сути противодействия преступности является цель этой деятельности. Обычно цель определяют, приступая к какому-либо мероприятию, работе, делу. Она увязывается со спецификой деятельности, ее временными рамками, кругом участников и т. п. В нашем случае деятельность по противодействию преступности давно и успешно реализуется. При этом ее организационные основы, в том числе и цели, до конца не исследованы и четко не выделены в правовой науке и нормативных правовых актах.

В словаре С. И. Ожегова одно из значений цели — это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить; конечный результат, к которому мы стремимся в ходе той или иной деятельности [2, с. 873].

Противодействие преступности — широкое, комплексное, системное понятие. Соответственно его цель аккумулирует желаемые результаты всех входящих в противодействие форм деятельности, среди последних — профилактика, предотвращение, пресечение, досудебное производство, судебное производство, уголовно-правовое воздействие на виновных, нивелирование, минимизация негативных последствий преступных деяний и преступности в целом. Цель профилактики и предотвращения — не допустить совершения преступления, цель пресечения — не дать преступлению завершиться и (или) минимизировать причиняемый им вред.

Уголовное судопроизводство, которое «охватывает не только судебное, но и досудебное производство по уголовному делу» [3, с. 8], призвано раскрыть преступление, изобличить виновных и привлечь их к ответственности; согласно статье 6 УПК РФ — обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также реабилитацию лиц, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию.

Уголовно-исполнительное воздействие ориентировано на исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами.

Нивелирование, минимизация негативных последствий преступности и отдельных преступлений направлены на возмещение ущерба, восстановление справедливости, обеспечение чувства криминальной защищенности населения, воспрепятствование самовоспроизводству преступности. Можно констатировать, что противодействие преступности в целом призвано обеспечить защищенность (как

состояние надежной безопасности, защиты) интересов граждан, общества, государства от преступных посягательств и, как справедливо отмечено в приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», «сдерживание и сокращение преступности»¹.

С. А. Новоселов полагает что «„противодействие преступности“ как форма воздействия на деструктивное волеизъявление отдельных членов общества в качестве основной цели должно рассматривать обеспечение общественной безопасности» [4, с. 67]. Общественную безопасность законодатель трактует как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»².

Близкую позицию высказывают Ю. А. Воронин и А. В. Майоров, которые считают, что «целями противодействия преступности являются повышение уровня защищенности личности, общества и государства в целом, снижение уровня преступности и удержание ее на определенном уровне (контроль), минимизация и (или) ликвидация последствий преступной деятельности» [5, с. 14].

Однако необходимо отметить, что о *повышении* (здесь и далее курсив наш. — С. Т., С. М.) уровня защищенности говорить не вполне корректно. Семантически «повышение» предполагает усиление, расширение, увеличение. Субъекты противодействия преступности ориентированы именно *обеспечить* защиту — предоставить ее, гарантировать, создать безопасные условия жизнедеятельности, а повышение уровня защищенности может быть целью совершенствования деятельности по противодействию преступности.

И. В. Обьедкова, признавая неизбежность существования в обществе преступности, полагает, что противодействие направлено на «обеспечение максимально возможного ограничения преступных проявлений, сведение преступности к такому уровню, при котором она перестала быть угрозой национальной безопасности» [6, с. 400]. В Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» национальная безопасность трактуется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются ре-

¹ О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) (п. 4). Документ опубликован не был. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 12.12.2021).

лизация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»³. В предложенной формулировке цели наблюдается противоречие. Противодействие призвано *снизить* преступность, чтобы она не угрожала национальной безопасности. Но национальная безопасность — есть *защищенность* личности, общества и государства. Если преступность, пусть и на минимальном уровне, существует, то национальная безопасность находится под угрозой.

Иной акцент в формулировке цели противодействия ставят А. П. Алексеева и П. И. Бабошкин. Анализируя суть противодействия преступности, они пришли к выводу, что «оно по своему содержанию совпадает с предупреждением и борьбой с преступностью» [7, с. 35], включая в себя эти виды деятельности. При этом указывается, что предупреждение и борьба изначально имеют разные цели: предупреждение — удержание лица от совершения противоправного поступка полностью либо воспрепятствование воплощению преступного замысла в жизнь (окончанию преступления), борьба — сдерживание существующей преступности в определенных рамках. Соответственно цель противодействия преступности аккумулирует названные ориентиры. Авторы предлагают целью противодействия преступности считать *сопротивление преступности* путем ее предупреждения и борьбы с нею [7, с. 35].

Такая формулировка смещает акцент предвосхищаемого результата деятельности с *обеспечения защищенности* общества в целом и каждого человека в отдельности, государства от противоправных посягательств и негативных факторов, им сопутствующих, на воспрепятствование, *противоборство* преступности. Это необоснованно сужает, упрощает и обесценивает понятие противодействия преступности. Стремиться нужно к тому, чтобы охраняемые интересы были максимально защищены, а сопротивление — это, по сути, одна из составляющих противодействия.

Эти же аргументы позволяют подвергнуть сомнению позицию Д. Ю. Гончарова, указывающего, что единой целью законодательства о противодействии преступности (а исходя из контекста и противодействия преступности. — С. Т., С. М.) могло бы стать *препятствование криминальной активности* путем предупреждения преступлений (в том числе выявления и устранения причин преступлений, совершенных ранее) и путем борьбы с преступностью (в том числе пресечения совершаемых, выявления, раскрытия и расследования совершенных престу-

плений, назначения и исполнения уголовных наказаний, минимизации (ликвидации) последствий преступлений) [8, с. 263].

Лаконично, но весьма емко и точно определяет цель противодействия преступности Д. А. Шестаков: «восстановление нарушенных прав, ресоциализация, защита общества и предупреждение преступлений» [9]. В другой своей работе Д. А. Шестаков, как активный сторонник идеи о необходимости единого законодательства о противодействии преступности и целесообразности разработки кодекса о предупреждении преступлений, дополняет: «целеполагание в отношении к противодействию преступному поведению и преступности необходимо увязать с нравственностью» [10, с. 124].

В целом нам импонирует позиция известного криминолога относительно целей противодействия преступности. Однако, как уже упоминалось выше, защите общества и предупреждение преступлений в предложенном перечне результатов этой деятельности целесообразно поставить на первое место. Усилия субъектов противодействия в первую очередь направлены на предупреждение преступлений, а уже потом, в случае безуспешности этого, на восстановление нарушенных прав и ресоциализацию осужденных. Вместе с тем предупреждение преступлений правильнее рассматривать в качестве одной из форм противодействия преступности, а не его конечной цели. Ведь защита общества, о которой пишет ученый, прежде всего будет осуществляться путем предупреждения противоправных деяний. Вызывает одобрение утверждение Д. А. Шестакова об исключительной важности формирования в обществе нравственности, причем, как он считает, «подлинная нравственность привязана не к общественному мнению, а к высшему разуму, свет которого проливается из религиозного и философского сознания — от древнего золотого правила нравственности: „Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе“, до „категорического императива“». Дефекты нравственности лежат в основе противоправного поведения. Реализуемые государством и обществом воспитательные меры позволят не допустить формирования антиобщественной установки у большинства населения, а в необходимых случаях, если такие меры оказались неэффективными, провести коррекцию в отношении лиц, совершивших преступления. Нравственность общества обеспечит также представление о наказании не как о возмездии, а как о способе исправить оступившегося человека. При этом весьма разумно, что Д. А. Шестаков не ставит формирование нравственности в единый перечень целей наряду с восстановлением нарушенных прав,

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2021).

ресоциализацией, защитой общества и предупреждением преступлений, а указывает, что оно выступает сквозной идеей каждой из этих целей.

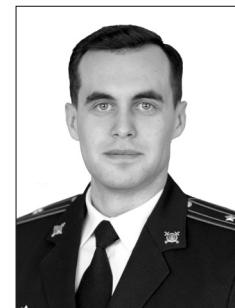
Философского подхода к целям противодействия преступности придерживается А. Н. Игнатов. По его мнению, цель такого противодействия — «создание в обществе условий минимизации уровня преступности до оптимально возможного (соответствующего состоянию политического, социально-экономического и культурного развития общества в данный момент) уровня» [11, с. 215]. В некоторой мере подобная позиция объединяет как деятельностный аспект, так и итог деятельности — снижение преступности. Однако ее также нельзя признать безупречной. Конечный результат А. Н. Игнатов сводит к антикриминальной деятельности, устранению, нивелированию, минимизации детерминант преступности. Но здесь не идет речи о воздействии на ключевое свойство преступности — общественную опасность и, соответственно, об ограждении общества от вреда, связанного с преступным поведением. Минимизация уровня преступности также не может быть признана итогом противодействия. Это, скорее, задача, которая позволит повысить уровень защищенности населения.

Резюмируя, укажем, что цель противодействия преступности в российской правовой литературе в настоящее время исследована поверхностно. Отсутствие единообразного понимания самого термина «противодействие» закономерно влечет разнообразные трактовки цели этой деятельности в немногочисленных работах соответствующей тематики.

Мнения специалистов о цели противодействия преступности можно объединить в две основные группы. В рамках первой речь идет о конечном желаемом результате — об обеспечении безопасности личности, общества и государства, минимизации и (или) ликвидации последствий преступной деятельности (А. В. Майоров, С. А. Новоселов, И. В. Обьедков, Д. А. Шестаков). В рамках второй — об активной деятельности — сопротивлении преступности (А. П. Алексеева, П. И. Бабошкин, Д. Ю. Гончаров, А. Н. Игнатов). Полагаем, что верное понимание цели противодействия преступности аккумулирует обе позиции: целью противодействия преступности является защита интересов граждан, общества, государства от преступных посягательств, сдерживание и сокращение преступности.

Список литературы

1. Тимко С. А. О сущности понятия «противодействие преступности» // Юрист-Правоведъ. 2018. № 1(84).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2010.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.
4. Новоселов С. А. Противодействие преступности в концепции деятельности полиции и практике органов внутренних дел Российской Федерации // Российский следователь. 2019. № 6.
5. Воронин Ю. А., Майоров А. В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1.
6. Обьедкова И. В. Формирование позитивной ответственности граждан как важная составляющая государственной политики противодействия преступности // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф / отв. ред. В. Ю. Стромов. Тамбов, 2019.
7. Алексеева А. П., Бабошкин П. И. Понятие противодействия преступности // Юрист-Правоведъ. 2008. № 3(28).
8. Гончаров Д. Ю. «Уголовно-правовая» и «криминологическая» составляющие законодательства о противодействии преступности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 2.
9. Шестаков Д. А. Основы учения о противодействии преступности. URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/362-2019-06-24-18-44-40.html> (дата обращения: 20.12.2021).
10. Шестаков Д. А. Криминология закона о нравственности и праве противодействия преступности // Союз криминалистов и кримиологов. 2018. № 1.
11. Игнатов А. Н. Противодействие преступности: симулякры и симуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1.

Неосторожная преступность на производстве: детерминация и профилактика

И. В. Ботвин, Барнаулский юридический институт МВД России
✉ botviniv@mail.ru

Рассматривается проблема неосторожной преступности на производстве в криминологическом аспекте. Исследуются причины, условия и факторы, влияющие на данный вид преступности, а также основные меры профилактики, способные привести к ее сокращению в современных условиях. Автор подчеркивает, что новые технологии все глубже проникают во все сферы жизнедеятельности человека, что ведет к появлению нового оборудования, производственных мощностей, электронных приборов, требующих особого отношения лиц, работающих с ними, а также разработку современных мероприятий по предупреждению неосторожной преступности на производстве.

Ключевые слова: профилактика; детерминанты; неосторожность; производственное предприятие; индустриализация; труд.

Crime of Negligence at Workplace: Determination and Prevention

I. V. Botvin, the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ botviniv@mail.ru

The problem of crime of negligence at workplace in the criminological aspect is under consideration. The main causes, conditions and factors which influence this type of crime, as well as the main measures to prevent it, which can lead to its reduction in modern conditions, are examined. The author emphasizes that new technologies are deeper infiltrating all spheres of human life, which leads to the emergence of new equipment, production facilities, electronic devices that require special handling, as well as the development of modern measures to prevent crime of negligence at the workplace.

Keywords: prevention; determinants; negligence; manufacturing enterprise; industrialization; labour.

Актуальность проблемы ведения правоохранительными органами борьбы с различными видами неосторожных преступлений на практике связана с неблагоприятными тенденциями в этой сфере и причиняемым данными преступлениями значительным ущербом. Причем ущерб в результате совершения таких преступлений наступает как физический, так и имущественный.

В настоящее время в специальной литературе можно встретить дискуссии относительно проблемы установления вины и ее доказывания, включая наступление ответственности за неосторожное преступление, что делает проблему преступной неосторожности весьма актуальной. А. И. Рарог разработал основные теоретические положения о вине и виновности деяния [1, с. 19], однако некоторые аспекты этого учения в последние годы ставятся под сомнение специалистами в области уголовного права, которые часто отходят от традиционного понимания легкомыслия и неосторожности [2, с. 143–148].

Общественно-правовая природа вины, ее позиционирование среди основополагающих идей правовой доктрины в результате делает ее важнейшим условием наступления ответственности.

На основании действующей Конституции РФ уголовная политика государства ориентируется на то, чтобы обеспечить права граждан и добиться социальной справедливости. В результате предполагается строгая реализация принципа вины (ст. 5 УК РФ). Соблюдение существующих прав и свобод людей, обеспечение их неприкосновенности, в том числе от необоснованных уголовных репрессий, на практике не представляются без наличия продуманной, непротиворечивой регламентации вопросов, связанных с умыслом и неосторожностью нормам уголовного закона. Создание на практике этих норм с учетом аргументированных положений получает весьма важную значимость с точки зрения поддержания закона в стране. Существующее в системе права учение о вине, в том числе вине по неосторож-

ности, отнесено к вопросам, вызывающим большой интерес со стороны исследователей. Во многом это обусловлено спецификой вины, связанной со сферой психики человека, которая оказывается недоступной для непосредственного познания.

Кроме того, на практике вопросы неосторожной вины напрямую связаны с оценкой поведения человека. Именно комплексность вопросов, связанных с проявлением неосторожности, определяет актуальность их изучения в разных аспектах. Изучение личности неосторожного преступника, нейтрализация причин подобных неосторожных преступлений позволяют осуществлять их действенную профилактику.

Неосторожная преступность наукой криминологией рассматривается очень подробно, однако по-прежнему остается ряд вопросов, подлежащих уточнению и более глубокому исследованию. Важно вовремя обнаружить и нейтрализовать те факторы, которые ведут к росту количества таких преступлений.

Преступления, связанные с неосторожностью, могут быть совершены в самых разных сферах жизни общества: при эксплуатации транспортных средств, на производстве, связанном с повышенной опасностью, при изготовлении медикаментов и во многих других.

В результате выделяют несколько разновидностей неосторожного преступного поведения, которое обусловлено нарушением действующих правил: защиты окружающей среды и экологии; безопасности эксплуатации транспорта и дорожного движения; деятельности, требующей в процессе особой осторожности; безопасности при транспортировке энергоносителей; безопасности в быту и т. д. [3, с. 266].

Техническими и технологическими недостатками на производстве принято считать различные неисправности рабочих аппаратов, вызванные проблемами технического обслуживания, некачественной сборкой, отсутствием проверок перед началом работы, сходные неисправности, связанные с оборудованием станков и машин или полное отсутствие технических средств защиты операторов данных машин.

Любые производственные агрегаты в силу своих технических особенностей не могут работать полностью автоматизированно. Нередко случается, что возникают какие-либо ошибки, которые требуют непосредственного вмешательства мастера-оператора в производственный процесс [3, с. 268].

Часто случается так, что, не желая останавливать производство, мастера берутся исправлять названные ошибки во время работы агрегата, совершенно забывая про требования техники безопасности и подвергая себя неоправданному риску. Похожие последствия могут возникать и в процессе технического обслуживания производственных агрегатов. Нередко случается, что на производстве обязательное техническое

обслуживание производится некачественно или вовсе не производится. Это объясняется нежеланием надолго останавливать рабочую линию, расходовать значительные средства на обслуживание машины, которая вроде бы и так отлично работает.

Названные проблемы обычно возникают из-за несоответствия профильной документации техники. Так, часто к современной технике применяют различные устаревшие инструкции и рекомендации, написанные еще во времена Советского Союза, которые уже не актуальны в настоящее время.

Совершению неосторожных преступлений на производстве, безусловно, способствует и неполноценное выполнение обязанностей некоторыми государственными контрольными организациями, а именно пожарным надзором, технической инспекцией, природоохранными учреждениями и др. На практике люди сталкиваются со следующими проблемами.

1. Очевидный недостаток квалификации сотрудников организаций. Нередко лицо, ответственное за контроль над предприятием, просто не знает, что представляет из себя техника, а тем более как ею правильно и безопасно пользоваться.

2. Недостаток кадрового состава и региональная разрозненность надзорных предприятий. Часто случается, что сотрудники одной государственной надзорной компании должны одновременно обслуживать сразу несколько предприятий, расположенных далеко друг от друга. К тому же рабочие экипажи данной организации бывают значительно сокращены из-за недостатков в кадровой политике.

3. Оснащенность надзорных ведомств. Неединичны случаи, когда работники надзорного органа являются на проверку без оборудования и просто фактически не имеют возможности произвести проверку в необходимых условиях.

4. Недостаточная мотивация или нежелание качественно выполнять свои обязанности. Работники производственных предприятий нередко отмечают, что иногда контроль и проверка на всех производствах не проводятся по причине того, что контролирующая организация либо забыла про них, либо просто решила не приезжать.

Часто нарушения связаны именно с профессиональным осуществлением своих обязанностей работниками производственных предприятий, задействованных в качестве инженеров. Виной всему формальный подход к осуществлению обязанностей, отвлечение от своих непосредственных обязанностей на выполнение другой работы, пренебрежительное отношение к реальному контролю за соблюдением рабочих требований безопасности [4, с. 220].

К тому же очевидно, что решающим фактором является недостаток квалификации и уровня про-

фессиональных знаний лиц, работающих с потенциально опасной техникой. Часто случаются ситуации, когда на производстве устанавливается новое оборудование. Работник продолжает работать с ним так же, как со старым, не зная особенностей новой техники и требований безопасности. Вместе с тем руководство предприятия не спешит отправлять данного работника на повышение квалификации. Он обязан самостоятельно изучить новую технику, но самонадеянно предполагает, что никакой разницы по сути нет [5, с. 173–177].

К числу криминогенно значимых недостатков в деятельности и ее правовом регулировании относятся также нарушение режима рабочего времени, приводящее к выполнению обязанностей операторами механизмов в сильной степени усталости, что существенно сказывается на скорости и точности их решений и действий.

Острую проблему представляет нахождение на производстве работника в состоянии опьянения. Данный вопрос заслуживает серьезного внимания, поскольку число лиц, зависимых от алкоголя или наркотиков, возрастает как в стране в целом, так и в отдельных видах жизнедеятельности. Не секрет, что алкоголь ослабляет самоконтроль и не позволяет адекватно оценивать собственные действия на производстве, снимая моральные барьеры и упрощая отношение к совершаемым преступлениям. Следует отметить, что алкоголизм является универсальной детерминантой многих видов преступности. Особенно это касается рассматриваемой группы неосторожных посягательств, так как состояние алкогольного опьянения сильно затормаживает реакцию, снижает чувство страха и ответственности, создает почву для халатного выполнения работником своих функциональных обязанностей и поставленных производственных задач, увеличивает вероятность риска совершения преступных деяний, продиктованных неосторожностью. Ошибки на производстве сами по себе обладают общественной опасностью, поскольку могут создавать угрозу причинения вреда работникам, экологии, обществу или даже государству [6, с. 3–6].

Употребление спиртного ведет также к росту виктимности среди работников предприятия, которые становятся менее внимательными и перестают соблюдать элементарные меры для обеспечения собственной безопасности, а также меры пожарной и иной безопасности. Приведем пример. Гражданин Д., являясь директором ООО, организовал установку, принял решение об эксплуатации и ввел в фактическую эксплуатацию энергоустановку (котел) неустановленной марки, используемую в целях ускорения готовности (сушки) железобетонных изделий.

Затем допустил до ее эксплуатации работника С., которого не ознакомил с правилами внутреннего трудового распорядка, с правилами по технике безопасности. Производя обслуживание энергоустановки, находясь в состоянии алкогольного опьянения, С. допустил разрыв форсунки указанной энергоустановки (котла), в результате чего ему были причинены переломы костей скелета (черепа) и повреждения головного и спинного мозга, несовместимые с жизнью. Таким образом, директор ООО совершил преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 143 УК РФ¹.

Важное значение имеет профилактика неосторожной преступности на производственных предприятиях. Однако этому направлению не уделяется должного внимания руководителями организаций и государством. Данное направление состоит в реализации самых разных мер в экономической, социальной, идеологической, политической, культурно-воспитательной, управленческой и многих других сферах жизни общества. Должны реализовываться масштабные, имеющие частный характер меры и процессы, способные значительно влиять на все элементы механизма неосторожного преступного поведения.

Внедрение механизации, роботизации и информатизации в повседневный труд граждан, а также поступательные меры, направленные на совершенствование как трудовой, так и бытовой дисциплины среди граждан, недостаток ответственности у подрастающего поколения к труду, производственным циклам и обращению с оборудованием — все это должно найти отражение в современной системе профилактики рассматриваемого вида преступности.

Профилактические меры не должны быть кем-то учреждены и назначены. Их реализация должна быть принята самим обществом. Именно совершенствование общественной жизни может стать сильнейшим толчком для ликвидации неосторожной преступности, в том числе и на производственных предприятиях. Предлагаем рассмотреть современные нетипичные средства предупреждения неосторожной преступности в эпоху четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0).

1. Не теряют своей актуальности различные организационные меры, направленные на постоянное совершенствование безопасности и охраны труда, охраны природы. Законодательство следует совершенствовать не в области ужесточения наказаний за неосторожные преступления, а в области противодействия тем факторам, которые являются детерминантами неосторожных преступлений [7, с. 72–76].

Необходимо также совершенствовать работу контрольных государственных структур, в частно-

¹ Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга. Приговор суда по ч. 2 ст. 143 УК РФ № 1-1101/2017.

сти правоохранительных органов, надзорных организаций, организаций по охране труда и окружающей среды. Важно искоренять формальный подход, бюрократию и стремление государственных служащих применять традиционные и общепринятые подходы к решению проблемы, поскольку они неуместны в современных условиях цифровизации и индустриализации.

2. Предупреждение должно касаться индивидуальной воспитательной и профилактической работы с лицами, потенциально способными совершать или стать жертвами неосторожных преступлений в производственной сфере. Такая работа должна проводиться в трудовых коллективах, семьях, образовательных учреждениях, где потенциально могут возникать различные конфликтные ситуации, которые в итоге смогут выступать детерминантами неосторожной преступности.

Целесообразно организовывать мероприятия по совершенствованию квалификации трудящихся, заниматься их профессиональной подготовкой с использованием тренажеров производства, проводить тренинги с моделированием, чтобы данные лица знали, что нужно делать при возникновении чрезвычайных ситуаций во избежание жертв.

Кроме того, необходимо следить за тем, чтобы лица, работающие с машинами и агрегатами, имели достаточную степень квалификации, а также все необходимые морально-волевые качества, такие как дисциплинированность, стрессоустойчивость, выдержка и способность сохранять самообладание в нестандартных ситуациях. Особую роль несут в себе контроль за нахождением на предприятии работников только в трезвом состоянии, борьба с пьянством и наркоманией среди работников.

В рамках школьного образования нужно уделять внимание дисциплинам, направленным на развитие навыков безопасной жизнедеятельности и устранять формальный подход к изучению данных предметов.

3. В направлении предотвращения неосторожной преступности на производствах необходимо предпринимать меры по контролю за качеством разработки, изготовления, конструирования и ввода в эксплуатацию машин и агрегатов (особенно новых и современных), потенциально несущих в себе повышенную опасность для жизни и здоровья человека.

Следует тщательно подходить к проблемам разработки не только основных технических особенностей агрегатов, но и многоуровневых систем безопасности, способных минимизировать или полностью исключить возможность причинения вреда жизни и здоровью лиц, работающих с такой техникой.

Примером нарушения указанных положений может служить следующий случай из судебной практики. Гражданин Ф., состоящий в должности мастера эксплуатационного участка службы эксплуатации ООО «Светосервис-Кубань», наделенный полномочиями по обеспечению работ, связанных с ремонтом, реконструкцией и капитальным строительством электрических сетей наружного обеспечения, осуществляя руководство по демонтажу грунтовых декоративных прожекторов марки «POLO» в количестве 92 штук, не проверил и не принял мер к установке заземляющего проводника энергокомплекса грунтовых декоративных прожекторов, не убедился в его наличии и работоспособности. После выполнения указанных работ Ф. сообщил руководству ООО «Светосервис-Кубань» о завершении работ по монтажу грунтовых прожекторов в полном объеме. Через несколько дней произошла утечка электрического тока в окружающую среду от грунтового декоративного прожектора марки «POLO», вследствие чего произошло поражение несовершеннолетнего И. техническим электричеством, от которого он скончался.

Таким образом, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти человека от поражения электрическим током, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, проявив бездействие, Ф. совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 109 УК РФ².

Регулярная проверка исправности оборудования, своевременное его обслуживание позволит избежать ряда последствий, часть из которых может быть преступными. Контроль за ремонтом и списанием производственных мощностей позволит избежать аварий на производстве и последствий для жизни и здоровья работников. Однако в погоне за прибылью руководители предприятий часто игнорируют данное положение, что несет прямую угрозу и детерминирует неосторожную преступность.

Профилактике производственной неосторожности способствует развитие сервисных и инженерных служб, обеспечивающих не на кустарном (как нередко бывает), а на профессиональном уровне установку, ремонт, обслуживание и контроль за эксплуатацией оборудования.

4. Эффективным представляется постоянный анализ допущенных ошибок и разработка мер по недопущению в дальнейшем неосторожных правонарушений при осуществлении трудовой деятельности, а также по устранению последствий, причиненных преступлением. Если по вине того или иного предприятия был допущен существенный вред природе, данное предприятие, вне зависимости от

² Архив Ленинского районного суда г. Краснодара. Приговор по ч. 2 ст. 109 УК РФ № 1-37/2017.

наличия приказа или рекомендации, должно брать на себя ответственность по ликвидации причиненного природе вреда. Однако такой постулат не принимается современными рыночными отношениями и не входит в число обязательных для руководителей производственных предприятий.

5. Профилактические работы необходимо производить не только с лицами, профессиональная деятельность которых напрямую связана с угрозой в совершении неосторожного преступления, но и с гражданами, которые занимаются обслуживанием производственного оборудования, организацией деятельности цеха, обеспечением порядка и безопасности на производстве.

В рамках такого вида профилактики следует запретить доступ случайных лиц на производство, постоянно совершенствовать грамотность работников, обслуживающих производственный процесс, в области техники безопасности, правил дорожного движения (если оно имеет место на производственном предприятии), правил пожарной безопасности, правил использования оборудования и имеющихся бытовых приборов, являющихся источниками повышенной пожароопасности. Также важно прививать экологические ценности, утверждать в них важность природы и ее охраны.

6. Для предупреждения халатности руководителей и должностных лиц предприятия большое значение имеет четкая регламентация их деятельности в законных и подзаконных актах, а также ведомственный контроль. В рамках нейтрализации детерминирующих факторов неосторожной преступности в рассматриваемой сфере, возникающих со стороны правоприменителей, а именно должност-

ных лиц государственных учреждений, важную роль играет совершенствование регламентации их деятельности в нормативных правовых актах, а также усиление и наращивание постоянного контроля со стороны вышестоящих организаций и контрольных органов [8, с. 96].

Таким образом, разработанные и представленные основные причины и условия требуют серьезного внимания как со стороны государственных органов, так и со стороны руководителей производственных предприятий, а выработанные меры по предупреждению неосторожной преступности на производстве позволят избежать (минимизировать) случаи преступного поведения в современную эпоху индустриализации.

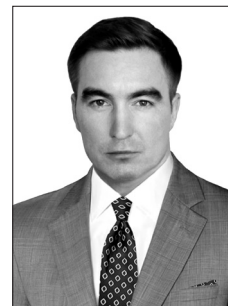
Мировое сообщество переживает процесс цифровой индустриализации, который связывают с четвертой промышленной революцией. Новые технологии все глубже проникают во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и производственные [9, с. 159–163]. Безусловно, появление нового оборудования, производственных мощностей, электронных приборов требует особого отношения лиц, работающих с ними.

Суть представленных превентивных и профилактических мер, направленных на недопущение неосторожной преступности на производстве, сводится не к борьбе с самими преступными деяниями, а к противодействию факторам, детерминирующим их. Только комплексный подход в данном направлении позволит сделать современное производство безопасным во всех смыслах этого слова, а неосторожную преступность свести к минимуму.

Список литературы

1. *Рарог А. И.* Вина в советском уголовном праве : монография / А. И. Рарог ; науч. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 2018.
2. *Зыков Д. А.* Содержание небрежности как вида неосторожности / Д. А. Зыков, С. С. Шеслер, А. В. Шеслер // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 1-1.
3. *Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика : монография* / Р. М. Абызов, Е. Р. Шестопалова, П. Д. Фризен [и др.] ; под общ. ред. Р. М. Абызова. Барнаул, 2018.
4. *Криминология: Общая и Особенная части : курс лекций* / под общ. ред. Р. М. Абызова. Барнаул, 2020.
5. *Золотых Р. Д., Серегина Е. В.* Сущность и содержание неосторожной преступности // Межвузовский криминалистический форум // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Ростов н/Д, 28–29 ноября 2019 г. : сб. по мат-лам форума в рамках научного проекта. Ростов н/Д, 2019.
6. *Конюх Е. А., Рудьман Д. С.* Эколого-правовое значение земли // Экологическое право. 2017. № 5.
7. *Заварыкин И. Н.* Феномен, социально-психологическая основа и противодействие неосторожной преступности // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2.
8. *Абызов Р. М.* Региональная криминология : учебник. Барнаул, 2021.
9. *Бабурин В. В., Унукович А. С.* Современные угрозы компьютерной безопасности // Актуальные проблемы учения о преступлении : тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева. Омск, 28 февраля 2020 г. Омск, 2020.

УДК 343.01 © К. Д. Николаев, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-285-115-121

Пространство, время, обстановка и способ как внешние системообразующие факторы уголовного права

К. Д. Николаев, Омская академия МВД России
✉ knik55@mail.ru

На основе системного подхода рассматривается уголовное право. Анализируются внешние системообразующие факторы, непосредственно влияющие на возникновение, развитие и функционирование уголовного права и законодательства. Показана главенствующая роль таких факторов, как пространство, время, обстановка и способ, раскрывается их содержание. Отмечается, что данные факторы тесно связаны между собой, оказывают друг на друга влияние, что непосредственно отражается на системе уголовного права и законодательства.

Ключевые слова: системный подход; система; системообразующие факторы; уголовное право; пространство; время; обстановка; способ.

Space, Time, Environment and Method as External System-Forming Factors of Criminal Law

K. D. Nikolaev, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ knik55@mail.ru

Criminal law is considered on the basis of a system approach. External system-forming factors that directly affect the emergence, development and functioning of criminal law and legislation are under analysis. The dominant role of such factors as space, time, environment and method is shown, the content of these factors revealed. It is noted that these factors are closely interconnected, have mutual influence on each other, which has an immediate impact on the system of criminal law and legislation.

Keywords: system approach; system; system-forming factors; criminal law; space; time; environment; method.

Для образования, функционирования и развития системы важное значение имеют системообразующие факторы, под которыми следует понимать все то, что приводит к возникновению системы. Это справедливо в отношении любой системы, в том числе и правового образования, любой отрасли права, а значит и уголовного права как самостоятельной отрасли.

В наиболее общем виде системообразующие факторы можно разделить на два типа: внешние и внутренние. Внешние системообразующие факторы — это «факторы среды, которые способствуют возникновению и развитию систем», «это такие силы, которые, способствуя образованию системы, в то же время выступают чужими для ее элементов, не обуславливаются и не вызываются внутренней необходимостью к объединению» [1, с. 52, 53]. Рассмотрим названные факторы подробнее применительно

к образованию системы уголовного права и законодательства.

Важнейшими внешними системообразующими факторами выступают пространство и время. А. Н. Аверьянов справедливо отмечает: «Пространственно-временная характеристика системы — одна из важнейших сторон ее качественной определенности. Вместе с тем любая система существует в определенном внешнем пространстве, которое оказывает непосредственное, а нередко и решающее влияние на ее формирование и существование» [1, с. 56].

Указанные факторы нашли непосредственное отражение в нормах главы 2 УК РФ «Действие уголовного закона во времени и в пространстве»¹ в ст. 9 «Действие уголовного закона во времени», ст. 10 «Обратная сила уголовного закона», ст. 11 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление

¹ Аналогичная по содержанию глава 2 УК РСФСР 1960 г. называлась «Пределы действия Уголовного кодекса».

на территории Российской Федерации» и др. Правила, установленные нормами главы 2 УК РФ, распространяются на действие всех норм УК РФ.

Следует отметить, что ранее действовавшее уголовное законодательство содержало определенные ограничения действия некоторых норм в пространстве. Так, глава 11 УК РСФСР 1960 г. «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» включала ст. 236 «Пределы действия главы одиннадцатой настоящего Кодекса», которая гласила: «Действие настоящей главы распространяется на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев»². Полагаем, что в период действия УК РСФСР 1960 г. предписания данной нормы не вызывали вопросов и выглядели логично. Однако законодательная техника того периода небезупречна, так как возникал вопрос, например, что на остальной территории РСФСР (кроме местностей, указанных в ст. 236) запрещенные нормами главы 11 деяния преступными не являются, в частности, деяния, ответственность за которые была предусмотрена ст. 235 УК РСФСР 1960 г. «Двоеженство или многоженство». В действующем УК РФ подобные ситуации исключены.

В рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении пространственных характеристик действия уголовного закона и анализе соответствующих принципов (территориального, гражданства, универсального и реального), а отметим факторы, оказывающие на них первостепенное влияние. В первую очередь, реализацию указанных принципов определяют соответствующие нормативные правовые акты. В связи с этим следует указать законы от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»³, от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»⁴, Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации»⁵, Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ⁶ и др. В то же время содержание соответствующих нормативных правовых актов, определяю-

щих пределы территории России, напрямую зависит от геополитической ситуации в конкретный исторический период. Так, до вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации⁷ действие УК РФ на территорию Крымского полуострова не распространялось.

В то же время Особенная часть УК РФ содержит нормы, действие которых связано с определенной территорией. Например, согласно ч. 1 ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации» преступлением признается «незаконное создание, эксплуатация, использование искусственных островов, установок и сооружений на континентальном шельфе Российской Федерации, незаконное создание вокруг них или в исключительной экономической зоне Российской Федерации зон безопасности, а равно нарушение порядка создания, эксплуатации, использования, охраны и ликвидации созданных искусственных островов, установок и сооружений и средств обеспечения безопасности морского судоходства». Диспозиция ч. 1 ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» тоже содержит указание на определенные характеристики места совершения преступления или, иначе говоря, территорию, на которую распространяется действие данной нормы. Так, преступлением признается «незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (за исключением водных биологических ресурсов континентального шельфа Российской Федерации и исключительной экономической зоны Российской Федерации), если это деяние совершено «в местах нереста или миграционных путях к ним» (п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ), «на особо охраняемых природных территориях либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации» (п. «г» ч. 1 ст. 256 УК РФ). В соответствии с ч. 2 рассматриваемой статьи наказывается «незаконная добыча котиков, морских бобров или других млекопитающих в открытом море или в запретных зонах». Согласно п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ преступлением признается незаконная охота «на особо охраняемой

² Уголовный кодекс РСФСР: официальный текст с изменениями на 1 августа 1962 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов. М., 1962. С. 114.

³ О недрах : закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Рос. газета. 1995. 15 марта.

⁴ О Государственной границе Российской Федерации : закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Рос. газета. 1993. 4 мая.

⁵ О континентальном шельфе Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // Рос. газета. 1995. 7 дек.

⁶ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Рос. газета. 1997. 26 марта.

⁷ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Рос. газета. 2014. 24 марта.

природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации». Полагаем, что общественная опасность соответствующих деяний напрямую зависит от их совершения на определенной территории, в связи с чем применяемая для конструирования рассматриваемых составов преступлений юридическая техника, заимствованная из законодательных актов предшествующих периодов, не является «рудиментом», а наоборот, свидетельствует о преемственности в подходах к изложению уголовно-правовых предписаний. Эти примеры иллюстрируют роль пространства как внешнего системообразующего фактора уголовного права.

Если посмотреть на данную проблему под другим углом, то пространство можно охарактеризовать с точки зрения распространения (преобладания) на определенной территории той или иной модели построения, развития и функционирования уголовного права (законодательства). Речь идет о правовых семьях (романо-германская, англосаксонская, мусульманская и др.). В рамках названных правовых семей формируются собственные правовые системы.

Таким образом, пространство непосредственно влияет на систему уголовного права, выступая в качестве внешнего системообразующего фактора. В самом общем виде это влияние выражается как в пространственных характеристиках действия уголовного закона, содержании соответствующих принципов (что находит отражение, например, в нормах Общей части УК РФ), так и в формулировках конкретных составов преступлений (что находит отражение, например, в нормах Особенной части УК РФ).

Как было отмечено выше, в качестве важнейшего внешнего системообразующего фактора уголовного права наряду с пространством выступает время. Применительно к исследуемому вопросу время определяется как одна из основных, наряду с пространством, форм существования материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире [2]. Выделяются такие аспекты действия уголовного закона во времени, как вступление закона в силу, прекращение действия закона и типы действия закона. Мы не будем подробно останавливаться на этих моментах, так как они довольно подробно рассмотрены в юридической литературе.

В рамках заявленной проблемы время как внешний системообразующий фактор уголовного права следует рассматривать применительно к историческим этапам развития общества, государства и права. С этой точки зрения время как системообразующий фактор уголовного права важно не само по себе (проходит время и меняется уголовный закон), а в связке с существенными изменениями в экономической

основе существования общества в конкретный исторический период. Речь идет об обстановке, в которой разрабатываются, принимаются, действуют или отменяются нормы уголовного права. Под обстановкой в контексте рассматриваемой проблемы понимаются социально-политические и экономические процессы, происходящие на определенной территории в определенное время и отражающие уровень развития производительных сил и производственных отношений.

Прогресс в экономике, появление новых производственных отношений, развитие новых производительных сил тесно связаны с трансформацией общественных отношений, что в конечном итоге приводит к смене приоритетов их правового регулирования, в том числе к изменениям в уголовном праве и законодательстве.

Учитывая изложенное, можно утверждать, что с фактором времени тесно связан другой внешний системообразующий фактор, напрямую влияющий на систему уголовного права и законодательства, — обстановка, составной частью которой выступает общественный экономический уклад, экономическая база общества, обусловленная появлением новых производственных отношений (и развитием производительных сил), господствовавших в тот или иной исторический период. Коренные изменения общественного уклада, вызванные развитием новых производительных сил и появлением более прогрессивных производственных отношений, чем существовавших в предшествующий период, обусловили потребность в разработке и принятии нового или существенном изменении ранее действовавшего уголовного законодательства.

Эти периоды, вычленение которых базируется на свойственных им производственных отношениях, обусловленных соответствующим уровнем развития производительных сил, принято обозначать термином «общественно-экономическая формация». Исследователи указывают: «Общественно-экономическая формация включает в себя все явления, которые имеются в обществе (материальные, духовные, политические, социальные, семейно-бытовые и т. д.). Стержнем формации является способ производства материальной жизни в единстве производительных сил и производственных отношений, а основой производственных отношений — форма собственности на средства производства. Общественно-экономическая формация — это исторически конкретное общество на данном этапе его развития. Каждая формация — это особый социальный организм, развивающийся на базе своих имманентных законов. Вместе с тем общественно-экономическая формация — это определенная ступень в развитии исторического процесса по восходящей линии»

[3, с. 115]. К. Маркс, разрабатывая соответствующие категории, отмечал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества... В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [4, с. 7].

В контексте изложенного следует согласиться с А. Э. Жалинским в том, что «обращение к теории марксизма будет способствовать решению многих наболевших, чувствительных и сложных вопросов уголовного права, в частности таких, как его регулятивные и охранительные возможности, круг охраняемых им ценностей, соотношение интересов различных социальных групп в сфере действия уголовного права, легитимация репрессии и ее последствий, а также некоторых вопросов техники уголовного правотворчества... Введение положений марксизма в структуру уголовно-правового мышления обеспечивает лучшее понимание современного социально-экономического развития, а следовательно, создание дополнительных предпосылок оптимизации уголовной политики» [5, с. 134].

Общественно-экономическая формация представляет собой этап в процессе исторического развития. Смена общественно-экономических формаций происходит, как правило, по восходящей линии, но исторический процесс показывает, что бывают случаи регресса.

Законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы, несут на себе «печать времени» — отражают организацию общества, жизненный уклад того периода, в который они принимались и действовали. Это можно наблюдать, обратившись к соответствующим нормативным правовым актам, принятым в тот или иной период, содержание которых отражало господствующие социально-экономические отношения определенных исторических этапов. Прослеживается закономерность: сменилась общественно-экономическая формация — сменился уголовный закон. Например, «Русская Правда — памятник феодального права. Она всесторонне защищает интересы господствующего класса — феодалов, гарантирует эксплуататорам возможность классового угнетения трудящихся, откровенно провозглашает бесправие несвободных тружеников — холопов, челяди» [6, с. 28]. Статьи Краткой редакции Русской Правды устанавливали дифференцированный размер денежной компенсации за убийство в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего (чем при-

вилегированной сословие, тем больше компенсация): «21. Аже убийють огнищанина... 22. А в княжи тивуне 80 гривен. 23. А конюх старьи у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Дорогобудьци. 24. А в сельском старосте княжи и в ра(та) инеем 12 гривне. 25. А в рядовници княже 5 гривен. 26. А в смерде и в хо(ло)пе 5 гривен» [6, с. 48]. Относительно содержания приведенных правовых норм исследователи отмечали, что «в статьях перечислены штрафы, взимаемые за убийство княжеских слуг, а также людей, находящихся в зависимости от князя» [6, с. 60]. Данные законодательные предписания, содержащиеся в Краткой редакции Русской Правды, иллюстрируют, а точнее, закрепляют элементы неравенства, характерные для феодализма: деление общества на привилегированные и угнетенные (зависимые) сословия, что выражалось в установлении дифференцированных размеров денежной компенсации за жизни представителей разных сословий.

Смена общественно-экономической формации, укрепление новых капиталистических отношений по сравнению с существовавшими ранее феодальными общественными отношениями привела к изменению подходов законодателя к приоритетам уголовно-правовой охраны соответствующих объектов. Так, Уголовное уложение 1903 г. сохраняло дифференциацию ответственности и наказания за убийство в зависимости от личности потерпевшего, однако соответствующие отягчающие наказания за убийство обстоятельства были связаны не с сословием, к которому принадлежал потерпевший, а с родственными, должностными или другими социальными отношениями между виновным и жертвой, но все еще просматривались признаки классового подхода. В связи с этим можно утверждать, что составители Уложения двигались по пути закрепления формального равенства перед законом. Например, ст. 453, предусматривавшая ответственность за основной (простой) состав убийства, гласила: «Виновный в убийстве наказывается: каторгою на срок не ниже восьми лет». Статьи 454 и 455 устанавливали ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах. Согласно ст. 454 «виновный в убийстве матери или законного отца наказывается: каторгою без срока». В соответствии со ст. 455 «виновный в убийстве: 1) восходящего или нисходящего родственника, мужа или жены, брата или сестры; 2) священнослужителя при совершении им службы Божией или духовной требы; 3) должностного лица при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей; 4) кого-либо из чинов караула, охраняющего Священную Особу Царствующаго Императора или Члена Императорскаго Дома, или часового военного караула; 5) начальника или господина, или члена семейства господина, вместе с ним

живущаго, или хозяина, у которого виновный состоит в услужении, или мастера, у которого он находится в работе или учении, или же лица, коему убийца был одолжен воспитанием своим и содержанием; ... наказывается: каторгою без срока не ниже десяти лет»⁸. Изменения жизненного уклада в советский период привели к кардинальной смене уголовного законодательства. Так, УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. не содержали норм об ответственности за убийство, отражающих дифференциацию ответственности с применением классового подхода. В то же время в первых советских уголовных кодексах встречались другие нормы, отражающие классовый подход при дифференциации уголовной ответственности.

Таким образом, обстановка, существующая в обществе, напрямую влияет на содержание уголовно-правовых норм об ответственности за убийство. То же можно утверждать относительно норм, защищающих другие объекты уголовно-правовой охраны.

Наиболее яркое изменение приоритетов уголовно-правовой охраны в связи со сменой общественно-экономической формации можно проиллюстрировать, обратившись к структуре Особенных частей соответствующих законодательных актов. Теория уголовного права исходит из того, что «Особенная часть уголовного права представляет собой упорядоченную совокупность норм. В силу того что все уголовно-правовые нормы облечены в законодательную форму, об их расположении по определенной системе позволяет судить структура Уголовного кодекса Российской Федерации. Все нормы, содержащиеся в статьях Особенной части УК РФ, размещены в некоторой последовательности, в зависимости от ценности объекта преступного посягательства, и распределены по главам (видовой объект), а главы объединены в разделы (родовой объект). Приоритеты расставлены с учетом того, что в ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью» [7, с. 5]. Следовательно, по расположению соответствующих структурных элементов Особенных частей законодательных актов можно судить о приоритетах уголовно-правовой охраны в тот или иной исторический период, характеризующийся определенной обстановкой в обществе.

Так, главы, в которых закреплены составы конкретных преступлений в Уголовном уложении 1903 г., начинались с главы второй «О нарушении ограждающих веру постановлений». Далее следовала глава третья «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома». Ответственность за преступления против жизни была закреплена в нормах главы двадцать второй «О ли-

шении жизни». Особенная часть УК РСФСР 1926 г. начиналась с главы I «Контрреволюционные преступления». Далее следовала глава II «Преступления против порядка управления». Нормы об ответственности за преступления против жизни размещались в главе VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Особенная часть УК РФ начинается с раздела VII «Преступления против личности», в котором на первом месте стоит глава 16 «Преступления против жизни и здоровья».

В данном контексте следует согласиться с исследователями, утверждающими, что «в постсоветском Российском государстве, как и на предыдущих этапах развития российской государственности, уголовный закон рассматривается как мера политическая и как весь арсенал политики обосновывается идеологически. Основополагающей идеологически значимой идеей правового регулирования признается принцип демократизма, дополняемый признаком „либеральный”».

Парадоксально, но многие законотворческие решения в сфере уголовного права, принятые в последнее десятилетие, больше сориентированы на либеральные воззрения, а не на демократизм, сопрягаемый с принципом равенства. Принцип классовости, ранее отвергнутый по идеологическим причинам, вернулся в уголовную политику. УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г., поставил в привилегированное положение представителей класса собственников. ...Федеральным законом от 8 декабря 2003 года из системы наказаний исключена конфискация имущества. Соответственно, тот, кто имеет значительный частный капитал, в случае осуждения за преступление избегает больших материальных потерь, с которыми была связана конфискация имущества» [8, с. 41].

Обращаясь к обстановке как внешнему системообразующему фактору уголовного права следует отметить, что «количество составов преступлений, а также видов и размеров наказаний, предусмотренных за совершение соответствующих деяний, должно быть необходимым и достаточным в тот или иной период на данном отрезке социального развития. Общество и государство стремятся к тому, чтобы своевременно реагировать на появление новых деяний, которые обладают общественной опасностью, чтобы на законодательном уровне закрепить их в качестве преступлений, введя соответствующие составы в Особенную часть УК РФ. Подобный подход характерен для каждого исторического периода. Не углубляясь подробно в данную тему, приведем следующие примеры: с развитием транспорта и ростом аварийности общественную опасность приоб-

⁸ Уголовное уложение высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С. 143–144.

рело нарушение правил дорожного движения, в результате которого причинен вред здоровью или жизни человека. Реакцией на это стало появление в уголовном законодательстве соответствующего состава преступления. Аналогичная ситуация с реакцией законодателя на ситуацию с развитием вычислительной техники, появление глобальных компьютерных сетей и т. п., что вызвало появление общественно опасных деяний в сфере компьютерной информации, реакцией на которые стало включение в УК РФ соответствующих составов преступлений (неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ и т. д.). В случае утраты деянием общественной опасности соответствующий состав преступления исключается из Уголовного кодекса и деяние декриминализируется (например, спекуляция)» [9, с. 86–87].

Характеризуя сложившуюся в настоящее время ситуацию, К. Шваб справедливо отмечает: «Из множества разнообразных и увлекательных задач, стоящих перед современным обществом, наиболее важной и впечатляющей является осознание и формирование новой технологической революции, которая предусматривает как минимум преобразование человечества. ... По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [10, с. 9]. В качестве одного из факторов, которыми К. Шваб обосновывает самостоятельность четвертой промышленной революции, названный автор указывает системное воздействие: четвертая промышленная революция «предусматривает целостные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом» [19, с. 12]. Это относится и к системе права. В ближайшем будущем мы увидим результаты влияния четвертой промышленной революции на право как таковое и уголовное право в частности.

А. Э. Жалинский обоснованно утверждает: «Разумеется, власть в тенденции, по общему правилу, запрещает то, что ей реально угрожает, как бы сложно ни определялась эта угроза, и руководствуется при этом некоторыми установками, опять-таки порожденными реально. Разумеется, эти запреты меняются, поскольку меняются вызовы, угрозы, обычаи, социальные условия в целом и пр.» [5, с. 359–360].

Учитывая изложенное, можно заключить, что обстановка, существующая в обществе, как внешний системообразующий фактор напрямую влияет на систему уголовного права вообще и Особенной части в частности.

Применительно к способу как внешнему системообразующему фактору уголовного права следует говорить о формировании, развитии и функцио-

нировании уголовного права, а также о принятии и применении уголовного закона. Кроме того, можно утверждать о способе реализации в объективной действительности мер по подготовке и принятию уголовного закона, а также мер по практическому правоприменению. Так, под способом принятия уголовного закона понимается совокупность приемов, методов и процедур его разработки (подготовки) и вступления в силу. Способ применения уголовного закона — это совокупность приемов, методов и процедур непосредственного применения на практике норм уголовного права (правоприменение в уголовно-правовой сфере). Способ применения норм уголовного права включает уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную составляющие.

В настоящее время уголовный закон разрабатывается и принимается в соответствии с процедурой, общей для всех федеральных законов. Согласно этой же процедуре принимаются изменения и дополнения в УК РФ. В общем виде процедура принятия федеральных законов отражена в ст. ст. 105–107 Конституции РФ, а процедура вступления в силу регламентируется Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания».

В случае изменения обстановки, например при ведении военных действий, будет действовать законодательство военного времени, и способ принятия, вступления в силу и применения уголовного закона будет иным. В целях ускорения процедуры отдельные уголовно-правовые нормы (или соответствующие нормативные правовые акты) будут вводиться в действие иначе, чем в настоящее время, например указами (Верховного главнокомандующего) или постановлениями (коллегиального органа). Вполне вероятно, будут упрощены процедуры расследования и рассмотрения уголовных дел, а также приведения приговоров в исполнение. Эти «военные» способы принятия, вступления в силу и применения уголовного законодательства будут действовать до изменения обстановки, т. е. до периода окончания военного времени, когда можно будет вновь вернуться к демократическим процедурам принятия законов.

Таким образом, способ напрямую связан с обстановкой: уровнем развития производительных сил и производственных отношений, государственных и общественных институтов, юридической техники и иных обстоятельств, имеющих важное значение на определенной территории и в определенное время для уголовного права и законодательства. Например, при определении путей развития уголовного права (или уголовного закона), при изложении формули-

ровок конкретных уголовно-правовых норм может использоваться так называемый гражданский активизм (опросы, интернет-голосования, публичные дискуссии и т. д.) — активно развивающийся в настоящее время способ определения общественного мнения. При этом надо применять соответствующие методики, обеспечивающие репрезентативность выборки, и учитывать неодинаковую степень активности разных категорий граждан при выражении мнения по тем или иным вопросам (в том числе и по вопросам уголовного права). Необходимо избегать манипуляции общественным сознанием, а также того, чтобы активное, «пассионарное» меньшинство навязало свою точку зрения большинству.

На способ можно взглянуть через призму модели построения, развития и функционирования уголовного права (законодательства) в различных правовых семьях (романо-германской, англосаксонской, мусульманской и др.). Для каждой правовой семьи присущ характерный для нее основной (генеральный) способ построения, развития и функционирования уголовного права (законодательства).

Например, для романо-германской правовой семьи характерна кодификация законодательства, в англосаксонской правовой семье существенное значение имеет правоприменительный прецедент, для мусульманской правовой семьи главенствующую роль играют религиозные нормы, которые находят прямое отражение в уголовно-правовых нормах, теснейшим образом связаны с ними (шариат). Иными словами, для каждой правовой семьи выделяется индивидуальный, характерный для нее основной (генеральный) способ построения, развития и функционирования системы уголовного права (законодательства) и правовой системы в целом.

Итак, пространство, время, обстановка и способ выступают важнейшими внешними системообразующими факторами для любой отрасли права (законодательства), в том числе и уголовного права. Названные факторы напрямую связаны между собой, оказывают друг на друга взаимное влияние и непосредственно воздействуют на возникновение, развитие и функционирование системы уголовного права и законодательства.

Список литературы

1. *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985.
2. URL: <http://tolslovar.ru> (дата обращения: 26.07.2021).
3. *Общественное знание* : учебное пособие / под ред. М. Н. Марченко. М., 2018.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : в 39 т. Т. 13. М., 1959.
5. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.
6. *Российское законодательство X–XX веков* / под общ. ред. О. И. Чистякова : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.
7. *Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть* : учебник / под ред. М. В. Бавсуна. Омск, 2020.
8. *Памятники российского права* : в 35 т. Т. 28: Уголовные кодексы РСФСР / под ред. Р. Л. Хачатурова, Т. В. Кленовой. М., 2016.
9. *Николаев К. Д.* Внутренние структурные связи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4.
10. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2018.

УДК 343.01 © М. Г. Ермаков, А. Е. Цепилов, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-122-126

Уголовная ответственность за хищение бюджетных средств при осуществлении госзакупок: достаточность законодательного регулирования

М. Г. Ермаков, Омская академия МВД России

✉ mgermakov@yandex.ru

А. Е. Цепилов, Омская академия МВД России

✉ patron_andrei@bk.ru

В статье обсуждаются возникающие на протяжении последних нескольких лет предложения о необходимости ужесточения уголовной ответственности за хищение бюджетных средств, в том числе введения дополнительных статей в Уголовный кодекс РФ. Рассматривая различные точки зрения, анализируя статистические данные, изучая нормативную основу противодействия указанным преступлениям, авторы приходят к выводу о том, что внесение изменений в уголовное законодательство не повлияет на деятельность правоохранительных органов по выявлению и раскрытию данных преступлений, а только внесет дополнительные трудности в правильную квалификацию указанных деяний.

Ключевые слова: хищение; бюджет; экономическая безопасность; коррупция; должностные лица.

Criminal Liability for Embezzlement of Budgetary Funds in Public Procurement: Sufficiency of Legislative Regulation

M. G. Ermakov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ mgermakov@yandex.ru

A. E. Tsepilov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ patron_andrei@bk.ru

The article discusses the proposals that have arisen over the past few years with regard to tightening criminal liability for embezzlement of budgetary funds, including the introduction of additional articles in the Criminal Code of the Russian Federation. The authors consider different points of view and analyze statistical data, study the regulatory framework for counteracting these crimes and come to the conclusion that amendments to the criminal law will not affect the activities of law enforcement agencies in identifying and solving these crimes, but will rather introduce additional difficulties in correct qualification of the mentioned acts.

Keywords: embezzlement; budget; economic security; corruption; officials.

Президент РФ В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно обращал внимание на необходимость ужесточения контроля над бюджетными расходами и максимальной защиты бюджетных средств от преступных посягательств, прежде всего от хищений¹.

В настоящее время вопросы защиты бюджетных денежных средств от хищений стоят на повестке дня высших законодательных и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации. Колоссальные суммы денежных средств ежегодно закла-

¹ *Послания* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 г., 3 декабря 2015 г. // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 09.02.2021); *Выступление* на расширенном заседании Коллегии ФСБ России 16 февраля 2017 г. // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 09.02.2021).

дываются в бюджет на финансирование деятельности федеральных и региональных министерств и ведомств, а также органов местного самоуправления, которые в соответствии с действующим законодательством являются получателями бюджетных средств и имеют право на принятие и исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета². Получатели бюджетных средств выступают в качестве заказчиков при проведении государственных закупок товаров, работ и услуг и заключении государственных (муниципальных) контрактов. Неисполнение или ненадлежащее исполнение госконтрактов может привести к недостижению планируемых результатов или к полному срыву реализации национальных проектов, целевых программ, а также к отставанию в экономическом развитии всей страны или отдельных сфер жизнедеятельности общества.

Одной из возможных мер по противодействию девиантному поведению является введение запрета каких-либо действий под угрозой наказания. Если говорить о бюджетных средствах, то в настоящее время существует несколько уголовно-правовых норм, расположенных в разных разделах и главах УК РФ, которые обеспечивают их защиту. В соответствии с действующим законодательством все преступные посяательства на бюджетные средства можно разделить на хищения и иные составы. При этом первая группа представлена преступлениями против собственности и относится к хищениям чужого имущества, предусмотренным главой 21 УК РФ: мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ). Иные формы хищений (кража, грабеж, разбой, специальные виды мошенничеств, составы с особыми предметами хищений) в отношении бюджетных средств при заключении и реализации государственных контрактов не встречаются.

Так, по данным Министерства финансов Российской Федерации, в 2019 г. заключено около 3,4 млн контрактов, общий объем которых составил 7,7 трлн рублей³. При этом, по данным ГИАЦ МВД России, за указанный промежуток времени зарегистрировано 661 преступление в сфере госзаказа, из которых 298 мошенничеств, 25 — иные формы хищений. Установлено 320 лиц, их совершивших, 231 лицо привлечено к уголовной ответственности. Размер материального ущерба, причиненного в результате совершения этих противоправных деяний, за тот же период составил 3 807 454 тыс. рублей⁴.

В связи со значительными суммами похищенных средств, а также высоким должностным статусом лиц, их совершивших, данные преступления вызывают широкий общественный резонанс. Меры повышения защищенности государственных средств от хищений предлагают как представители науки, так и политические деятели [1, с. 118–121; 2, с. 117–122; 3, с. 200]. И. В. Григорьева считает, что «повышенная общественная опасность и специфика хищений бюджетных средств и иного имущества, находящегося в государственной собственности, в том числе способа их осуществления, не всегда охватываемого установленными уголовным законом формами, обуславливает необходимость выделения самостоятельной уголовно-правовой нормы, усиливающей наказание за совершение таких хищений, с более широкой дифференциацией ответственности с учетом увеличенного размера причиняемого ущерба», и предлагает дополнить УК РФ статьей 160¹ [1, с. 119].

В Государственной Думе Российской Федерации (далее — ГД РФ), где в последние годы активно обсуждается вопрос о закреплении в УК РФ отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за хищение бюджетных средств, депутаты И. А. Яровая, А. А. Ищенко, С. Г. Каргинов и И. К. Сухарев неоднократно вносили на рассмотрение нижней палаты Парламента законодательные предложения о дополнении УК РФ такими статьями, как: ст. 159⁷ «Мошенничество в бюджетной сфере», 164¹ «Хищение в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 285⁴ «Хищение средств государственного бюджета», ст. 285⁵ «Хищение средств государственных внебюджетных фондов»⁵. Сторонники такого подхода в качестве аргументов акцентируют внимание на

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с послед. изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Министерство финансов Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://minfin.ru/ru/> (дата обращения: 09.02.2021).

⁴ ИСОД МВД России: URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=RegLDocs:Форма № 495 «5-БЭП»> (дата обращения: 09.02.2021).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции : проект Федерального закона № 371176 // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 09.02.2021) ; О внесении изменений в УК РФ в части усиления ответственности за хищение бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов : проект Федерального закона № 834729-6 // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 09.02.2021) ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями : проект Федерального закона № 740713-6 // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 09.02.2021).

особом предмете хищения — бюджетных денежных средствах, и их свойствах — масштабности, важности для обороноспособности страны, ее внутренней безопасности и социальной защиты граждан. К слову, указанные законопроекты не были поддержаны на основании того, что предлагаемые изменения противоречат ч. 2 ст. 8 Конституции РФ о равной защите всех форм собственности.

Их оппоненты считают, что изменять уголовно-правовое законодательство нет необходимости, нужно улучшать меры по его применению [4, с. 40–44; 5, с. 763]. По мнению Д. В. Гука, «следственная и судебная практика наглядно свидетельствует о наличии в Уголовном кодексе РФ „арсенала“ статей, по которым возможно как с уголовно-правовой, так и с уголовно-процессуальной точки зрения привлечение к уголовной ответственности должностных лиц, совершающих коррупционные деяния при осуществлении государственных закупок» [4, с. 44]. Такой же позиции придерживается и министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев, который призывает пойти по пути неотвратимости наказания, нежели по пути его ужесточения⁶. Какая же позиция является оптимальной? Стоит ли пойти по пути дальнейшей криминализации новых деяний или ограничиться имеющимся набором уголовно-правовых средств? Считаем, что ответы на данные вопросы надо искать «у истоков», а именно обратиться к проблемам выявления и документирования таких деяний, изучить реальную потребность правоохранительных органов в изменениях законодательства. Так, основным и единственным подразделением в системе правоохранительных органов Российской Федерации, в непосредственные задачи которого входит выявление, предупреждение, пресечение преступлений экономической и коррупционной направленности, является Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России⁷ (далее — ЭБиПК).

Изучив нормативные правовые акты, регламентирующие оценку деятельности подразделений ЭБиПК, проанализировав следственно-судебную практику, опросив оперативных сотрудников, мы пришли к выводу, что дополнение УК РФ специальным составом, предусматривающим равнозначное или более строгое наказание за хищение бюджетных

средств, чем действующие нормы, не будет являться эффективной мерой по противодействию совершению преступлений в данной сфере, более того, возможно создаст дополнительные проблемы в сфере осуществления оперативно-розыскной деятельности полиции по выявлению и раскрытию данного вида преступлений.

Причины этого видятся в следующем. В настоящий момент критерии оценки подразделений ЭБиПК перечислены в ведомственных приказах и распоряжениях МВД России, например, в приказе МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России»⁸. В их число входят такие показатели, как:

— количество выявленных преступлений экономической направленности, следствие по которым обязательно, совершенных в крупном и особо крупном размере (без учета преступлений по ст. 186 УК РФ);

— количество выявленных преступлений коррупционной направленности, совершенных в крупном и особо крупном размере;

— количество выявленных преступлений, связанных с хищением и освоением бюджетных средств;

— количество выявленных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности;

— число лиц, уголовные дела в отношении которых направлены в суд по тяжким и особо тяжким преступлениям экономической направленности (без учета преступлений коррупционной направленности);

— число лиц, уголовные дела в отношении которых направлены в суд по тяжким и особо тяжким преступлениям коррупционной направленности.

При этом определение направленности преступлений осуществляется на основе перечней, содержащихся в совместном указании Генпрокуратуры России, МВД России от 12 июля 2019 г. № 487/11, № 1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»⁹. Так, преступлениями коррупционной направленности в том числе следует считать чч. 3–7 ст. 159 УК РФ, чч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ при наличии в статистической карточке отметок о коррупционной направленности преступления, о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и му-

⁶ Материалы к Правительственному часу 22 апреля 2015 года // Библиотечные и архивные ресурсы Государственной Думы. URL: parlib@duma.gov.ru (дата обращения: 09.02.2021).

⁷ Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России, МВД России от 12 июля 2019 г. № 487/11, № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения.

К преступлениям экономической направленности относятся деяния, квалифицированные статьями УК РФ при выполнении одного из дополнительных условий:

— преступление совершено следующими лицами: должностными, материально ответственными и иными, выполняющими на предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от форм собственности и организационно-правовых форм организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в процессе осуществления ими производственно-хозяйственной или финансовой деятельности;

— преступление совершено лицами (за исключением лиц, указанных в п. «а») в процессе осуществления ими производственно-хозяйственной или финансовой деятельности либо под видом ее осуществления: в отношении участников бюджетного процесса.

Таким образом, работа подразделений ЭБиПК направлена на выявление преступной деятельности лиц, занимающих определенные должности и выполняющих соответствующие функции в некоторых сферах общественных отношений, а не на раскрытие преступлений, предусмотренных конкретными статьями УК РФ. При этом акцент в направлении работы сделан на выявлении тяжких и особо тяжких преступлений, фактически определяя размеры совершенных преступлений (крупный, особо крупный).

Изучение структуры преступлений, под признаки которых подпадают деяния лиц, совершающих хищения бюджетных денежных средств при заключении и реализации государственных контрактов, анализ статистических данных свидетельствует о том, что органы предварительного следствия по фактам хищения бюджетных денежных средств при заключении и реализации государственных контрактов расследуют такие составы преступлений, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ). Так, в 2020 г. было возбуждено 345 уголовных дел по факту совершения мошеннических действий и только 24 уголовных дела по факту совершения присвоения и растраты. В предыдущие годы структура преступлений рассматриваемого вида значительно не менялась (2015 г.: ст. 159 УК РФ — 195 уголовных дел, ст. 160 УК РФ — 33 уголовных дела; 2016 г.: соответственно 302 и 39; 2017 г. — 327 и 24; 2018 г. — 310 и 29; 2019 г. — 298 и 25)¹⁰.

С точки зрения процесса документирования противоправных деяний, который в немалой степени зависит от уголовно-правовых норм, ситуация складывается следующим образом. В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение таких оперативно-розыскных мероприятий, как «прослушивание телефонных и иных переговоров» и «оперативный эксперимент», допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений. При этом только первые части ст. ст. 159, 160 УК РФ, которые не входят в категорию экономических составов, расследуются в форме дознания. Соответственно, можно сделать вывод, что действующие нормы уголовного закона никак не ограничивают оперативных сотрудников в их работе по выявлению и раскрытию хищений бюджетных средств при осуществлении госзакупок.

Полагаем, закрепление в УК РФ отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за хищение бюджетных средств, не повлияет на деятельность оперативных подразделений правоохранительных органов: как на их возможности по документированию данных преступлений, так и на критерии оценки их результатов. Кроме того, увеличение в УК РФ количества специальных составов преступлений усложняет квалификацию деяний. Возникающая конкуренция между общими и специальными нормами уголовного права влечет за собой необходимость осуществления выбора одного варианта из нескольких возможных. Принятие правильного решения требует от правоприменителей определенной теоретической подготовки. Как показало проведенное анкетирование оперуполномоченных ЭБиПК, их знания уголовно-правовых норм, касающихся хищения бюджетных денежных средств при осуществлении госзакупок, находятся на достаточно низком уровне (66,1% — назвали уровень своих знаний низким; 24,2% — средним; 9,7% — высоким). Об этом также свидетельствуют результаты изучения приостановленных уголовных дел за 2018–2019 гг., находившихся в производстве Следственного управления УМВД России по Омской области, по фактам хищения бюджетных средств. В 8,4% материалов, возвращенных следователями в подразделения ЭБиПК, в качестве причины такого решения названа неправильная уголовно-правовая оценка содержащихся в них деяний. Логично предположить, что еще большее усложнение уголовного законодательства путем введения специального состава приведет к дополнительным трудностям в работе правоприменителей.

¹⁰ ИСОД МВД России: URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=RegLDocs:Форма № 495 «5-БЭП»> (дата обращения: 18.02.2021).

Кроме того, мы убеждены, что в современных условиях дополнение УК РФ статьей, предусматривающей наказание за хищение бюджетных средств, в том числе при заключении и реализации госконтрактов, не окажет положительного влияния на деятельность оперативных сотрудников ЭБиПК и правоохранительных органов в целом по выявлению и расследованию данного вида преступлений. Введение новых статей в УК РФ, создание их конкуренции, как правило, приводят к определенным проблемам правоприменения. Полагаем, что действующие нормы уго-

ловного права позволяют использовать весь арсенал оперативно-розыскных средств для борьбы с преступлениями данного вида. Соответственно мероприятия по защите бюджетных средств от преступных посягательств целесообразно проводить в направлении повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности в целом и привлечения виновных к ответственности, так как еще со времен римского права известно, что не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступление.

Список литературы

1. *Григорьева И. В.* Направления совершенствования уголовно-правовых мер по противодействию хищениям государственной собственности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2.
2. *Назарова Д. С.* Вопросы криминализации мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2016. Т. 26. № 3.
3. *Карабанов А. Л., Мелькин С. К.* Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2010.
4. *Гук Д. В.* К вопросу о дополнительной криминализации в УК РФ нарушений законодательства при осуществлении госзакупок // Юридическая наука. 2013. № 2.
5. *Волженкин Б. В.* Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России : монография. СПб., 2007.

Правовое регулирование получения образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке в ходе досудебного производства

А. С. Бахта, Омский филиал РАНХиГС

✉ post_e_mail.ru

И. Н.-о. Нуриев, Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

✉ amin-nuriev@mail.ru

Рассматривается правовое регулирование получения образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке. Авторы акцентируют внимание на важном значении истребованных объектов, могущих способствовать раскрытию преступлений. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает обязанности участников уголовного процесса представлять необходимые для исследования объекты органам предварительного расследования. Проанализировав распространенные причины отказа предоставлять объекты для исследования, позицию Конституционного Суда РФ и мнения ученых-процессуалистов, авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства для нивелирования ситуаций, препятствующих получению образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке.

Ключевые слова: органы предварительного расследования; объекты исследования; получение образцов для сравнительного исследования; участники уголовного судопроизводства; экспертиза.

Legal regulation of obtaining samples for compulsory comparative study during pre-trial proceedings

A. S. Bakhta, Director of the Omsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

✉ post_e_mail.ru

I. N.-o. Nuriev, Far eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)

✉ amin-nuriev@mail.ru

The paper deals with the legal regulation of obtaining samples for compulsory comparative study. The focus is made on the importance of the reclaimed objects that can contribute to crime solution. The current criminal procedural legislation does not establish the obligation of criminal trial participants to provide the bodies of preliminary investigation with the objects necessary for study. After analyzing the common reasons for refusal to provide objects for examination, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation and the opinions of scholars in the field of criminal procedure, the authors come to the conclusion that it is necessary to improve the criminal procedural legislation to level the situations which hinder obtaining samples for compulsory comparative examination.

Keywords: bodies of preliminary investigation; objects of investigation; obtaining samples for comparative study; participants of criminal proceedings; expert examination.

В настоящее время в доктрине уголовно-процессуального права не сложилось общего мнения о том, что получение образцов для сравнительного исследования является следственным действием. Одни

ученые-процессуалисты придерживаются позиции о необходимости отнесения получения образцов для сравнительного исследования к самостоятельному следственному действию [1, с. 10; 2, с. 79; 3, с. 227],

другие, напротив, выделяют его как иное процессуальное действие, не связанное с получением доказательств [4, с. 57; 5, с. 75; 6, с. 162].

Не вступая в дискуссию с авторами указанных позиций, полагаем, что получение образцов для сравнительного исследования является одним из важнейших следственных действий, благодаря которому при помощи истребованных объектов может быть получено доказательство, которое в дальнейшем будет способствовать раскрытию преступления.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве данное следственное действие регламентируется ст. 202 УПК РФ «Получение образцов для сравнительного исследования». Согласно указанной норме закона получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено как во время предварительного расследования, так и при производстве проверки сообщения о преступлении, проводимой в порядке, установленном ст. ст. 144–145 УПК РФ. Несмотря на подробное закрепление процессуального порядка получения образцов для сравнительного исследования в настоящее время следователи и дознаватели сталкиваются с рядом проблем производства данного следственного действия. В большинстве случаев изъяты в ходе досудебного производства объекты исследования в дальнейшем направляются на судебную экспертизу, по результатам которой по многим уголовным делам строится весь процесс доказывания. В связи с этим следователи и дознаватели, осуществляющие досудебное производство, при невозможности отобрать необходимые объекты исследования у подозреваемого или обвиняемого в рамках следственного действия сталкиваются с дальнейшей проблемой доказывания их причастности и виновности в совершенном преступлении.

Самой распространенной проблемой производства указанного следственного действия являются случаи, когда лицо, у которого необходимо получить или изъять соответствующий объект исследования, отказывается их предоставить следователю или дознавателю на добровольной основе. Данная проблема обусловлена в первую очередь тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, в частности ст. 202 УПК РФ, не предусматривает принудительного получения образцов для сравнительного исследования в ходе досудебного производства. Так, ст. 202 УПК РФ прямо устанавливает, что следователь или дознаватель вправе получить необходимые объекты исследования у участников досудебного производства для проверки, оставлены ли ими следы в определенном месте на вещественных доказательствах или нет, о чем составляется протокол следственного действия.

Проанализировав ст. 202 УПК РФ, можно констатировать, что следователь или дознаватель вправе

получить необходимые образцы исследования, однако обязанности участников уголовного судопроизводства в предоставлении данных объектов органам предварительного расследования законом не установлены.

Единственным участником уголовного судопроизводства, в отношении которого УПК РФ устанавливает строгое правило в предоставлении образцов для сравнительного исследования, является потерпевший. Согласно п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ потерпевший не вправе уклоняться от предоставления образцов почерка или иных образцов для сравнительного исследования. В случае невыполнения указанных требований закона потерпевший может быть подвергнут уголовной ответственности в соответствии со ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний». В связи с этим на практике возникает ряд трудностей в отобрании объектов исследования у участников уголовного судопроизводства, которые препятствуют данному производству.

Как справедливо отмечают Р. А. Солодовниченко и Т. А. Солодовниченко, в большинстве случаев участники уголовного судопроизводства отказываются предоставлять объекты исследования следователю или дознавателю, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ, которая прямо устанавливает право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников [7, с. 311]. В этом случае затруднительно заставить подозреваемого, обвиняемого или иного участника предоставить необходимые объекты исследования, поэтому процесс доказывания, как и досудебное производство в целом, затягивается на длительное время, что в последующем приводит к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6¹ УПК РФ [8, с. 36].

Существуют и другие причины отказа участников уголовного процесса в предоставлении объектов исследования. Е. В. Кушпель и Д. Н. Шувалов отмечают, что при необходимости получения биологических объектов исследования у подозреваемого, обвиняемого или иного участника досудебного производства последние отказываются их предоставлять должностным лицам органов предварительного расследования, ссылаясь на возможность заразиться каким-либо заболеванием. Учитывая, что указанное следственное действие предполагает обязательное медицинское вмешательство, часто следователи или дознаватели не рискуют производить данное следственное действие без соответствующего разрешения лица, у которого данные объекты необходимо получить [9].

Некоторые ученые-процессуалисты с уверенностью заявляют, что получать образцы для сравнительного исследования против воли подозреваемого (обвиняемого) вполне возможно. Так, М. Е. Гуцев и Е. А. Лу-

шин указывают, что в случае отказа подозреваемого (обвиняемого) предоставить необходимые объекты при получении образцов для сравнительного исследования добровольно следователь или дознаватель вправе применить методы принуждения для завершения данного следственного действия [10, с. 115].

А. Б. Судницын, рассматривая проблему принудительного получения биологических образцов для сравнительного исследования, подчеркивает, что при проведении данного следственного действия сотрудникам органов предварительного расследования важно не переступить границы допустимого принуждения для исключения унижения чести и достоинства, а также угрозы жизни и здоровья вовлеченного в данный процесс участника уголовного судопроизводства [11, с. 81].

Похожей позиции придерживаются А. Л. Колегов и И. В. Волосников, отмечающие, что в настоящее время сотрудники правоохранительных органов при получении образцов для сравнительного исследования вынуждены применять методы принуждения, которые могут унизить честь и достоинство гражданина в целях раскрытия преступления. Ученые справедливо считают, что законодателю необходимо детально закрепить границы принуждения при проведении данного следственного действия [12, с. 103].

Яркой иллюстрацией принуждения при получении образцов для сравнительного исследования является работа В. А. Потетина, в которой он приводит пример принудительного производства рассматриваемого следственного действия. Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного по ч. 3 ст. 162 УК РФ, обвиняемый отказался добровольно предоставить образцы слюны следователю в рамках производства следственного действия. В результате по команде следователя сотрудники правоохранительных органов на протяжении 20 секунд удерживали обвиняемого против его воли за руки, ноги и голову, а врач пытался раздвинуть губы обвиняемому для получения необходимых объектов. Описывая производство данного следственного действия в принудительной форме, автор отмечает, что сотрудники правоохранительных органов хотя и не на большой период времени, но все же лишили подозреваемого права на свободное передвижение, так как это была вынужденная мера, направленная на получение необходимых образцов исследования [13, с. 80].

Приведенный пример позволяет констатировать, что методы принуждения и ограничения конституционных прав граждан при получении образцов для сравнительного исследования полностью отдаются на откуп должностным лицам органов

предварительного расследования, и именно следователь или дознаватель решают, каким образом осуществить сбор образцов исследования в принудительной форме, что, на наш взгляд, с точки зрения законности вызывает большие сомнения в легитимности осуществления данных действий.

На указанную проблему в своем решении обратил внимание и Конституционный Суд РФ. Так, при рассмотрении жалобы Конституционным Судом РФ, поступившей от гр. Сойкина О. Ю., было установлено, что в ходе предварительного расследования по уголовному делу, по которому гр. Сойкин О. Ю. был привлечен в качестве обвиняемого, следователем было принято решение о принудительном получении образцов крови для сравнительного исследования в целях установления причастности последнего в совершении преступления, которое ему инкриминируют органы предварительного следствия.

В свою очередь гр. Сойкин О. Ю., обращаясь в судебный орган, оспаривает конституционность ст. 202 УПК РФ, которая, по его убеждению, прямым образом не запрещает органам предварительного расследования принудительное получение образцов для сравнительного исследования, в связи с чем, по мнению гр. Сойкина О. Ю., указанная норма позволяет должностным лицам в ходе осуществления следственного действия применять насилие к участникам уголовного судопроизводства, а также она воспрепятствует защите прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

Рассмотрев доводы, указанные в жалобе гр. Сойкиным О. Ю., Конституционный Суд РФ отметил, что при получении образцов для сравнительного исследования органами предварительного расследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство. Однако в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, Конституционный Суд РФ указал, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность производства процессуальных действий (в том числе получение образцов для сравнительного исследования) и применения мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность.

Таким образом, Конституционный Суд РФ отметил, что оспариваемая заявителем ст. 202 УПК РФ не может рассматриваться в качестве нарушающей его конституционные права в обозначенном им аспекте¹.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 1297-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Несмотря на прецедентное решение высшего судебного органа конституционного контроля в России, в практической деятельности следователи и дознаватели, осуществляющие досудебное производство, продолжают сталкиваться с проблемами принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Подтверждением этого может служить тот факт, что в последующем Конституционный Суд РФ пять раз рассматривал вопросы, связанные с принудительным получением образцов для сравнительного исследования, что свидетельствует о несовершенстве правовой регламентации нормы, предусматривающей производство данного следственного действия в принудительном порядке².

Еще более затруднительные вопросы получения образцов для сравнительного исследования в принудительной форме возникают при необходимости их истребования в рамках проверки сообщения о преступлении. Законодатель в ч. 1 ст. 202 УПК РФ не раскрывает конкретный перечень субъектов, у которых могут быть изъяты необходимые образцы исследования в рамках производства органами предварительного расследования проверки сообщения о преступлении. В данной норме закона лишь указано, что получение образцов для сравнительного исследования может быть осуществлено у любого физического лица или представителей юридических лиц. Исходя из этого, по смыслу закона, принудительное получение образцов для сравнительного исследования возможно в отношении любого участника уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, является неприемлемым обстоятельством [14, с. 659–662].

Полагаем необходимым более детально регламентировать перечень лиц, а именно участников проверки сообщения о преступлении, у которых следователем или дознавателем могут быть изъяты образцы для сравнительного исследования принудительно, а также лиц, у которых данные образцы могут быть получены с их согласия, а при отсутствии такого согласия — на основании исключительно судебного решения.

Аналогичной правовой регламентации требует стадия предварительного расследования в части определения круга лиц, в отношении которых может быть произведено рассматриваемое следственное действие в принудительном порядке. Согласно нашей позиции, в ходе досудебного производства у подозреваемого или обвиняемого, а также у лица,

в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, необходимые для исследования образцы могут быть получены в принудительном порядке. У других участников уголовного судопроизводства образцы могут быть получены с их согласия или на основании судебного решения. В отношении потерпевшего принудительное получение образцов для сравнительного исследования допустимо исключительно на основании судебного решения.

Важно отметить, что не все объекты исследования можно получить вопреки воле участников уголовного судопроизводства. Например, образцы почерка, голоса, отдельные виды биологических объектов без согласия лиц получить невозможно, поэтому осуществлять процедуру получения образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке необходимо только в случаях реальной возможности отобрания у участника уголовного процесса необходимого объекта исследования.

В связи с изложенным ст. 202 УПК РФ необходимо:

а) дополнить частью 1¹ следующего содержания: «Принудительное получение образцов для сравнительного исследования по постановлению следователя или дознавателя допускается только в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в случаях, когда на него прямо указывает заявитель как на лицо, совершившее преступление»;

б) дополнить частью 1² следующего содержания: «У других участников уголовного судопроизводства, за исключением лиц, перечисленных в части 1¹ настоящей статьи, образцы для сравнительного исследования могут быть получены с их согласия или на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса».

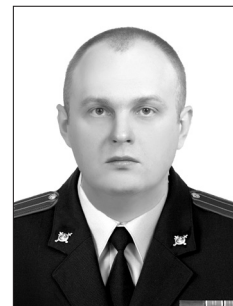
Соответствующие изменения следует также предусмотреть в ст. ст. 29 и 165 УПК РФ для более детальной регламентации порядка получения разрешения суда на производство рассматриваемого следственного действия в принудительном порядке.

В заключение можно констатировать, что данное правовое регулирование позволит обеспечить защиту прав личности всех участников досудебного производства при изъятии образцов для сравнительного исследования в принудительной форме.

² См., напр.: *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 195, частями первой и третьей статьи 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 1936-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самсонова Виталия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 16, 47, 51 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 1919-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Кальницкий В. В. Следственные действия по УПК РФ : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2003.
2. Стельмах В. Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1.
3. Попова И. П. Получение образцов для сравнительного исследования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3.
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.
5. Комягина Ю. С., Лаврухин С. В. Следственные действия: сущность, классификация, принципы. М., 2009.
6. Киян Ю. В. Следственное действие: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3.
7. Солодовниченко Р. А., Солодовниченко Т. А. Проблема реализации полномочия следователя на получение образцов для сравнительного исследования // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 3.
8. Бахта А. С., Нуриев И. Н-о. Поведение участников уголовного судопроизводства как одна из причин нарушения разумного срока // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4.
9. Кушпель Е. В., Шувалов Д. Н. Тактические особенности получения образцов для сравнительного исследования при подготовке к назначению экспертизы ДНК // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=17138> (дата обращения: 09.09.2021).
10. Гуцев М. Е., Лушин Е. А. Вопросы практики принудительного получения образцов для сравнительного исследования в России и Европе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6.
11. Судницын А. Б. Принудительное получение биологических образцов для сравнительного исследования: нормативная регламентация, складывающаяся практика, рекомендации правоприменителям // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4.
12. Колегов А. Л., Волосников И. В. Проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4.
13. Потетинов В. А. Как получать образцы для сравнительного исследования в принудительном порядке // Уголовный процесс. 2018. № 12.
14. Нуриев И. Н-о. Проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования // Актуальные проблемы науки и практики : электрон. сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий. Хабаровск, 2021. Вып. 7.

Структура криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры

Е. В. Чиненов, Белгородский юридический институт МВД России

✉ Chinenovevg@yandex.ru

Криминалистическая методика расследования преступлений отдельных видов и групп в научной литературе иногда характеризуется как малоэффективная теоретическая система, лишенная массовости, детерминированности и результативности, что препятствует использованию субъектами предварительного расследования разработанных специально для них практических рекомендаций. Применения накопленного наукой знания часто не происходит вообще, а само представление о той или иной частной криминалистической методике нивелируется практическими интересами, возникающими при расследовании конкретного уголовного дела. Проводя свое исследование, мы смогли убедиться в том, что для устранения барьеров на пути проникновения теоретических разработок криминалистики в следственную практику следует не только менять представления работников следствия и дознания о месте и роли достижений науки криминалистики в их практической деятельности, но и разрабатывать новые, более совершенные частные криминалистические методики разной степени общности. Концепции их, помимо прочего, должны учитывать не только существенно изменившуюся за последние годы правовую ситуацию, но и экономическую реальность, в которой происходят подготовка, совершение и сокрытие тех или иных преступлений. Преступления экономической направленности, совершаемые на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, в этом плане исключением не являются.

Ключевые слова: криминалистическая методика расследования преступлений; структура криминалистической методики; преступления экономической направленности; железнодорожный транспорт.

The Structure of the Forensic Methodology for Investigating Economic Crimes committed on Railway Transport and Transport Infrastructure Facilities

E. V. Chinenov, the Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ Chinenovevg@yandex.ru

The forensic methodology for investigating crimes of certain types and groups in the scientific literature is sometimes characterized as an ineffective theoretical system, devoid of mass character, determinism and effectiveness, which prevents the subjects of preliminary investigation from using practical recommendations developed specifically for them. The knowledge accumulated by science is rarely applied, and the very idea of a particular forensic technique becomes invalid due to practical interests that arise in the investigation of a particular criminal case. Conducting the research, the author was able to realize that in order to remove barriers to introducing theoretical developments of forensic science into investigative practice, one should not only change the ideas of investigators and preliminary investigators concerning the place and role of the achievements of forensics in their practical activities, but also develop new, more advanced private forensic techniques with different levels of common features. Their concepts, among other things, should take into account not only the legal situation that has changed significantly in recent years, but also the economic reality in which the preparation, commission and concealment of certain crimes take place. Economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities are no exception in this regard.

Keywords: forensic methodology for investigating crimes; structure of forensic technique; economic crimes; railway transport.

Среди базовых положений системы научных основ и разрабатываемых с их помощью рекомендаций по организации и осуществлению расследования отдельных видов и групп преступлений выделяется своим теоретическим и практическим значением такой ее компонент, как структура частной криминалистической методики. Обращение к этой криминалистической категории в рамках проводимого исследования не случайно. В решении частно-методических криминалистических задач изучению и анализу проблем структуры частных криминалистических методик, в том числе и их содержания, отводится особое место.

Воспользовавшись философскими и дидактическими положениями системного подхода, широко представленными в трудах по общей теории систем [1; 2; 3; 4], и методологическим принципом системно-функционального анализа, выступающего основой построения структур методик расследования преступлений, предпримем попытку проникновения в глубину системы расследования преступлений выделенной нами группы. Постигание содержания, выбор из значительного количества предлагаемых перечней структурных подразделений наиболее оптимальных вариантов, обоснование собственного видения проблемы позволит в итоге собрать воедино модель внутреннего строения разрабатываемой частной криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Структурирование искомой криминалистической методики имеет веские научные и практические основания.

Применительно к создаваемой частной криминалистической методике системно-структурный подход, по мнению И. А. Возгриня, «открывает путь к познанию ее глубокого содержания. Он позволяет установить внутреннюю организацию методики расследования, выявить ее основные элементы во взаимной связи друг с другом» [5, с. 198]. Практический смысл выделения структуры также несомненен. Как обоснованно считают И. А. Макаренко, А. А. Эксархопуло, Р. И. Зайнуллин, она (структура) «...способствует реализации теоретических положений и практических рекомендаций науки, обеспечивающих максимально эффективную организацию следственной работы» [6, с. 147].

Приведены эти суждения намеренно. Наряду с существующими и другими обоснованиями не менее авторитетных в области криминалистической методики ученых, они выступают каркасом аргументации необходимости ведения научного поиска. Правильность выбора его направления подтверждается не только достижениями юридической науки, но

и возрастающими потребностями практики борьбы с преступностью, индикаторы которых мы сгруппировали в ряд соответствующих фактических доводов.

Первый объясним скудностью методической вооруженности субъектов, осуществляющих расследование преступлений выбранной категории. Так, оценивая современное состояние методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, отметим, что реальных попыток создания методики расследования преступлений, входящих в данную группу, тем более их теоретических основ, до настоящего времени на монографическом уровне не предпринималось. Исключение, пожалуй, составляет лишь докторская диссертация О. П. Грибунова [7], представляющая собой комплексную криминалистическую методику, но меньшей степени общности, чем представляемая нами. На уровне диссертационных исследований кандидатского уровня наиболее обстоятельно разрабатывались методики расследования отдельных видов хищений (в том числе грузов) и мошенничеств.

Несмотря на их наличие, весомый научный потенциал, имеющиеся работы по своей структуре и содержанию не унифицированы, непросты в использовании, а потому не могут в полном объеме быть адаптированными к потребностям расследования всех видов преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте. Комментируя сложившуюся ситуацию цитатой И. А. Возгриня: «Существующее многообразие разрозненных частных криминалистических методических рекомендаций породило многообразие их структур» [8, с. 20], задумаемся о наличии причинно-следственных связей. Во-первых, такое положение повлекло за собой низкую эффективность их использования в расследовании преступлений. Во-вторых, почти третья часть (37,4%) опрошенных следователей органов внутренних дел на транспорте отметили в существующих методических рекомендациях излишнюю сложность их построения и отсутствие ответов на многие типовые вопросы, возникающие в процессуальной и криминалистической деятельности.

Второй довод аргументирован итогами анкетирования сотрудников следственных подразделений ГУТ МВД России: 67,4% респондентов указали на потребность в криминалистических (методических) рекомендациях, касающихся вопросов определения и конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению, планирования, создания условий для качественного производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, руководства расследованием преступлений экономической на-

правленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры с учетом складывающихся по делу ситуаций*.

В ходе исследования был произведен опрос следователей УТ МВД России по Центральному, Северо-Западному, Южному, Северо-Кавказскому, Приволжскому, Уральскому, Сибирскому, Дальневосточному федеральным округам, который позволил подтвердить наличие сложностей в раскрытии и расследовании преступлений данной категории. Опрошенные респонденты их наличие связывают прежде всего с рядом факторов: с низким уровнем профессиональной подготовки, незнанием алгоритмов правильной организации процесса расследования, отсутствием отвечающих требованиям времени методических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Так, на сложность распознавания события преступления указали 48,2% респондентов; с трудностями определения времени и места его совершения сталкивались 32,7% опрошенных; испытывали проблемы с установлением способа совершения преступления 64,5% следователей; недостаток сведений о личности, вызванные пробелами в методико-криминалистическом обеспечении расследования данных преступлений, отметили 34,2% респондентов.

Приведенные доводы с достаточной степенью убедительности свидетельствуют как о сложности рассматриваемой проблемы, так и о справедливости постановки вопроса коррекции типовых структур частных криминалистических методик расследования изучаемой категории преступлений, выработке ее обоснованной конструкции.

Отталкиваясь от общепризнанной классификации частных методик расследования преступлений, подразделения их методических комплексов на два основных вида (структуры типичные и особенные), охарактеризуем структуру криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Несмотря на то что построение искомой методики расследования ведется с учетом криминалистической классификации видов преступлений, в соответствии с УК РФ, содержание структурного ее комплекса следует считать соответствующим структуре особенных методик расследования преступлений. Причина тому — наличие «иных, криминальных оснований» [8, с. 30]. В их числе особо выделяются обстановка, место и условия совершения преступления — железнодорожный транспорт и объекты его инфраструктуры как отрасль экономики, а также производственно-технологические процессы, происходящие в пространстве и времени.

Далее подвергнем симплификации перечень типовых структурных элементов частной криминалистической методики с ориентацией на современные взгляды относительно их структур, предложенные В. К. Гавло [9, с. 375] и С. Ю. Косаревым [10, с. 235]. С учетом имеющейся специфики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, сведем структурные элементы в три системных блока.

Первый блок — криминалистическая характеристика преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры. Криминалистическая характеристика является базовым элементом структуры, основой частной криминалистической методики [11]. Ее разработка подчинена цели формирования исходных сведений как методического источника для организации работы по уголовным делам данной категории. Начиная с момента получения первичных данных о преступном событии, вся последующая деятельность субъекта расследования, связанная с проверкой информации, решением вопроса о возбуждении уголовного дела, выбором наиболее правильной программы (алгоритма) расследования на всех этапах расследования строится с учетом криминалистической характеристики преступлений и ее особенностей.

Второй блок — криминалистическая характеристика расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и его инфраструктурных объектах. Криминалистическая характеристика расследования считается технологическим комплексом разрешения ситуаций, возникающих в ходе расследования [12]. Функциональный подход позволяет нам представить криминалистическую характеристику расследования изучаемой группы преступлений в виде системы следующих компонентов: особенностей деятельности субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу; ситуаций, складывающихся в ходе этой деятельности.

Третий блок — этапизация расследования уголовных дел по преступлениям экономической направленности, совершаемым на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры. Задачи, обозначенные уголовно-процессуальным правом для каждого этапа расследования, определяют криминалистические программы действий следователя [13]. Несмотря на традиционность структуры процесса расследования данной категории преступлений, анализ материалов следственной практики показывает, что ввиду своеобразия складывающихся следствен-

* Установлено в результате анкетирования и интервьюирования сотрудников органов внутренних дел на транспорте.

ных ситуаций, их информационной структуры, характерными чертами обладают доследственная проверка, предшествующая возбуждению уголовного дела, первоначальный и последующие этапы, а также осуществляемое при этом криминалистическое взаимодействие. При этом каждому этапу расследования соответствуют типичные следственные ситуации с их специфической системой следственных и иных действий, формами, методами взаимодействия, обусловленными соответствующими задачами.

Именно такой, в нашем представлении, видится структура криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Она будет соответствовать критерию реализации теоретических положений и практических рекомендаций криминалистической науки для обеспечения должной эффективности организации следственной работы.

Проведем содержательно-функциональный анализ представленной системы расследования. В соответствии с условиями стоящей перед нами задачи его использование позволит найти и выделить в системе криминалистической методики, обладающей своим специфическим пространством, и его отображением основные генетически исходные элементы и их связи. Учитывая ограниченность исследования определенными рамками, представляется целесообразным остановиться на описании отдельных, на наш взгляд, опорных, подсистемных структурных элементов частной методики.

1. Описание особенностей криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Существование криминалистической характеристики преступления как отдельной, самостоятельной категории криминалистической науки признается большинством ученых-криминалистов. Несмотря на наличие различных мнений исследователей относительно определения понятия криминалистической характеристики, содержания, значения для решения задач расследования, в науке преобладает подход к ее рассмотрению как элемента частной методики.

Обращаясь к содержанию криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, следует выделить такую ее особенность, как отраслевая специфика. Характер функционирования отрасли оказывает существенное влияние на процесс совершения преступлений и, следовательно, их расследования [14].

Существенно отличает криминалистическую характеристику преступлений экономической на-

правленности, совершаемых на транспорте, от аналогичных, совершаемых в зоне обслуживания территориальных органов внутренних дел, элемент «обстановка совершения преступления». Обстановка как область приведения в действие способа приготовления, совершения и сокрытия преступления, местонахождения разнообразного спектра предметов, людей и следов, оказавшихся в данной среде, выступает системообразующим элементом в структуре криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте, связывающим воедино личность, предмет преступного посягательства, способ приготовления, совершения и сокрытия деяния, следы последствия преступления. Без знания специфики железнодорожной транспортной отрасли, вида отраслевой производственной деятельности, особенностей происходящих хозяйственных процессов, понимания характера материальной среды типичных для железнодорожного транспорта мест происшествий, предметов преступного посягательства, используемых орудий и инструментов, способов деяний, личностных характеристик и других факторов невозможно эффективно осуществлять раскрытие, расследование и предупреждение преступлений данной категории [15].

Интервьюирование следователей и оперативных работников органов внутренних дел на транспорте показало, что 93,4% респондентов при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте, определяющим назвали изучение условий, в которых действуют преступники. Обстановка совершения преступления, специфика процессов, происходящих в отрасли, оказывают прямое влияние на механизмы преступлений и способы их совершения. Следственная практика объективно показывает, что, приспособившись к особенностям, а часто и к недостаткам в производственно-хозяйственной деятельности предприятий и организаций железнодорожного транспорта, преступник выбирает предмет преступного посягательства, определяет место, избирает наиболее выгодный ему способ совершения преступления, механизм реализации, приискивает необходимые для этого орудия и средства.

По данным проведенного исследования, на железнодорожном транспорте места совершения преступлений экономической направленности варьируются в зависимости от предмета преступного посягательства, являющегося также важным элементом криминалистической характеристики. В качестве такового, как правило, выступает имущество граждан и предприятий железнодорожного транспорта, причем последнее обладает определенной специфичностью. При посягательствах на имущество граждан —

это вокзалы, станции, поезда. При посягательствах на имущество, денежные средства и финансы юридических лиц, государства местами совершения преступлений в большинстве случаев будут объекты инфраструктуры организаций ОАО «РЖД», юридических лиц, взаимодействующих в рамках финансово-хозяйственных операций с предприятиями сферы железнодорожного транспорта, офисы, служебные и рабочие помещения, участки производственных территорий, местности и пр.

Обращает на себя внимание и наличие криминалистически значимых пространственно-временных характеристик обстановки. Из их общего числа следует особо выделить линейный принцип построения объектов железнодорожного транспорта; значительную протяженность железных дорог и большое количество связанных с ними инфраструктурных объектов; многообразие технологических производственных процессов; значительный финансовый и материальный оборот в отрасли; сосредоточение материально-производственных запасов, грузов и пассажиров на ограниченных территориях; быстротечность событий в условиях круглосуточного режима работы.

Существенными особенностями обладают производственно-технологические процессы. Они проявляются в компонентном содержании отраслевой структуры и инфраструктуры, обеспечивающей функционирование его многообразных видов деятельности. Наиболее ярко это выражается в специфических предметах и объектах (обширной и характерной ресурсной экономической базе, задействованной в этой деятельности); в отраслевой специфике служебной документации и документооборота (в железнодорожной отрасли действуют разнообразные типы и формы документов, система электронного документооборота, защищенной электронной почты, централизованное хранилище данных, различные автоматизированные системы учета и управления); в особенностях учета, отчетности финансово-хозяйственного контроля (обусловлено зависимостью ведения бухгалтерского учета от нормативной базы, утверждаемой Министерством финансов РФ, Министерством транспорта РФ, Федеральным агентством железнодорожного транспорта, ОАО «РЖД», а также индивидуальными характеристиками учетных объектов).

Отмеченное позволяет выявить основу определения криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры. В нашем представлении это система криминалистически значимых сведений о преступлении экономической направленности, структурированных с учетом специфики деятельности железнодорожного транспорта, включающая

относительно детализированный перечень элементов (обстановка совершения преступления; предмет преступного посягательства; личность преступника; способы приготовления, совершения и сокрытия преступлений; следы последствий преступлений; иные элементы).

Оригинальностью криминалистической характеристики рассматриваемой категории преступлений является то, что ряд ее основных элементов (типичные сведения о предмете преступления, личности преступника, способе преступления, следах преступления), объединяемых спецификой обстановки совершения преступного деяния на железнодорожном транспорте, находятся в корреляционных связях и зависимостях. Практическое значение данного обстоятельства позволяет сделать вывод о влиянии указанных элементов на формирование механизма преступления и, как следствие, на структурное построение криминалистической характеристики. При этом следует отметить, что обстановка совершения преступлений экономической направленности, совершаемых в специфических условиях железнодорожного транспорта, выступает системообразующим элементом в структуре криминалистической характеристики данной группы преступлений, приводящим в динамику все элементы системы механизма преступления. Применительно к исследуемым преступлениям предлагается межродовая криминалистическая характеристика, объединяющая между собой по признаку элемента «обстановка совершения преступления» три родовые и входящие в них видовые характеристики преступных деяний, совершаемых на железнодорожном транспорте: преступления против собственности (в том числе по чч. 2, 3, 4 ст. 158; ст. ст. 159–159³, 159⁵–159⁶; чч. 2, 3, 4 ст. 160 УК РФ); преступлений в сфере экономической деятельности (в их ряду, ст. 171³; ст. 186; ст. 199¹–199⁴ УК РФ); преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. ст. 201, 204 УК РФ). Это позволит объединить их в отдельную классификационную группу. Наиболее оправданным, на наш взгляд, является осуществление классификации криминалистических характеристик преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, с учетом двух основных критериев: во-первых, исходя из уголовно-правовой характеристики деяний; во-вторых, на основе обобщения фактических сведений о наиболее значимых их признаках с учетом степени общности.

2. Описание криминалистической характеристики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

2.1. Описание особенностей деятельности субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу.

2.1.1. Характеристика первичной информации. Информация — основа расследования. Первичную информацию о преступлениях экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте, характеризует ряд особенностей: специфичность содержания, формы отражения в материальных и цифровых носителях; обширность; цикличность; отражение происходящих процессов с помощью специфической системы показателей, и пр. Специфичны и способы ее получения. В их ряду предметно направленные приемы, методы и средства поиска, собирания, получения, обмена, обработки и использования в процессе криминалистической, оперативной и процессуальной деятельности.

2.1.2. Организация расследования. Особенности организации расследования обусловлены правовыми, организационно-управленческими и организационно-тактическими аспектами. Своеобразие организации расследования в большей степени проявляется в следующем: в особенностях организации деятельности органов внутренних дел на транспорте; в организационном построении оперативно-розыскных подразделений, особенностях их деятельности по выявлению, раскрытию и обеспечению расследования преступлений; в необходимости использования специальных знаний на всех этапах расследования.

Планирование расследования имеет ряд особенностей. Особенность первая — уяснение обстоятельств совершенного преступления, определение круга необходимых доказательств, путей их поиска, способов закрепления — предполагает необходимость обязательного наличия исходной информации, обеспечивающей производство неотложных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий в наиболее приемлемых их комбинациях. Это обуславливает необходимость знакомства с деятельностью железнодорожной организации, должностных, материально-ответственных лиц, рабочих и служащих, изучения правовых, организационных, технологических и учетных особенностей производственных процессов, что обеспечивает познание механизма преступления, способов его подготовки, совершения и сокрытия. Особенность вторая — необходимость при планировании следственных действий привлечения для их производства специалистов и оперативно-розыскного сопровождения. Особенность третья — установление фактических обстоятельств преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, в большинстве случаев предполагает использование сведений, полученных оперативным путем, что требует также включения в планирование расследования. Особенность четвертая — установление очередности необходимых мероприятий и следственных дей-

ствий. Важным в планировании раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, является постановка целей [16]. С учетом имеющихся особенностей данной категории уголовных дел и специфики их расследования выделяются три группы целей, стоящие перед следователем: долгосрочные, среднесрочные, оперативные, что позволяет выделить три вида планирования расследования этих преступлений: перспективное, тактическое, оперативное.

2.1.3. Версионный процесс. Принимая во внимание тот факт, что совершение преступлений предполагает необходимость использования преступником определенных знаний (технологии железнодорожного производства, учета и контроля и пр.), выдвижение версий должно осуществляться в поле технологического пространства, специфики железнодорожного транспорта и ее влияния на процесс совершения преступления, а также его выявления и расследования. В связи с этим первые версии должны касаться технологии железнодорожного транспорта и ее влияния на процесс подготовки и совершения преступления, особенности следообразования. Построение версий предполагает установление специфических признаков преступления. На железнодорожном транспорте ими могут обладать обстановка совершения преступления, следы, предмет преступного посягательства, личность преступника. Для обеспечения версионного процесса необходимы специальные экономические и отраслевые знания, а потому в сложных ситуациях для помощи в построении версий рекомендуется привлечение соответствующих специалистов. Такой подход обеспечит моделирование механизма преступления, установление всех его обстоятельств.

Особенности тактики следственных и иных действий. Деятельность субъектов, осуществляющих расследование, предполагает четкую последовательность различных действий: следственных, оперативно-розыскных, ведомственных проверок и расследований, ревизий, инвентаризаций, иных мероприятий фактического контроля, объединенных в тактические и оперативно-тактические комбинации и операции (комплексы). Ключевым следственным действием, от которого напрямую зависит успех раскрытия и расследования преступлений, является следственный осмотр. Следственный осмотр (его виды), проводимый на объектах железнодорожного транспорта и его инфраструктуры, при расследовании преступлений экономической направленности, в большинстве случаев характеризуется сложностью содержания обстановки, объектов, предметов, обстоятельств происшествия, существованием причинно-следственных и пространственно-временных связей между ними, дефицитом инфор-

мации. Обстоятельствами, влияющими на специфику проведения следственного осмотра, является наличие значительных территорий, протяженных путей сообщения, разветвленной отраслевой структуры железнодорожной сети, включающей множественность эксплуатационных звеньев и инфраструктурных объектов, характерных предметов, документов и пр.

Использование специальных знаний. Качество расследования зависит от применения наряду с технико-криминалистическими методами и средствами специальных знаний (в процессуальной и в непроцессуальной формах), имеющих выраженную специфику. Их содержание зависит от отраслевых особенностей, уровня информатизации, вида деяния и пр. Причем для раскрытия и расследования большинства видов преступлений обязательным (наряду с экономическими) будет использование именно отраслевых специальных знаний, применение которых обеспечит более высокую информативность собираемых сведений о преступных деяниях, способствуя формированию более качественной доказательственной базы. Высока роль экспертных исследований (трасологических, дактилоскопических, фоноскопических, компьютерных, строительно-технических, товароведческих, технико-криминалистических экспертиз документов, экспертиз ГСМ и нефтепродуктов, экономических экспертиз). Возможности их использования определяются направлениями решения организационных и тактических задач расследования. Это способствует получению значительного спектра доказательственной информации, влияющей на эффективность расследования.

2.2. *Описание ситуаций, складывающихся в ходе расследования.* Расследованию свойственны сложные следственные ситуации. В основной массе они характеризуются проблемностью, конфликтностью, тактическим риском, организационной неупорядоченностью. Проблемность ситуаций проявляется в неполноте и недостаточности информации, складывающейся на первоначальном этапе расследования, специфичности поисково-познавательной деятельности, неизвестности ожидаемого результата, объяснимой сложностью выявления и доказывания преступлений исследуемой категории. Конфликтность ситуаций, как правило, обусловлена активным противодействием расследованию со стороны подозреваемых, свидетелей, администраций железнодорожных организаций, в связи с чем предполагается использование следователем определенных тактических операций, направленных на защиту добытых доказательств. Тактический риск обусловлен возможностью возникновения нежелательных событий (прекращение, приостановление уголовного дела), являющихся следствием ошибок в принимаемых

организационных и процессуальных решениях, тактических и методических действиях, в использовании технико-криминалистических средств, специальных знаний. Организационная неупорядоченность проявляется в том, что на железнодорожном транспорте значительная часть преступлений экономического характера совершается в условиях неочевидности, что требует дополнительных затрат времени, сил и средств для формирования оптимальной структуры управления расследованием, должного взаимодействия между его участниками, планирования и систематизации предстоящей работы. Существенным своеобразием обладают исходные ситуации стадии возбуждения уголовного дела и следственные ситуации первоначального этапа расследования.

3. *Описание особенностей первоначального этапа расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.* Сложность ситуаций первоначального этапа расследования, невозможность их разрешения только на основе исходной информации, продолжительность во времени, динамичность в развитии, вызванные значительным объемом ориентирующей и доказательственной информации, специфическим ее характером требуют подготовительного этапа — этапа доследственной проверки. В рамках этого этапа в процессуальной и в непроцессуальной формах собираются все сведения, необходимые для возбуждения уголовного дела и первоначального этапа его расследования, осуществляется проработка ключевых версий, влияющих на ход расследования. В основе первоначального этапа расследования лежит достижение цели наиболее быстрого и качественного расследования за счет установления необходимой доказательственной информации, сосредоточенной в специфической материальной среде, виртуальном пространстве, индивидуализированных железнодорожной транспортной отрасли. Криминалистически значимые сведения о событии преступления кроются в глубине производственной и учетной документации, специфических технологических процессов. Извлечение информации требует выработки следователем стратегии разрешения ситуации за счет эвристической деятельности в комплексе с реализуемыми криминалистическими алгоритмами (обязательно включающими в себя специальные знания), разработанными в соответствии с положениями теории информации. Ее реализация обеспечивается поисково-познавательной деятельностью следователя и взаимодействующих с ним субъектов расследования, формирующей основу для следственных и оперативно-розыскных версий. Все действия на первоначальном этапе подчиняются достижению целевых установок процесса доказывания: установ-

ления события преступления и лиц, к нему причастных; определения размера причиненного ущерба; познания механизма преступления, способов его подготовки, совершения и сокрытия. В их основе — криминалистическое обеспечение, включающее в себя криминалистические знания, образование, криминалистическую технику и организацию ее использования, необходимые специальные знания.

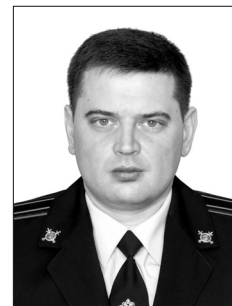
4. *Описание особенностей последующего этапа расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.* Важность и определенная трудность последующего этапа расследования заключается в необходимости тщательного анализа собранных доказательств, комплексного восприятия криминалистической, процессуальной и иной значимой информации. Для

этого повторно допрашиваются подозреваемые, обвиняемые (при необходимости — свидетели), организуется взаимодействие с сотрудниками ЭКП и оперативно-розыскных служб, проводятся специальные исследования (экономические, фоноскопические, трасологические и пр.), обыски, очные ставки, продолжаются в комплексе оперативно-розыскные мероприятия.

Такой в нашем видении предстает системно-структурная основа криминалистической методики расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Расширение и углубление ее общих положений будет способствовать дальнейшему развитию науки криминалистики и активизации противодействия преступности.

Список литературы

1. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М., 1974.
2. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.
3. Батыгин Г. С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4-5.
4. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 2018.
5. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983.
6. Макаренко И. А., Эксархопуло А. А., Зайнуллин Р. И. Структура частной криминалистической методики: история формирования и перспективы развития. Ч. I // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4(54).
7. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2016.
8. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций. Ч. IV. СПб., 1993.
9. Гавло В. К. Теоретические и методологические основы и функции системы криминалистической методики расследования преступлений // Гавло В. К. Избранные труды. Барнаул, 2011.
10. Косарев С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития) : монография. СПб., 2005.
11. Чурилов С. Н. Криминалистические характеристики как научно-эмпирическая основа частных методик расследования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2.
12. Ким Д. В. Криминалистическая характеристика расследования преступлений как результат разрешения следственных ситуаций // Известия АлтГУ. 2000. № 2.
13. Кардашевская М. В., Шипилова Е. С. Этапы процесса расследования и их характеристика // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-3.
14. Чиненов Е. В., Шукин В. И. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 4.
15. Чиненов Е. В. Обстановка совершения преступлений как основной элемент криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 3.
16. Чиненов Е. В., Шукин В. И. Организация планирования расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 1.

Законодательные новеллы в реализации полномочий субъектов досудебного производства при проведении следственных действий с использованием видео-конференц-связи (в контексте ст. 189¹ УПК РФ)

Д. С. Мерлаков, Омская академия МВД России
✉ Merlakov@gmail.com

Статья посвящена изучению отдельных аспектов, связанных с юридической техникой определения субъектов досудебного производства, уполномоченных проводить следственные действия с использованием систем видео-конференц-связи и их компетенции. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что отдельные формулировки, используемые в ст. 189¹ УПК РФ, существенно усложняют восприятие данной нормы. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства, правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ведомственных нормативных правовых актов и мнений ученых автором сделаны выводы относительно того, какие должностные лица обладают компетенцией на проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Ключевые слова: компетенция следователя, дознавателя, органа дознания; поручение о производстве следственных действий; предварительное расследование; следственные действия; видео-конференц-связь.

Legislative Novelties in the Implementation of the Powers of Subjects of Pre-Trial Proceedings in the course of Investigative Actions using Videoconferencing (in the context of Article 189¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)

D. S. Merlakov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ Merlakov@gmail.com

The article is devoted to the study of certain aspects related to the legal technique of determining the subjects of pre-trial proceedings authorized to conduct investigative actions using video conference systems and their competences. Based on the study, the author comes to the conclusion that certain statements used in Article 189¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation significantly hinder the perception of this norm. The analysis of the criminal procedural legislation, the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, departmental regulatory legal acts and the opinions of scientists enabled the author to draw the conclusions as to which officials are empowered to conduct interrogation, confrontation, identification through the use of video conference systems.

Keywords: competence of preliminary investigator, preliminary investigation body; assignment to conduct investigative actions; preliminary investigation; investigative activities; videoconferencing.

Стремительное развитие цифровых технологий изменяет наш мир. Многие сложные процессы становятся проще в результате использования компьютерной техники, сокращается время передачи информации с применением информационно-коммуникационной сети Интернет. Телекоммуни-

кационные технологии интерактивного взаимодействия двух и более лиц позволяют обмениваться аудио-, видеоинформацией в реальном времени на удаленном расстоянии. Вопросы освоения таких технологий и применения их в уголовном процессе обоснованно интересуют ученых. Разрабатываются теоретические модели электронного уголовного дела. Многие страны в настоящее время уже перешли к электронному производству по уголовным делам [1, с. 206]. Однако российский уголовный процесс остается относительно консервативным.

Использование систем видео-конференц-связи в современном уголовном судопроизводстве не является чем-то новым, определенная практика уже выработана. В УПК РФ содержалась ч. 3 ст. 376 УПК РФ (утратила силу), предоставляющая право осужденному, содержащемуся под стражей, или лицу, в отношении которого велось производство о применении принудительных мер медицинского характера, заявившим о желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на приговор, постановление участвовать в судебном заседании, в том числе путем использования систем видео-конференц-связи. Постепенно сфера применения таких технических средств распространилась в судебном производстве на допрос потерпевших, свидетелей и подсудимых в ходе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 240, ч. 6¹ ст. 241, ст. 278¹ УПК РФ), при участии их в рассмотрении дел судами апелляционной и кассационной инстанции (ч. 2 ст. 389¹², ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ), а также при рассмотрении вопроса изменения территориальной подсудности (ч. 6 ст. 35 УПК РФ). По справедливому суждению В. И. Качалова и О. В. Качаловой, видео-конференц-связь прочно закрепилась в уголовном судопроизводстве, широко используется судами, позволяет оптимизировать процессуальные издержки, избежать излишних расходов на обеспечение явки участников судебного заседания, способствует обеспечению безопасности участников судебного заседания. Количество случаев применения видео-конференц-связи неуклонно из года в год возрастает [2, с. 34]. В условиях пандемии ее использование приобрело особую актуальность.

Длительное время в уголовно-процессуальной доктрине исследовался вопрос о возможности использования указанных систем в досудебном производстве [3, с. 15–18; 4, с. 278–271; 5, с. 108–116; 6,

с. 158–161; 7, с. 73–76]. Попытки легализации проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи инициировались неоднократно, но, к сожалению, были безуспешными. Так, 8 апреля 2015 г. К. А. Лазаревым в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 764131-6, предусматривающий дополнение УПК РФ нормой, регулирующей общие правила применения видео-конференц-связи при проведении следственных и иных процессуальных действий в досудебном производстве. 3 ноября 2016 г. инициатива была отклонена, основной причиной стала необходимость привлечения дополнительных средств из бюджета на обеспечение данного вида связи¹.

5 апреля 2018 г. членом Совета Федерации РФ А. В. Кутеповым инициирован законопроект №434998-7, предусматривающий проведение допроса свидетеля посредством видео-конференц-связи, однако 8 сентября 2020 г. был отозван автором, а 11 ноября 2020 г. снят с рассмотрения Государственной Думой РФ. Замечаний концептуального характера в заключении Правового управления по законопроекту не имелось, однако возможность использования видео-конференц-связи для производства допроса потерпевшего по уголовному делу автором не рассмотрена².

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ³ в УПК РФ внесены изменения: введена ст. 189¹ «Особенности допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Безусловно, эффективность принятых изменений и их жизнеспособность мы сможем проанализировать исключительно в результате правоприменительной деятельности.

В настоящей статье нас будут интересовать отдельные аспекты принятых изменений, связанные с юридической техникой определения субъектов досудебного производства, уполномоченных проводить следственные действия в таком формате, и их компетенция. Законодатель установил, что ими являются «следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования». Ранее такое сочетание терминов в УПК РФ не использовалось. Представляется, что оно не обладает достаточной точностью и определенностью, поскольку дословно означает, что полномочиями проводить следственные действия в формате видео-

¹ Паспорт проекта Федерального закона № 764131-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части производства предварительного расследования с применением систем видео-конференц-связи). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Паспорт проекта Федерального закона № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о допросе свидетеля посредством видео-конференц-связи). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конференц-связи наделены только следователь или дознаватель. При этом обязательным условием является то, что им поручено производство предварительного расследования. Вместе с тем могут возникнуть ситуации, в которых данное поручение может отсутствовать, поскольку не является обязательным для начала расследования.

Формулировка, использованная в ст. 189¹ УПК РФ, не в полной мере охватывает субъекты, которые теоретически могут проводить следственные действия путем использования систем видео-конференц-связи, их круг оказался ограничен. Неясно, распространяется ли указанная компетенция на орган дознания, руководителя следственного органа, следователя-криминалиста.

Одним из основных условий производства следственных действий является их производство надлежащим субъектом [8, с. 61]. Поскольку в уголовно-процессуальном законе прямо не указано, что они наделены такими полномочиями, возникает вопрос о допустимости доказательств, полученных в результате проведения ими следственных действий путем использования видео-конференц-связи. Справедливым представляется суждение А. В. Победкина о том, что термины, нечетко разъясненные в УПК РФ, использованные в определенном контексте, порождают противоречивые, нередко нелегитимные формулировки [9, с. 184].

Исследование данных обстоятельств предполагает анализ используемой в законе категории «поручение о производстве предварительного расследования» и субъектов, уполномоченных их давать.

Обратим внимание на первоначальный текст законопроекта, внесенного в Государственную Думу РФ 1 июня 2021 г.⁴ Субъекты, уполномоченные проводить следственные действия в формате видео-конференц-связи, изначально были определены как дознаватель или следователь, в производстве которого находится уголовное дело. На наш взгляд, эта формулировка является более удачной, так как не во всех случаях производство предварительного расследования поручается следователю. Из содержания пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 156 УПК РФ вытекает, что следователь действует самостоятельно в вопросе возбуждения уголовного дела. Стадия предварительного расследования начинается с возбуждения уголовного дела и принятия следователем или дознавателем дела к своему производству. Буквально это означает, что производство по конкретному уголовному делу ведется индивидуально определенным лицом. Поручение о производстве

предварительного расследования следователю или дознавателю является частным случаем и в некоторых обстоятельствах может отсутствовать.

Процессуальный статус руководителя следственного органа, определенный ст. 39 УПК РФ, включает полномочия поручать производство предварительного следствия одному либо нескольким следователям, изымать уголовное дело и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи либо принимать уголовное дело к своему производству. Буквальное толкование данной нормы указывает на объективную возможность их реализации только в рамках возбужденного дела.

В свою очередь, полномочиями поручать производство дознания наделен начальник подразделения дознания (п. 1 ч. 1 ст. 40¹ УПК РФ) и начальник органа дознания (п. 1 ч. 1 ст. 40² УПК РФ).

О компетенции должностных лиц органов дознания имеются различные точки зрения. Так, М. Р. Галиахметов ограничивает процессуальные полномочия должностных лиц органа дознания, в отличие от занимающих штатные должности дознавателей, выполнением поручений и считает противоречащей закону возможность проведения ими расследования в форме дознания [10, с. 95]. Позволим себе не согласиться с такой позицией. По справедливому суждению А. С. Есиной, должностные лица органа дознания могут приобретать процессуальный статус дознавателя в силу служебного положения и занимаемой должности (сотрудники подразделения дознания), а также возложения таких полномочий на должностных лиц органа дознания начальником органа дознания [11, с. 14]. Заслуживает внимания точка зрения процессуалистов об осуществлении расследования в форме дознания, согласно п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, дознавателями, работающими в соответствующих подразделениях, для которых реализация данных уголовно-процессуальных полномочий является единственной функцией. Вместе с тем производство дознания может быть поручено начальником органа дознания и другим должностным лицам, например участковому уполномоченному [12, с. 13].

Нами поддерживается позиция ученых, которые считают, что термин «дознаватель» используется в УПК РФ в двух значениях: как лицо, замещающее должность дознавателя в государственном органе, либо как иное должностное лицо, которому начальником органа дознания в письменной форме поручено провести дознание. Таким образом, должностное лицо органа дознания, правомочное либо

⁴ Проект Федерального закона №1184596-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, является по смыслу закона дознавателем, а значит и субъектом производства следственных действий в соответствии со ст. 189¹ УПК РФ. Поэтому поручение о производстве расследования в данном случае будет обязательным условием при определении надлежащего субъекта. Именно руководитель органа дознания сосредоточивает в своих руках все предусмотренные законом полномочия по производству дознания, неотложных следственных действий и реализации иных процессуальных функций. Без руководителя невозможно выполнить предписание закона, адресованное органу дознания [13, с. 204]. Полагаем, что орган дознания целесообразно рассматривается как субъект производства следственных действий путем использования видео-конференц-связи, в том числе в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 157 УПК РФ [14, с. 318–324].

Характер полномочий по поручению производства расследования в некоторой степени относится к организационно-управленческой функции соответствующего руководителя, позволяющей распределять находившиеся в производстве следственного отдела или органа (подразделения) дознания уголовные дела, регулировать нагрузку конкретных следователей, дознавателей с учетом их специализации, опыта работы, сложности и объема производств. Форма реализации такого полномочия, требования к его оформлению в УПК РФ не указаны.

На наш взгляд, в свете ст. 189¹ УПК РФ реализация решения о поручении расследования определенному субъекту (следователю или дознавателю) должна осуществляться письменно, в виде резолюции на постановлении о возбуждении уголовного дела. В некоторых случаях руководители следственного органа выносят постановления об изъятии и передаче уголовного дела от одного следователя к другому, которое также может рассматриваться как поручение расследования.

Справедливо суждение о том, что, по общему правилу, лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, появляется в момент возникновения самого дела, его данные указываются в постановлении о возбуждении уголовного дела и о принятии его к своему производству [15, с. 78]. Если следователю или дознавателю поручается проведение предварительного расследования уже по возбужденному делу, то в соответствии с ч. 2 ст. 156 УПК РФ принятие уголовного дела к своему производству оформляется отдельным процессуальным документом. Именно таким образом обеспечивается надлежащая форма

уголовного судопроизводства и определяется лицо, уполномоченное вести его, оно наделяется компетенцией по осуществлению следственных и иных процессуальных действий.

Исключением из приведенного общего условия производства предварительного расследования является норма, закрепленная в п. 40¹ ст. 5 УПК РФ, предоставляющая возможность следователю-криминалисту участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству. Указанный субъект уполномочен осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. При этом процессуальный статус данного участника в УПК РФ не конкретизирован, часто поднимаются вопросы относительно его полномочий при расследовании уголовного дела. Так, по мнению А. Ю. Зотова, следователь-криминалист в ходе реализации своих полномочий должен осуществлять криминалистическое сопровождение расследования преступления, т. е. оказывать содействие в его проведении. Проводить самостоятельно он должен только те следственные и иные процессуальные действия, которые требуют наличия глубоких знаний в области криминалистики и иных отраслях, не относящихся к правовым [16, с. 140–150]. В связи с этим закономерно возникает вопрос, уполномочен ли данный субъект проводить следственные действия в порядке, предусмотренном ст. 189¹ УПК РФ.

Обратим внимание, что приказом Следственного комитета РФ от 9 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» определена деятельность соответствующих субъектов по различным направлениям: криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности Следственного комитета РФ; производство предварительного расследования; иные полномочия, в большей степени относящиеся к методическому обеспечению работы следователей⁵. В связи с неполной регламентацией процессуального статуса следователя-криминалиста в уголовно-процессуальном законе В. М. Быков высказывает мнение о том, что для участия в производстве отдельных следственных действий на законных основаниях данный субъект должен иметь соответствующее письменное поручение руководителя следственного органа, его он должен передать следователю, в производстве которого находится уголовное

⁵ Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 8 августа 2013 г. № 53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дело, для приобщения к материалам предварительного расследования. Это будет выступать законным основанием участия следователя-криминалиста при производстве следственных действий [17, с. 43–44]. Считаем, что подобные рекомендации актуальны и могут быть востребованы при привлечении к производству следственных действий с применением средств видео-конференц-связи следователя-криминалиста.

Обладает ли полномочиями по производству следственных действий путем использования средств видео-конференц-связи руководитель следственного органа, принявший к своему производству уголовное дело и обладающий в связи с этим полномочиями следователя и соответствующей ему процессуальной самостоятельностью? Кто должен в этом случае давать ему поручение на производство расследования, обязательно ли оно? Отвечая на поставленные вопросы, надлежит обратиться к п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайства о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», определяющему, что в случаях, когда ходатайство о производстве следственного действия возбуждено перед судом непосредственно руководителем следственного органа, принявшим уголовное дело к своему производству, согласия вышестоящего руководителя следственного органа на направление ходатайства в суд не требуется. Полагаем, что логику Пленума Верховного Суда РФ можно применить к руководителю следственного органа при производстве следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи. В данном случае поручения на производство предварительного расследования от вышестоящего руководителя не требуется.

Стоит обратить внимание еще на один аспект, расширяющий, на наш взгляд, компетенцию следователя или дознавателя. До изменений, внесенных Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ, в УПК РФ не содержалось нормы, позволяющей следователю давать поручение о производстве следственных действий напрямую дознавателю (ч. 2 ст. 189¹ УПК РФ). Порядок направления поручения предусмотрен ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Обязательные для исполнения поручения следователя, в том числе связанные с необходимостью производства следственных или иных действий не по месту производства предварительного расследования, адресуются органу дознания, начальник которого обладает полномочием определить в качестве исполнителя должностное лицо органа дознания, которым может являться дознаватель. Однако ч. 2 ст. 189¹ УПК РФ предусматривает направление следователем или дознавателем,

которым поручено производство предварительного расследования, письменного поручения об организации участия лица в следственном действии путем использования систем видео-конференц-связи следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым. Расширение полномочий также отражено в п. 4¹ ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Однако стоит обратить внимание на то, что п. 1³ ч. 3 ст. 41 УПК РФ наделяет дознавателя полномочиями давать такие поручения только дознавателю или органу дознания, направить поручение следователю он не вправе.

Анализ ч. 2 ст. 189¹ УПК РФ позволяют сделать вывод, что использованная формулировка «направляет следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии» существенно усложняет восприятие данной нормы, необоснованно расширяет полномочия субъектов, ведущих уголовное досудебное производство. Полагаем, в данном случае предпочтительнее использовать следующую формулировку: «направлять в орган дознания или орган предварительного следствия», поскольку решение о распределении письменных поручений об организации следственного действия путем использования систем видео-конференц-связи принимается руководителями соответствующих органов. Категория «орган предварительного следствия» используется законодателем в ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 37, ч. 12 ст. 107, ч. 2 ст. 134 УПК РФ. Нет сомнений, что она может быть успешно применена в обсуждаемой норме.

Обратим внимание и на то, что классическое понимание поручения о производстве следственных или розыскных действий в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ [18, с. 383–385] существенно отличается от письменного поручения об организации участия лица в следственном действии, в порядке, предусмотренном ст. 189¹ УПК РФ. По справедливому суждению О. Н. Игнатовой, делегирование процессуальных полномочий представляет собой процесс передачи одним участником уголовного судопроизводства другому своих процессуальных полномочий путем волеизъявления или в силу прямых предписаний закона, предполагающий определенную свободу действий лица, которому они делегированы, с одновременным приобретением ответственности за результат их реализации [19, с. 13]. Полномочия, реализуемые при исполнении письменного поручения в рамках ст. 189¹ УПК РФ, представляют собой иную группу делегированных полномочий, включающих в себя: 1) организацию участия лица в следственном действии, вызов для его проведения; 2) отбирание подписки у лиц,

участвующих в проведении следственного действия о разъяснении им прав, обязанностей, ответственности, порядка проведения следственного действия; 3) запись об оглашении протокола участникам; 4) направление подписки и иных документов инициатору проведения следственного действия.

Отметим, что лица, исполняющие поручение об организации проведения следственного действия, не вправе выходить за рамки компетенции, предусмотренной ст. 189¹ УПК РФ, влиять на ход следственного действия, задавать вопросы лицам, участвующим в проведении следственного действия, относительно расследуемого события, поскольку являются «техническими» исполнителями поручения. Переадресация исключительной компетенции расследования уголовного дела иному субъекту при реализации рассматриваемой нормы не осуществляется. Следовательно, необходимо четко разграничивать компетенцию инициатора следственного действия, проводимого с использованием систем видео-конференц-связи, и исполнителя поручения об организации участия лица при его проведении.

Таким образом, следователь, дознаватель или орган дознания по месту нахождения лица, которым направлено письменное поручение об организации проведения следственного действия, компетенция которых нормативно определена ст. 189¹ УПК РФ, выполняют обеспечительную функцию. Ее содержанием является оказание необходимого содействия, а также обеспечение участия в следственном действии соответствующих лиц. Указанные обстоятельства не позволяют позиционировать их в качестве субъектов, ведущих уголовное досудебное производство.

В заключение отметим, что следственные действия путем использования систем видео-конференц-связи в соответствии со ст. 189¹ УПК РФ компетентны проводить субъекты, ведущие уголовное досудебное производство [20, с. 57–61]. К последним относятся уполномоченные государством органы и должностные лица, которые вступают в правоотношения с другими участниками уголовного процесса и в соответствии с установленной УПК РФ компетенцией осуществляют предварительное расследование.

Формулировка «следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования», используемая законодателем в ст. 189¹ УПК РФ, не лишена недостатков — не определяет должным образом круг соответствующих субъектов. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи должно осуществляться должностными лицами, уполномоченными расследовать уголовные дела в форме предварительного следствия и дознания, а также при производстве неотложных следственных действий в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 157 УПК РФ. Перечень данных субъектов должен определяться по признаку «принятие уголовного дела к своему производству».

Письменные поручения об организации участия лица в следственном действии следователем или дознавателем, в производстве которого находится уголовное дело, должны направляться в орган предварительного следствия или орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в проведении следственного действия признано необходимым.

Список литературы

1. Савченко А. Н. Электронная форма уголовного досудебного производства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3(82).
2. Качалов В. И., Качалова О. В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12.
3. Архипова Е. А. Применение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
4. Родивилина В. А. Некоторые вопросы применения видео-конференц-связи в досудебном производстве // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2(97).
5. Овчинникова О. В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1(47).
6. Мичурина О. В. Дистанционный допрос с использованием систем видео-конференц-связи в производстве досудебного производства по уголовным делам: реальность и перспективы // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2020.
7. Трубочник И. С. Отдельные особенности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3.
8. Уголовный процесс : в 2 ч. : учебник для вузов. Ч. 2 / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М., 2017.
9. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права : монография. М., 2013.
10. Галиахметов М. Р. Процессуальный порядок производства предварительного расследования в форме дознания : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2010.

11. *Есина А. С.* Дознание в органах внутренних дел. М., 2018.
12. *Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России* : учеб. пособие / К. В. Муравьев, А. В. Писарев, И. С. Смирнова, С. В. Супрун. Омск, 2009.
13. *Соколов А. Б., Мерлаков Д. С., Мазунин Я. М.* Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательств, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4(83).
14. *Судоустройство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры* : учеб. пособие для вузов / А. Н. Артамонов, А. С. Дежнев, В. В. Кальницкий [и др.] ; под ред. А. Н. Артамонова. Омск, 2020.
15. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021.
16. *Зотов А. Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. А. Зайцевой. М., 2021.
17. *Быков В. М.* Следователь в уголовном процессе России : монография. М., 2014.
18. *Уголовный процесс* : учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М. Х. Гельдибаев, В. В. Вандышев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
19. *Игнатова О. Н.* Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
20. *Мерлаков Д. С.* Классификация субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2020.

УДК 343.85 © А. Л. Боренштейн, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-147-151

О современных проблемах функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав

А. Л. Боренштейн, Юго-Западный государственный университет (г. Курск)
✉ annalbor@yandex.ru

Исследовано современное состояние профилактической деятельности в сфере правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних. В результате анализа деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на примере Курской области сделан вывод о недостаточном взаимодействии различных субъектов предупреждения асоциального поведения подростков и молодежи. Определена необходимость заимствования зарубежного опыта привлечения институтов гражданского общества к профилактике отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Подвергнута критическому анализу правовая база регулирования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Поддержана и обоснована идея принятия самостоятельного нормативного правового акта, регламентирующего функционирование комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Ключевые слова: несовершеннолетний; комиссии; профилактика; предупреждение; административное правонарушение; беспризорность; взаимодействие; общественность.

On Modern Problems of Functioning of the Commissions on Juvenile Rights and Affairs

A. L. Borenstein, South-West State University (Kursk)
✉ annalbor@yandex.ru

The current state of preventive activities in the field of delinquency and neglect of minors is under consideration. As a result of the analysis of the activities of the commission for minors and the protection of their rights, on the example of the Kursk region, a conclusion was drawn on the insufficient interaction of various subjects for preventing antisocial behavior of juveniles and youth. The necessity of adopting foreign experience of involving civil society institutions in the prevention of juvenile deviant behavior is determined. The legal basis for regulation of activity of the commissions on juvenile rights and affairs is under critical analysis. The idea of adopting an independent normative legal act regulating the functioning of commissions for minors and protecting their rights was supported and substantiated.

Keywords: law; juvenile; commissions; prophylaxis; prevention; administrative offence; neglect; interaction; society.

Асоциальное поведение несовершеннолетних во все времена привлекало внимание как ученых и исследователей, так и практических работников, которые ежедневно сталкиваются с трудностями подростковой преступности. Тенденция увеличения динамики противоправного поведения лиц, не достигших возраста совершеннолетия, вызывает обеспокоенность и среди представителей высшей государственной власти. Кардинальное изменение морально-нравственных и ценностных ориентаций молодого поколения, характерное для последних лет, как следствие, привело к возрастанию числа лиц, склонных к совершению правонарушений и престу-

плений. Значительно усугубляет ситуацию тот факт, что процессы внедрения основ ювенальной юстиции вызвали сопротивление не только российской общественности, но и управленческого аппарата страны. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на современное состояние профилактики неправомерного поведения подростков, серьезную роль в которой играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Особый статус комиссий по делам несовершеннолетних в России обусловлен не только широким кругом возложенных на них задач (которые согласно постановлению Правительства РФ от 6 декабря 2017 г.

№ 1480 были дополнены новым полномочием по координации деятельности субъектов профилактики в сфере выявления и пресечения деятельности по вовлечению подростков в совершение иных правонарушений, а также склонению их к суициду), но и длительной историей их существования: в отечественном государстве данный орган функционирует уже более ста лет, с 1918 г. [1, с. 85]. Кодекс об административных правонарушениях РФ наделяет данный орган административно-юрисдикционными полномочиями в отношении круга строго установленных административных правонарушений. Значима роль комиссий в уголовно-процессуальной деятельности, а именно при взаимодействии с ними органов следствия для получения сведений, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений.

Вместе с тем нельзя забывать и о том, что такой многофункциональный орган выступает ядром, центральным элементом системы превенции безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних граждан. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что комиссии по делам несовершеннолетних в настоящее время не в полной мере справляются с данной задачей.

Анализ сопоставимых данных, предоставленных главным информационно-аналитическим центром МВД РФ, говорит о следующем. Несмотря на то что за последние пять лет в России наблюдается определенное снижение числа административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними (с 222 941 правонарушений в 2017 г. до 198 900 правонарушений в 2021 г.), показатели по-прежнему остаются высокими. Кроме того, такая положительная динамика обусловлена общим уменьшением регистрации правонарушений, совершаемых в стране¹.

Непростая обстановка наблюдается и в сфере выявленных беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. Своего пика уровень беспризорности в России достиг в 2019 г., когда, по официальным сводкам МВД России, было выявлено 75 588 детей такой категории (аналогичный показатель в 2018 г. составлял 68 700)².

Комиссии по делам несовершеннолетних, выступая специализированными субъектами предупредительной деятельности, признаются теоретиками и практиками «головным органом» в механизме комплексной защиты интересов ребенка [2, с. 95]. Возникает вопрос: по каким же причинам работа по предупреждению и профилактике антиобщественного и противоправного поведения ведется неэффективно?

Во-первых, превентивная деятельность часто превращается в формальную и не приводит к необходимым результатам из-за отсутствия организованного на должном уровне взаимодействия с другими важнейшими звеньями профилактики. Комиссии не справляются с задачей по координации деятельности субъектов по предупреждению подростковой девиации, к которым принадлежат органы внутренних дел, местного самоуправления, социальной защиты населения, управления образованием, опеки и попечительства, службы занятости, учреждения уголовно-исполнительной инспекции и многие другие социальные институты. Констатируем, что качественная и результативная профилактическая деятельность в изучаемой сфере возможна лишь в том случае, когда каждый из ее субъектов будет ответственно справляться с возложенными задачами, включая орган, координирующий такую деятельность.

Вместе с тем на практике дело обстоит иначе. Анализируя затронутый аспект на региональном уровне на примере комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Курской области, отметим, что к основным направлениям работы данного органа можно отнести:

- анализ и обобщение сведений о состоянии безнадзорности, наркомании, алкоголизма несовершеннолетних на территории Курской области, о случаях жестокого обращения с ними и нарушения их прав;

- составление и реализация программы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Курской области;

- проведение индивидуальных профилактических бесед с несовершеннолетними лицами;

- принятие мер воздействия к родителям, не исполняющим возложенные на них обязанности в отношении их несовершеннолетних детей;

- прием граждан, рассмотрение обращений как несовершеннолетних лиц, так и их родителей (законных представителей);

- оказание несовершеннолетним, состоящим на профилактических учетах, помощи с занятостью и трудоустройством;

- обеспечение деятельности по организации отдыха и оздоровления несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также состоящих на различных учетах в органах профилактики безнадзорности;

- организация и проведение плановых и внеплановых рейдов в семьи, находящиеся в социально опасном положении.

¹ Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36187> (дата обращения: 12.07.2021).

² Количество выявленных беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36186> (дата обращения: 12.07.2021).

Тщательный анализ изложенных полномочий (в рамках Положения о комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Курской области), их сопоставление с закрепленными на федеральном и региональном уровнях задачами и функциями комиссий дает основание утверждать, что деятельность по профилактике безнадзорности, правонарушений и иных антиобщественных действий несовершеннолетних, которая требует совместного и планомерного взаимодействия с рядом иных субъектов превентивной системы, на практике осуществляется иначе.

Ввиду ряда объективных и субъективных обстоятельств (высокая нагрузка на комиссии, отсутствие заинтересованности со стороны иных уполномоченных органов, масштабный характер проводимых мероприятий и т. д.) меры по активному сотрудничеству комиссий по делам несовершеннолетних с иными участниками профилактики практически не предпринимаются либо осуществляются фрагментарно. В частности, не анализируется должным образом эффективность деятельности каждого из субъектов системы профилактики, осуществляется формальный и поверхностный контроль за исполнением подчиненными органами принятых комиссиями решений, получаемая от органов и учреждений профилактики информация носит неполный и зачастую недостоверный характер. На должном уровне не выстроен порядок своевременного информирования об актах нарушения закона несовершеннолетними, что влечет за собой неэффективность мер воспитательного воздействия в отношении нарушителей и, как следствие, порождает новые случаи противоправного поведения рассматриваемой категории лиц.

Изложенные обстоятельства не позволяют говорить о прогрессивных результатах в области предупреждения правонарушений и безнадзорности подростков, ведь фактически единственным субъектом, комплексно разрешающим проблемы данной сферы, является региональная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, которая не в силах самостоятельно, в одиночку реализовывать такую многогранную и сложную работу.

Сходные проблемы имеются и в других регионах России. Д. Н. Маринкин и В. Р. Нугаева, комплексно проанализировав эффективность функционирования территориальной комиссии по делам несовершеннолетних в Пермском крае, пришли к выводу о том, что указанным субъектом слабо реализуются функции по координации деятельности уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления [3, с. 28].

Вместе с тем стоит отметить положительный опыт по реализации на территории Пермского края совместных мероприятий оперативно-

профилактического характера, направленных на предупреждение девиантного поведения детей и молодежи, а также семейного неблагополучия (операция «Подросток», «Занятость» и др.). Полагаем, что систематическое проведение подобных мероприятий, разнообразных по своей тематике, направленности, формам реализации, станет перспективным шагом на пути к формированию эффективной системы взаимодействия различных субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Другое перспективное направление, связанное с налаживанием сотрудничества между органами и учреждениями превенции, — распространение практики участия общественных объединений, организаций, граждан и иных инициативных субъектов гражданского общества в непосредственной работе с трудными подростками. В данном аспекте особый интерес представляет опыт зарубежных стран, некоторые из них на протяжении ряда лет реализуют деятельность по оказанию помощи в профилактике правонарушений среди подростков. Например, в ФРГ с принятием Закона «О помощи детям и молодежи» была создана система организаций для содействия семьям с трудностями в воспитании детей. Речь идет о различных мерах социальной, психологической, воспитательной, педагогической помощи. Важно отметить, что деятельность более чем 80% таких учреждений финансируется за счет общественных объединений [4, с. 153]. Ярким примером может стать организация AVO («Рабочее братство»), которая за период своего существования оказала помощь большому количеству нуждающихся. Среди них и центры поддержки детей, подвергшихся насилию, учреждения социально-педагогического сопровождения семей мигрантов и переселенцев с детьми, неблагополучные семьи высокого социального риска и т. д. Наладить такую работу «Рабочему братству» удалось во многом благодаря поддержке инициативного гражданского общества, которая выражается не только в материальной форме в виде пожертвований, но и в качестве личного участия. Более того, равнодушное отношение рядовых граждан позволило повысить уровень народного доверия к общественникам.

Другие западные страны решают проблему предупреждения подростковой преступности посредством организации целевых программ, ставших особой формой профилактики с привлечением гражданского населения. Среди наиболее популярных, которые с годами доказали свою практическую состоятельность, можно отнести реализуемые в Великобритании, Австралии, США, Канаде и в других странах программы «Остановим преступность», «Соседский надзор», «Разбитые окна» и многие другие [5, с. 10]. Подобные программы предполагают проведение ме-

роприятий по предупреждению уличной подростковой преступности, так как именно улица становится наиболее популярным местом совершения противоправных деяний у детей и молодежи.

Таким образом, исходя из практики ряда иностранных государств в вопросах профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних, отметим, что доказавший свою результативность и продемонстрировавший серьезный потенциал опыт деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций во взаимодействии с населением может быть полезен в подобной деятельности в России. В частности, видится целесообразным распространение на территории страны сети некоммерческих общественных организаций, основная деятельность которых будет направлена на оказание помощи детям из неблагополучных семей. По аналогии с немецкой организацией «Рабочее братство» функционирование предлагаемых объединений должно строиться на принципах привлечения инициативного населения. На первых этапах организация деятельности подобных учреждений предполагается в нескольких регионах Российской Федерации в качестве пилотного проекта. Представляется, что данная мера положительным образом повлияет на предупреждение преступности несовершеннолетних, ведь там, где государство в лице уполномоченных органов не справляется с поставленными перед ним задачами, необходимо не только налаживать постоянное и планомерное взаимодействие субъектов системы профилактики между собой, но и привлекать силы общественности, которая в нашей стране с каждым годом становится все более инициативным участником различных направлений российской политики.

Другое перспективное направление внутренней политики ряда зарубежных стран, которое может быть успешно реализовано в современных российских условиях, — это разработка и претворение в жизнь целевых программ, направленных на снижение уровня детской и подростковой преступности. Формат целевой программы, предполагающей проведение целого ряда мероприятий при активной поддержке государственной власти и институтов гражданского общества, позволит добиться эффективно-го решения проблем, которые комиссии по делам несовершеннолетних не способны решать в одиночку.

Во-вторых, полагаем, что существенные трудности, предопределяющие низкую эффективность работы комиссий по делам несовершеннолетних в России, связаны с нормативной базой, регламентирующей их деятельность.

Несмотря на подробное и четкое обозначение в рамках Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолет-

них» целей создания комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также компетенции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, на правовом уровне имеется много неразрешенных и неурегулированных организационных, социальных и иных проблем, препятствующих нормальному осуществлению комиссиями своих полномочий.

Данный вопрос не раз становился предметом многих научных исследований, в связи с чем выявленные законодательные пробелы можно классифицировать на несколько групп. Как правило, они связаны с недостаточной или противоречивой регламентацией состава и требований к членам данных комиссий; официального законодательного толкования комиссий; четкого перечня необходимых документов по материалам, направляемым на рассмотрение в комиссии; подчиненности комиссий, созданных субъектами РФ, а также комиссий при Правительстве РФ и т. д.

Однако перечень таких вопросов носит открытый характер и постоянно пополняется вновь выявленными недостатками. Видится, что решить изложенные проблемы в силах только государство, обладающее реальными возможностями по обеспечению деятельности комиссий юридическим, правовым инструментарием, который станет основой для эффективного выполнения возложенных на них функций.

На наш взгляд, деятельность таких значимых органов социальной защиты населения, как комиссии по делам несовершеннолетних, которые фактически являются единственным институтом ювенальной юстиции в стране, не должна быть урегулирована только в рамках постановления Правительства РФ. основополагающие аспекты функционирования комиссий требуют не подзаконной, а именно законодательной регламентации. В связи с этим заслуживает внимания предложение ряда современных исследователей о необходимости принятия единого, самостоятельного нормативного правового акта, посвященного детальному регулированию института комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав [6, с. 153; 9, с. 39]. На наш взгляд, такой закон станет наиболее оптимальным способом устранения имеющихся многочисленных коллизий и неточностей в данной сфере и позволит наладить и оптимизировать статус, структуру и содержание комиссий по делам несовершеннолетних в России.

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует сделать вывод о том, что при всей значимости комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в вопросах профилактики безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних их успешное функционирование в настоящее время затруднено ввиду на-

личия ряда правовых и организационных проблем. Главные из них связаны с отсутствием необходимого взаимодействия с иными субъектами профилактики антисоциального поведения несовершеннолетних, а также с наличием многочисленных законодательных коллизий и неточностей в правовом регулировании комиссий. Полагаем, предложенные варианты устранения выявленных проблем позволят не только пересмотреть роль, содержание и концепцию функ-

ционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, но и вывести на новый уровень политику профилактики противоправного и беспризорного поведения подростков. Привлечение сил общественности позволит скоординировать деятельность субъектов предупреждения негативных социальных явлений среди подростков, а также повысит доверие населения, которое сегодня по-прежнему находится на низком уровне.

Список литературы

1. *Банищикова С. Л.* Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: перспективы деятельности в России // Вестник СИБИТа. 2018. № 3(27).
2. *Мишота В. А.* Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2015. № 1(144).
3. *Маринкин Д. Н., Нугаева В. Р.* Эффективность деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по профилактике преступности несовершеннолетних (на примере Пермского края) // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 3(75).
4. *Хершельман М.* Защита прав детей в Германии (правовые проблемы) // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3.
5. *Головина А., Потоцкий Н.* Зарубежный опыт разработки программ профилактики правонарушений. М., 2014.
6. *Беженцев А. А.* Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в профилактике правонарушений несовершеннолетних, перспективы модернизации административной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1(73).
7. *Никулич А. И.* Проблемы нормативно-правового регулирования функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Развитие территорий. 2019. № 4(18).

УДК 340.1 © В. А. Толстик, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-152-156

Субъекты правотворчества в парадигме юридического позитивизма

В. А. Толстик, Нижегородская академия МВД России
✉ tolstikva@mail.ru

Понимание права в парадигме юридического позитивизма как системы норм, исходящих от государства и им охраняемых, и реально существующая практика создания норм права негосударственными субъектами права актуализирует проблему уточнения понятия «субъекты правотворчества» и такого признака права, как «исходит от государства». Предпринята попытка дать аргументированный ответ на вопрос, является ли государство (его органы и должностные лица) единственным субъектом правотворчества, или право может создаваться иными негосударственными организациями, без дозволения со стороны государства. Проведенный анализ правотворческой деятельности, осуществляемой негосударственными субъектами права (народом, населением, органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими организациями), показал, что первичность власти народа (населения), в том числе право на осуществление правотворческой деятельности, не является производным от государств, имеющих республиканскую и парламентско-монархическую форму правления с демократическим государственно-правовым режимом. В абсолютных монархиях монарх правит по собственному праву, не производному от права народа. Сделан вывод о необходимости уточнения рассматриваемого признака права, и предложена его новая редакция. Что касается иных субъектов правотворчества (органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций), то их право на создание норм права всегда производно от государства, и с этой точки зрения каких-либо уточнений не требуется.

Ключевые слова: право; правопонимание; юридический позитивизм; правотворчество; субъекты правотворчества; нормы права; источники права; нормативные правовые акты; корпоративные нормы; правовые обычаи; нормы международного права.

Subjects of Lawmaking in the Paradigm of Legal Positivism

V. A. Tolstik, the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ tolstikva@mail.ru

Understanding of law in the paradigm of legal positivism as a system of norms emanating from the state and protected by it, and the actual practice of creating legal norms by non-government subjects of law actualize the problem of clarifying the concept of “subjects of lawmaking” and such a feature of law as “emanating from the state”. The author makes an attempt as to give a reasonable answer to the question of whether the state (its bodies and officials) is the only subject of lawmaking, or whether law can be created by other non-government organizations without permission from the state. The analysis of lawmaking business carried out by non-government subjects of law (the people, the population, local governments, commercial and non-profit organizations) showed

that the primacy of the power of the people (population), including the right to carry out lawmaking activities, is not derived from states that have republican and parliamentary monarchy form of government with a democratic state-legal regime. In absolute monarchies, the sovereign rules by his own right, not derived from the right of the people. It is concluded that it is necessary to clarify the feature of law under consideration and its new version is proposed. As for other subjects of lawmaking (local governments, commercial and non-profit organizations), their right to create legal norms is always derived from the state, and from this point of view, no clarification is required.

Keywords: law; understanding of law; legal positivism; lawmaking; subjects of lawmaking; legal norms; sources of law; normative legal acts; corporate norms; legal customs; norms of international law.

Корректно говорить о многих общетеоретических и отраслевых юридических проблемах можно только и исключительно в рамках определенной парадигмы правопонимания. Механическое смешение различных подходов к пониманию права неизбежно будет приводить к искажению и необоснованности научных выводов. Не является исключением в этом смысле и проблема субъектов правотворчества. Научную ценность может иметь сравнительный анализ различных подходов к правопониманию, влияние каждого из них на правотворчество и правореализацию, формирование правосознания и правовой культуры и других аспектов.

В настоящей статье анализ обозначенного в названии вопроса будет проведен в рамках юридического позитивизма, базовое, ключевое положение которого состоит в том, что право исходит от государства и им охраняется. Именно этими признаками оно отличается от иных социальных норм.

Непозитивистами и особенно антипозитивистами подобное правопонимание обычно иллюстрируется определением понятия права, сформулированным А. Я. Вышинским, причем делается это нередко с недвусмысленным намеком на некую порочность данного подхода к пониманию права. Он писал: «право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил поведения, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [1, с. 84].

Между тем для того исторического периода, когда данное определение было сформулировано, на наш взгляд, оно вполне адекватно. Если при этом в представленной дефиниции абстрагироваться от классового аспекта, можно сделать вывод о высокой степени его адекватности и для современного этапа государственно-правового развития. Еще менее обоснованно приписывать А. Я. Вышинскому авторство данного подхода. Позитивистское понимание права возникло значительно раньше, а по сути — с момента возникновения государства.

Ключевой проблемный вопрос должен быть сформулирован следующим образом. Если право исходит от государства, означает ли это, что данный социальный институт (его органы и должностные лица) является единственным субъектом правотворчества, или право может создаваться иными негосударственными организациями, либо возникать исторически как результат многократного повторения того или иного поведения?

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к существующей в настоящее время практике создания права. Так, современные нормативные правовые акты принимаются не только государственными органами и их должностными лицами, но и различными негосударственными субъектами права. В их числе народ, население, трудовой коллектив, органы местного самоуправления, которые в силу ст. 12 Конституции РФ не входят в систему органов государственной власти, коммерческие и некоммерческие организации.

Многонациональный народ Российской Федерации может принимать нормативные правовые акты на федеральном референдуме, население — на референдумах иных уровней территориальной организации публичной (государственной) власти (субъекта федерации или муниципального образования). Возможно принятие источников права на более локальных уровнях, например на сходах граждан.

Является ли право народа (населения) на создание норм права производным от воли государства или оно первично по отношению к нему?

Полагаем, обоснованный ответ на поставленный вопрос зависит от формы правления и государственно-правового режима, существующих в конкретном государстве. В абсолютных монархиях монарх, как известно, правит по собственному праву, не производному от права народа. Более того, в государствах данной формы правления народ либо вообще не имеет нормотворческих полномочий, либо наделяется ими по воле правителя.

Первичность власти народа и производность от нее власти государственной на конституционном уровне обычно признается в парламентских (конституционных) монархиях и республиках с демократическим государственно-правовым режимом.

Так, в ст. 3 Конституции РФ установлено: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Непосредственное осуществление власти народа предполагает в том числе принятие нормативных правовых актов. Конституция РФ (акт высшей юридической силы) принята на Всенародном голосовании¹ 12 декабря 1993 г. и вступила в действие со дня ее опубликования в «Российской газете» 25 декабря 1993 г., без какого-либо одобрения со стороны государственных органов. Значительные изменения в Основной закон были одобрены Общероссийским голосованием 1 июля 2020 г.² Поправки вступили в силу с даты опубликования в «Российской газете» 4 июля 2020 г.

Заметим, что государство может прямо или косвенно ограничивать право народа на принятие нормативных правовых актов, в том числе делать это весьма существенно³. Подробно эта проблема рассмотрена в отдельной статье [2, с. 9–14].

Однако сама возможность негосударственного субъекта (народа, населения) создавать право говорит о необходимости уточнения базовой посылки позитивизма о том, что право исходит от государства.

В контексте сказанного рассматриваемый признак права корректно сформулировать в следующем виде: «право исходит от публичной власти». Развернутое обоснование этого вывода нами дано в статье, посвященной конституционным новациям в регулирование местного самоуправления [3, с. 263–267].

Что касается органов местного самоуправления, то, по нашему глубокому убеждению, с точки зрения своей социальной и юридической природы они являются не корпоративной, а территориальной властью и по этой причине должны признаваться не чем иным, как местными органами государственной власти [об этом см.: 3, с. 263–267; 4, с. 4–12]. Этим обстоятельством обусловлено введение в Конституцию РФ нового термина «единая система публичной власти». При этом формальным препятствием для признания органов местного самоуправления местными орга-

нами государственной власти продолжает оставаться ст. 12 Конституции РФ, в которой говорится, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Отсюда можно сделать вывод, что *формально-юридически* органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, но не являются государственными органами. При таком понимании право населения муниципального образования и органов местного самоуправления принимать муниципальные *правовые* акты производно от государства. Соответствующее правомочие закреплено в ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в которой установлено: «По вопросам местного значения населением муниципальных образований непосредственно и (или) органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления принимаются муниципальные *правовые акты*»⁴.

Далее обратимся к коммерческим и некоммерческим организациям, которые, не являясь государственными организациями, могут принимать не только нормативные, но в отдельных случаях и нормативные *правовые акты*. И вновь поставим вопрос, производно ли право указанных органов и организаций от воли государства, обусловлено ли оно так или иначе государственной властью, или такое право автономно от нее?

По общему правилу, негосударственные органы (организации) не имеют правотворческой компетенции. По своей природе они могут осуществлять нормативное регулирование внутри организационных отношений. Но такое регулирование не является правовым. Полномочиями осуществлять *правовое* регулирование отдельных видов общественных отношений в пределах соответствующей организации они наделяются государством, и никак иначе. Так, в ст. 8 Трудового кодекса РФ установлено: «Работодатели, за исключением работодателей — физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, принимают локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, в пределах своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными право-

¹ Термин «референдум» формально не использовался, поскольку по действовавшему в тот период Закону о референдуме РСФСР (ст. 9) он мог быть назначен лишь Съездом народных депутатов или Верховным Советом Российской Федерации. В условиях острого политического кризиса 1993 г. действующий в то время Президент России Б. Н. Ельцин издал Указ о всенародном голосовании по проекту Конституции России и утвердил «Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Государственная Дума. Полный текст поправок в Конституцию: что меняется? URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 03.07.2020).

³ О референдуме Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями». В Советском Союзе нормотворческими полномочиями был наделен ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) и Центросоюз (Центральный союз потребительских обществ СССР).

В ряде случаев государство наделяет правотворческими полномочиями иные, в том числе негосударственные коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие свои функции в определенных сферах деятельности. Так, в ч. 1 ст. 30 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» определено: «Образовательная организация принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения (далее — локальные нормативные акты), в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном ее уставом»⁵. Статьей 4 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» указанные организации наделены полномочием разрабатывать и утверждать стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности⁶. Аналогичным образом вопрос наделения коммерческих и некоммерческих организаций правотворческими полномочиями решается во всех иных случаях.

Заметим, что понятие «корпоративные нормы» в юридической литературе используется в широком и узком смыслах. В первом случае данное понятие охватывает своим объемом все виды корпоративных норм: правовые и неправовые. Во втором случае — только неправовые нормы. И именно в таком узком смысловом значении корпоративные нормы права традиционно сопоставляются с нормами права в учебном курсе «Теория государства и права» в теме «Система нормативного регулирования общественных отношений».

Принципиальное различие двух этих разновидностей социальных норм проводится по двум признакам. Первые не производны от государства и в случае нарушения не обеспечиваются принудительной силой государства. Их действенность обеспечивается принудительной силой самой организации. Вторые, напротив, производны от государства, издаются на основании и в пределах предоставленного права на нормативное правовое регулирование, а в случае нарушения обеспечиваются не только принудительной силой государства, но и силой государственного принуждения.

Изложенное, имея в виду как создание норм права государственными органами (организациями) и их должностными лицами, так и принятие таких норм негосударственными субъектами, по полномочию, предоставленному государством, позволяет сделать вывод о том, что признак права — «исходит от государства и им охраняется» — в рассматриваемом аспекте является вполне корректным.

Между тем в практической плоскости актуальной остается проблема пределов корпоративного (внутри-организационного) правового нормотворчества. В связи с этим следует согласиться с О. А. Кузнецовой, которая, рассматривая автономные источники предпринимательского права, обоснованно обратила внимание на то, что «автономное нормативно-правовое творчество хозяйствующих субъектов не может быть безграничным: право на него должно быть предусмотрено законом либо в форме прямого предписания принять автономный акт, либо в форме отсылки к возможности принятия автономного акта» [5, с. 15].

Аналогичные выводы по рассматриваемой в статье проблеме можно сделать и применительно к коллективному договору, заключаемому между администрацией предприятия и трудовым коллективом, а также к такому источнику права, как правовой обычай, который, как известно, правовым становится только тогда, когда он санкционирован государством.

Не являются исключением и различные способы имплементации международно-правовых норм в национальную правовую систему. Как известно, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. При этом следует иметь в виду, что любая норма международного права только тогда становится юридически обязательной для Российской Федерации, когда в отношении источника, в котором она содержится в установленной Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» форме (подписание, ратификация, утверждение, принятие, присоединение, заключение, обмен документами, образующими договор и др.), выражено согласие Российской Федерации на ее обязательность (ст. 6)⁷. При этом необходимость выражения согласия на обязательность существует не только для международных договоров Российской Федерации, но и для общепризнанных принципов и норм международного права, так называемых *juscogens* (императивных норм). Этот

⁵ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О саморегулируемых организациях : федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О международных договорах Российской Федерации : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вывод в равной степени касается как соответствующих принципов и норм международного права, содержащихся в международных договорах, так и тех, которые существуют в форме международных обычаев. В последних случаях в законодательстве Российской Федерации должна содержаться прямая отсылка, которая и будет выступать в качестве способа выражения согласия на обязательность для Российской Федерации соответствующих принципов и норм [6, с. 67–77; 7].

В заключение еще раз отметим, что предложенное выше уточнение выделяемого в рамках позитив-

вистского подхода признака права «исходит от государства и им охраняется» и замена его на признак «исходит от публичной власти» в части, касающейся возможности принятия источников права народом (многонациональным народом) на уровне всего государства или населением на уровне его регионов, обоснованно применительно к государствам, являющимся парламентскими (конституционными) монархиями или республиками с демократическим государственно-правовым режимом. Для абсолютных монархий данный признак в уточнении не нуждается.

Список литературы

1. *Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949.
2. *Толстик В. А., Трусов Н. А.* Референдум в России: основы, опыт, критика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24.
3. *Толстик В. А.* Конституционные новации в регулирование местного самоуправления: вынужденная половинчатость или правовая позиция законодателя? // Юридическая техника. 2021. № 15.
4. *Толстик В. А.* К вопросу о социальной и юридической природе местного самоуправления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1(1).
5. *Кузнецова О. А.* Автономные источники предпринимательского права // Гражданское право. 2018. № 4.
6. *Толстик В. А.* Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8.
7. *Толстик В. А.* Иерархия российского и международного права. М., 2001.

Идеиная составляющая правовой культуры общества: вопросы понимания и обоснования

И. А. Демидова, Могилевский институт МВД Республики Беларусь
✉ demidova-irina00@mail.ru

Автор исходит из наличия различных уровней существования права, присутствия духовных и материальных компонентов в структуре правовой культуры. Важность идеиной составляющей правовой реальности определяется предназначением данного уровня, состоящим в масштабировании истинности права, установлении его значимости для общества. Показано, что посредством правовых идей происходит фиксация правовых ценностей, составляющих идеиную основу правовой культуры общества. Обозначены научные позиции в отношении выделения идеиных ценностей правового культурного развития белорусского и российского общества в историческом и современном аспектах, а также существовавшая практика их реализации в правовой жизни общества, которая находит отражение в устном народном творчестве. Представлены подходы к классификации правовых культурных ценностей, что связано с наличием духовных и материальных правовых ценностей, с различением сменяющихся и вечных юридических ценностей, с выделением в качестве общих правовых ценностей государства и права. Изложена актуальность идеологического обоснования правовой культуры общества.

Ключевые слова: правовая реальность; правовые нормы; правовые идеи; правовая жизнь общества; общественные ценности; правовые ценности; правовая культура.

The Ideological Component of the Legal Culture of Society: Questions of Understanding and Proving

I. A. Demidova, Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus
✉ demidova-irina00@mail.ru

The author proceeds from the presence of different levels of the existence of law, the presence of psychological and material components in the structure of legal culture. The importance of the ideological component of legal reality is determined by the purpose of this level, which lies in ranging validity of law, establishing its significance for society. It is shown that by means of legal ideas there is a fixation of legal values that form the ideological basis of the legal culture of society. There are scientific positions outlined as to specify the ideological values of the legal cultural development of the Belarusian and Russian society in historical and modern aspects, as well as the existing practice of their implementation into the legal life of society, which is reflected in oral folk art. Approaches to the classification of legal cultural values are presented, which is associated with the presence of psychological and material legal values, with distinguishing changing and eternal legal values, with specifying state and law values as common legal values. The author sets forth the relevance of the ideological substantiation of the legal culture of society.

Keywords: legal reality; legal norms; legal ideas; legal activity of the society; social values; legal values; legal culture.

Обращение к проблематике правовой культуры в условиях правовой организации современного общества предполагает установление общих тенденций развития правовой культуры как социально-правового феномена. В их числе поиск и обоснование идеиных основ правовой культуры в целом, того или иного общества в частности, что призвано обозначить общие тенденции правового развития социума и объяснить специфику национальной правовой культуры.

Значение формулирования идей, направленных на консолидацию общества, осознавалось во все времена. Понятие идеи (др.-греч. *idéa* — вид, форма, прообраз) как особой реальности, модели, образца, введенное в научный оборот Демокритом и Платоном, имеет глубокое содержание. Исторически идеи оформлялись посредством мифов — обобщенных мыслей и ценностей, которые выступали стратегиями человеческой деятельности, позже — при помощи религиозных, философских, а также правовых

концепций, в частности концепции правового государства, определяющей значение права в качестве социального регулятора в современном обществе. Сущностное понимание права исторически имело разные трактовки — классовую, общесоциальную, расовую, религиозную и иные. Во всех случаях закономерности права определяются его социальным назначением. В идеальном варианте право олицетворяет собой справедливость, наиболее абстрактная формула которой состоит «в соответствии принципов и процедур функционирования социальных отношений общественным идеалам, ценностям, ожиданиям» [1, с. 65]. В связи с этим идейное обоснование направления общественного правового развития может рассматриваться в качестве актуальной научно-практической задачи, призванной к обозначению и фиксации социально значимых ценностей. Одновременно следует исходить из того, что идеи изменчивы, ценности более устойчивы, при этом ценности становятся таковыми только при наличии их идейного обоснования, принятия и признания их членами социума.

Ценностная характеристика общественного правового развития предполагает различение общественных ценностей, которые формируются исторически и отражают особенности развития социума и правовых ценностей, определяющихся особенностями права как социального регулятора общественных отношений в системе нормативного регулирования. В качестве базовой правовой ценности выступает справедливость. Заслуживают внимания сформулированные Н. Н. Алексеевым «законы общественной справедливости», «завязанные» на реализованных в системе общественных отношений ценностях: каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей; каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей; каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия; отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства, присущей каждой из ценностей; отношения эти составляют общий порядок социальной солидарности [2, с. 122]. В связи с этим обозначение системы общественных ценностей, выстраивание их иерархии в исторической и современной перспективе должно способствовать установлению ориентиров и направлений общественного развития, достижению общественной справедливости.

В контексте оценки общественного развития имеет место выделение уникальных и общезначимых ценностей и, соответственно, национальных и общечеловеческих ценностей. Важность общечеловеческих ценностей определяется возможностью на их основе

установить межчеловеческий диалог и сформировать универсальную общечеловеческую культуру, в том числе правовую. Значимость национальных ценностей заключается в фиксации особенностей общественного формирования и правового функционирования того или иного социума. Аргументировано, что правовая реальность выступает в виде триединства различных уровней существования права — мира идей, мира знаковых форм (правовых норм и законов), мира взаимодействия между социальными субъектами (правовой жизни) [3, с. 128]. При таком рассмотрении в контексте общественной справедливости становление и функционирование права осуществляется на таких трех уровнях, как: 1) принципы справедливости (идея права); 2) позитивный закон (реализация идеи права); 3) решение и поведение в конкретной ситуации (осуществление идеи права) [3, с. 131]. Социальная важность идейной составляющей определяется предназначением данного уровня правовой реальности, состоящем в масштабировании истинности права, установлении его значимости для общества. Поэтому изменения, происходящие в правовой сфере общества, неизбежно должны иметь идеологическое обоснование. Одновременно признается, что представление правовой культуры в виде духовных ценностей (правовые идеи, представления, воззрения и др.) и посредством характеристики психоэмоциональных состояний (чувства, эмоции в отношении права и др.) ведет к сужению ее содержательных компонентов [4, с. 67]. Тем не менее важнейшим содержательным компонентом правовой культуры могут считаться сформированные и идеологически обоснованные ценностные ориентиры правового развития общества, что предполагает их обозначение на уровне теоретического представления для последующей практической реализации в политико-правовой практике.

Общепризнано различие духовных и материальных правовых ценностей. В их числе называются правовые памятники, правовые образы, правовые документы, научные труды философов и мыслителей, государственные институты, юридические учреждения и др. [4, с. 72]. При этом и духовные, и материальные ценности в государственно-правовой сфере неотделимы от общекультурных достижений того или иного общества. В теории права предпринята попытка систематизировать правовые культурные ценности относительно к конкретному обществу. Так, О. В. Мартышин предлагает перечень сменяющихся и вечных юридических ценностей. В продолжение мысли автора в число сменяющихся ценностей входят сохранение извечного и разумного порядка, установленного высшими силами, справедливость, добродетель, благополучие, безопасность, равенство, свобода, общее благо, благо личности, национальный интерес, классовый интерес, демократия, солидарность, полезность, прогресс и др. Вечными цен-

ностями, которые имеют универсальный характер, определяются справедливость (главная ценность), добродетель, общее благо (благополучие), порядок и безопасность [5, с. 7–8]. Обращает на себя внимание, что справедливость относится как к вечным, так и к сменяющимся ценностям, что обуславливает ее интегративное значение. Имеет место деление правовых ценностей на общие (государство и право) и дополнительные (частные — различные аспекты и стороны государства и права) [4, с. 72]. Обосновано, что юридические ценности — справедливость, правовая безопасность, общее благо и др., могут рассматриваться в праве: 1) как цели, стоящие над позитивным правом или предшествующие ему; 2) как конечные факторы, которые как должное не подлежат доказыванию; 3) как аксиоматические исходные пункты, которые не имеют объяснения; 4) как абстрактное обобщение действительных общественных отношений, которое отражает направление общественных тенденций и оказывает воздействие на их развитие [6, с. 214–215]. Последний аспект представляется значимым в плане оценки общественного правового развития в преломлении к конкретному социуму. Закрепленная в праве справедливость находит отражение в правовой жизни общества.

Так, фиксация правовых культурных ценностей посредством правовых норм в своем основании имеет идеи прогрессивного общественного развития, что предполагает их обоснование. В отношении белорусского общества они находят теоретическое оформление в трудах отечественных философов-гуманистов Нового времени. В качестве примера можно привести сформулированную известным белорусским просветителем Ф. Скориной идею народного суверенитета в сфере правотворчества: правотворчество трактовалось как процесс взаимодействия народа и власти, признавался приоритет местного (национального) законодательства, что отвечало политическим реалиям того времени [7, с. 23]. В отношении идей государственного устройства следует отметить идею правопорядка в виде правопослушания, требования разумности должностных лиц, обладания высокими моральными и профессиональными качествами (Н. Гусовский), недопустимости занятия нескольких государственных должностей (М. Литвин), законности и справедливости (С. Будный) [7, с. 26–37]. В произведении С. Будного «О светской власти» сформулированы обязанности должностных лиц (воевод, старост, судей), которые не потеряли свою актуальность: быть богобоязненными, справедливыми, правдивыми, милосердными, быть сведущими в законах, внимательными, начитанными, дельными, не жадными, не скоропалительными, не льстецами, не брать подарков [8, с. 221]. Идеал общественного строя, по мнению А. Волана, составляет система справедливых правовых норм, контроль за

их выполнением со стороны выбранных народом высокоморальных лиц [9, с. 91]. В работах выдающегося белорусского правоведа, главного редактора Статута Великого княжества Литовского Л. Сапеги идея правового государства приобретает теоретически оформленный вид. В ее содержание включаются в том числе ограничение своеволия власти, подчинение всех безусловному авторитету закона, признание обязательным условием общественного согласия жизнь в соответствии с законом [10, с. 121]. Базовой правовой ценностью на белорусских землях выступает национальная правовая государственность, что находит теоретическое обоснование в трудах белорусских мыслителей и выражается в оформлении в начале XX в. в качестве духовно-идейного императива белорусской национальной идеи, воплотившейся в понятии «беларушчына».

Исторически идеология организации управления белорусского общества основана на справедливости государства, что определяется традициями функционирования представительных органов власти (Сеймов Великого княжества Литовского, позже — Речи Посполитой) на белорусских землях, идеалом государственности, сформулированным белорусскими мыслителями. Данное обстоятельство обуславливает соответствующие параметры правовой культуры современного белорусского общества в виде требования правовой культуры государственных должностных лиц. В настоящее время вопросу актуализации социокультурного кода развития белорусского общества посвящены труды таких современных отечественных философов, как Е. М. Бабосов, И. В. Котляров, Я. С. Яскевич и др., а также теоретиков и историков права А. Ф. Вишневого, Т. И. Довнар, С. Г. Дробязко, Н. В. Сильченко и др.

В свою очередь, политическая и правовая история российского общества в Новое время отличается оформлением в первой половине XIX в. государственной идеологии Российской империи, которая находит выражение в национальной идее ценностных доминант русского общества в виде триединства православия, самодержавия и народности [11]. Это определяет формирование в будущем в качестве общекультурной ценности российского общества в целом и ценности правовой культуры в частности патриотизма в таких его видах, как духовно-религиозный, государственный, общегражданский. Различные направления в исследовании патриотизма как социального явления связаны с трудами русских философов В. Г. Белинского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкого, А. С. Хомякова, П. Я. Чаадаева и др. Считается, что в политико-правовой практике формирование патриотизма призвано сохранению духовно-нравственных, социокультурных и политико-идеологических детер-

минант общественного развития русского общества. В современных исследованиях патриотизм рассматривается как ментальная характеристика российского народа, призванная консолидировать нацию и мотивировать личность на реализацию правовой политики государства [12].

Так, в аргументации М. А. Прониной «патриотизм способен определить дальнейший путь развития российской правовой культуры, задать направление развития правовым идеям, правовому сознанию общества и правовой системе в целом» [12, с. 5]. Обосновано, что в российском обществе под влиянием патриотизма находится и правовое сознание личности, и формы правового поведения граждан. В данном контексте в качестве ценности правовой культуры патриотизм представляет собой отношение личности к Отечеству, государству, обществу и праву, призванное мотивировать личность на реализацию направлений правовой политики государства [12, с. 9]. Базовые идеи общественного развития находят отражение в общественной жизни и правовой практике социума.

Одновременно в определении специфики правовой жизни современного российского общества возможно руководствоваться тезисами известного российского философа В. Бибихина, по мнению которого, правовая реальность России характеризуется посредством концепта «свобода права», имеющего двоякий смысл: 1) «свобода каждого трактовать здесь и теперь закон применительно к обстоятельствам»; 2) «свобода создавать для каждого случая новый писанный или неписанный закон» [3, с. 176–177]. В качестве особенностей общественного устройства, сформировавшегося исторически, определяются также превалирование общины, мира, т. е. коллективного начала над индивидом, склонность к персоналистскому режиму власти [3, с. 188]. Данные выводы являются важными для политической философии, призваны к оценке исторически сложившейся политической практики и определению актуальной конституционной политики в соответствии с особенностями общественного развития и общими тенденциями глобализации права.

Сложившееся отношение русского народа к правовой реальности, характерное и для белорусского народа в силу их политической общности с конца XVIII в. и до конца XX в., находит отражение в устном народном творчестве: «В России нет закона, есть столб, а на столбе корона», «Закон — паутина: шмель проскочит, муха увязнет», «В суд ногой, в карман рукой», «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло», «Закон что столб: перешагнуть нельзя, а обойти можно», «Где два юриста, там три мнения» и др. [13, с. 5–6], «Где закон, там и обида» [14, с. 324]. Имеет место двойственный взгляд на роль судебной

власти. Преобладает негативное отношение к суду, что проявляется в следующих пословицах и поговорках: «Где суд, там и неправда», «Из суда, что из пруда — сухой не выйдешь», «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом» [14, с. 326]. При этом устанавливается: «Пристрастный суд разбоя злее», одновременно утверждается, что «Судья праведный — ограда каменная» [15, с. 250]. Исследователи отмечают, что российская правовая культура во многом сохраняет свои исконные черты и сегодня. Считается, что «самое главное отличие российской правовой культуры состоит в том, что ее правоментальные установки остаются неизменными, несмотря на закрепление в законодательстве западных гуманистических ценностей. Изменение идеологических положений характерно лишь для научного (доктринального) духа, но не для профессионального и не обыденного» [16, с. 74]. В связи с этим правовое пространство России в качестве объективной реальности характеризуется как мирное существование пространства права и не права. Как следствие, в системе нормативного регулирования современного российского общества, равно как и белорусского, важное значение принадлежит моральному регулятору. В настоящее время отмечается тенденция возрождения значимости религиозных норм и канонов в условиях общемирового доминирования права в силу универсальности его идей. В целом модификация идейной составляющей правовой культуры современного российского и белорусского общества происходит вследствие эволюции общественного развития, под воздействием формирования позитивного правового сознания, а также под влиянием внешних факторов, что обусловлено формированием общемирового правового пространства.

В заключение сформулируем общие выводы.

Идейное обоснование правовой культуры общества призвано к его консолидации на основе общественных и правовых культурных ценностей, сформированных исторически, базовой для белорусского общества может считаться идея национальной государственности, для российского — идея патриотизма.

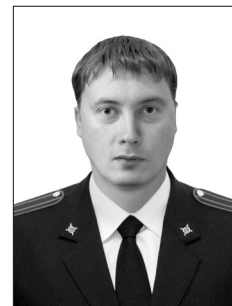
Обеспечению высокого уровня правовой культуры общества, правовому прогрессу должна способствовать актуализация базовых идей, отражающих систему ценностей общества и в совокупности характеризующих его правовую культуру, нивелирование исторически сложившихся негативных тенденций в государственно-правовой сфере.

Установление правовых и общественных ценностей, а также философское обоснование базовых социальных идей, которые способны консолидировать общество на определенном этапе его развития в условиях модернизирующегося мира, имеет важное научное и социальное значение.

Список литературы

1. Землянинова Е. А. Справедливость права как основание его интегративности // Юридический журнал. 2007. № 1(9).
2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999.
3. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М., 2013.
4. Насурдинов Э. С. Правовая культура : монография ; отв. ред. Ф. Т. Тахиров. М., 2016.
5. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10.
6. Сабо И. Основы теории права : пер. с венг. ; под ред. В. А. Туманова. М., 1974.
7. Сокал С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі : лекц. матэрыял. Магілёў, 1999.
8. История общественной и философской мысли в Беларуси: раннее и развитое Возрождение : хрестоматия / авт.-сост. В. В. Старостенко. Могилев, 2010.
9. Козел А. А. Философская мысль Беларуси : учеб. пособие. Минск, 2004.
10. Старостенко В. В. Общественная и философская мысль в Беларуси в X–XVII вв. : учеб. пособие. Могилев, 2005.
11. Уваров С. С. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2016.
12. Пронина М. А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
13. Леванский В. А., Соколов Н. Я. Юристы о пословицах, характеризующих правовую систему общества // Государство и право. 2009. № 7.
14. Живая вода. Сборник русских народных песен, сказок, пословиц, загадок / сост., вступит. ст. и примеч. В. П. Аникина. М., 1975.
15. Седельник В. В. Юридические пословицы и поговорки как элемент правового менталитета // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : мат-лы VI Междунар. науч. конф. Гомель, 21–22 мая 2009 г. / под общ. ред. В. В. Кириенко. Гомель, 2009.
16. Борискина О. Н. Развитие российской правовой культуры в условиях глобализации // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6.

Состояние системы национальной безопасности России как отражение опыта противодействия ее угрозам

Н. А. Трусов, Нижегородская академия МВД России

✉ nikevor@yandex.ru

Угрозы социально-экономического и военно-политического характера, вызванные как внутренними причинами, так и внешней обстановкой, выводят проблематику обеспечения национальной безопасности и выстраивание ее системы на первый план в государственном строительстве. Основным источником и движущей силой, заставляющей систему национальной безопасности трансформироваться, подстраиваясь под складывающиеся социально-экономические реалии и геополитическую обстановку, выступают угрозы национальной безопасности. На основе сравнительно-правового анализа концепций/стратегий обеспечения национальной безопасности России, автор формирует представление о ее системе и динамике ее развития на современном этапе отечественного развития. Современное состояние системы национальной безопасности является следствием накопленного Россией опыта противодействия угрозам.

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; система национальной безопасности; угрозы национальной безопасности.

The State of the Russia's National Security System as Expression of the Experience in Counteracting its Threats

N. A. Trusov, the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ nikevor@yandex.ru

Threats of a socio-economic and military-political nature caused both by internal causes and by the external situation, bring the issue of ensuring national security and building its system to the fore in the process of creating the state. The main source and driving force which make the national security system transform, adjusting to the emerging socio-economic realities and the geopolitical situation, are the threats to national security. On the basis of a comparative legal analysis of the concepts/strategies of ensuring the national security of Russia, the author forms an idea of its system and the dynamics of its change at the present stage of domestic development. The current state of the national security system is a consequence of Russia's accumulated experience in counteracting threats.

Keywords: security; national security; national security system; threats to national security.

В настоящее время Россия стоит перед большим количеством рисков и вызовов. Связаны они как с внутренними проблемами социально-экономического характера, так и с известной нездоровой внешне-экономической и внешнеполитической обстановкой. В сложившихся условиях вопросы обеспечения национальной безопасности страны приобретают особую актуальность и практическую значимость. Угроза крупного военного противостояния двух сверхдержав и непримиримых идеологических противников XX в. выводит проблематику обеспечения национальной безопасности, выстраивание ее системы на первый план не только в риторике руководителей высших органов публичной власти России, но и в практике государственного строительства.

Национальная безопасность России является сложным системным явлением, включающим в себя целый ряд элементов (подсистем, видов), состоящих друг с другом в сложных структурно-функциональных связях. Следовательно, разрозненная, бессистемная обеспечительная деятельность не только малоэффективна, но может быть контрпродуктивной. Следствием асистемного подхода является разного рода дефектность, влекущая ошибки в построении системы обеспечения национальной безопасности страны в целом [1, с. 20–21].

В настоящее время в юридической науке выделяют как минимум пять оснований дифференциации системы национальной безопасности: в зависимости от объекта обеспечения безопасности,

сферы обеспечения безопасности, источника угрозы безопасности, ее деструктивного потенциала и государственно-территориальной организации государства. Каждая классификация в той или иной степени описывается в научной и специальной литературе [см., напр., 2; 3; 4].

Очевидно, что основным критерием дифференциации системы национальной безопасности выступает объект обеспечения. Это явно прослеживается в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и основных нормативных документах в области обеспечения национальной безопасности России, а именно в законах о безопасности 1992 г.¹ и 2010 г.².

Действующее законодательство поддерживает сложившийся в науке подход о триедином объекте обеспечения национальной безопасности: личность, общество и государство [5, с. 200; 6, с. 5]. Поэтому собственно обеспечения национальной безопасности России можно достигнуть, только гарантировав безопасность личности, общественную и государственную безопасность. При этом сами указанные разновидности безопасности также представляют собой сложные системные формирования со своей внутренней структурой, в связи с чем в научной и специальной литературе можно встретить и их детализацию [см., напр., 7; 8].

Государственно-территориальная организация России является внешним и в каком-то смысле искусственным критерием к дифференциации системы национальной безопасности. Связано это в первую очередь с тем, что обеспечение национальной безопасности любого государства не может быть равным и в полной мере определяться стандартным сложением безопасностей входящих в него территориальных единиц, поскольку представляет собой более сложное синтетическое образование, находящееся под воздействием множества условий и факторов разной природы и характера [1, с. 25]. Тем не менее данный подход имеет важное значение для планирования противодействия всем имеющимся и потенциальным угрозам национальной безопасности России.

Оставшиеся дифференциации системы национальной безопасности в той или иной степени связаны с основным источником и движущей силой, заставляющей систему национальной безопасности трансформироваться и корректироваться, подстраиваясь под складывающиеся социально-экономические реалии и геополитическую обстановку. Имя этого источ-

ника, этой движущей силы — угрозы (они же вызовы) национальной безопасности.

Данный тезис не только находит свое подтверждение в логике теоретических рассуждений, но и проверяется юридической практикой. Отметим отдельные теоретические позиции по данному вопросу.

Во-первых, отдельные элементы (подсистемы, разновидности) системы национальной безопасности России являются *конституционными* в том смысле, что получили закрепление в Конституции РФ. Это самые стабильные элементы системы национальной безопасности. Указание на них и закрепление в Конституции РФ обусловлено сущностными потребностями личности, общества и государства, т. е. объектов обеспечения национальной безопасности, по противодействию имманентно присущим их существованию и развитию угрозам.

К *конституционным подсистемам системы национальной безопасности России*, согласно Конституции РФ, относятся: безопасность государства (ч. 5, ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82; п. «д¹» ст. 83; п. «к» ч. 1 ст. 102; п. «д» ч. 1 ст. 114); общественная безопасность (п. «б» ч. 1 ст. 72; п. «д¹» ст. 83; п. «к» ч. 1 ст. 102); безопасность личности (ч. 3 ст. 37; п. «ж» ст. 83); безопасность граждан (ч. 1 ст. 56); безопасность отдельных категорий граждан (ч. 1 ст. 98); экологическая безопасность (п. «д» ч. 1 ст. 72); военная безопасность, когда речь идет об обороне и безопасности (п. «м» ст. 71); информационная безопасность, когда речь идет об обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71); международная безопасность, когда речь идет о поддержании и укреплении международного мира и безопасности (ст. 79¹).

Отметим, что две последние подсистемы (информационная и международная безопасность) были возведены в рамки конституционных в результате конституционной реформы 2020 г.³, что подтверждает тезис об отражении в системе национальной безопасности диалектики взаимодействия национальных интересов и всевозможных угроз личности, обществу и государству на том или ином историческом этапе их существования и развития.

Впоследствии все конституционные элементы системы национальной безопасности находят свою конкретизацию в текущем отечественном законодательстве.

¹ О безопасности : закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15, ст. 769.

² О безопасности : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 2.

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

Во-вторых, отдельные элементы (подсистемы, разновидности) системы национальной безопасности России являются *базовыми*, в связи с тем, что получили закрепление в базовых законах о безопасности. В этом смысле они не такие стабильные в общей системе безопасности, как конституционные элементы, но в то же время обладают большей правовой устойчивостью, чем иные элементы системы национальной безопасности (функциональные), которые находят свое отражение в подзаконных нормативных правовых актах.

В современной истории России было всего два закона о безопасности. Ранее действовавший Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» определял 12 подсистем системы национальной безопасности России: государственную и общественную безопасность, безопасность личности, экологическую, информационную, военную (оборонную) и экономическую безопасность, безопасность в сфере охраны здоровья населения и в сфере предотвращения чрезвычайных ситуаций и преодоления их последствий, внутреннюю безопасность, внешнюю безопасность и региональную безопасность (безопасность субъектов РФ).

Таким образом, можно заключить, что все конституционные элементы системы национальной безопасности Российской Федерации не только получили отражение в базовом законе о безопасности, но даже были конкретизированы им. Исключение составляет международная безопасность, но последняя, как уже ранее указывалось, была включена в текст Конституции РФ в 2020 г., когда сам Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» уже около 10 лет не действовал.

Действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. «О безопасности» в контексте рассматриваемого нами вопроса выстроен уже по другой логике. Смысл состоит в том, что для надежного обеспечения национальной безопасности России ее система должна быть мобильна, т. е. способна в максимально короткий срок отреагировать на внезапно возникшую (или потенциально прогнозируемую) угрозу национальной безопасности. Для этого нужно иметь возможность максимально быстро нормативно переукрепить скорректированную систему. Законодательная процедура в Федеральном Собрании РФ во временном факторе будет, очевидно, проигрывать времени принятия Указа Президента РФ по соответствующему вопросу. При этом на эффективности купирования угрозы это никак не скажется. Вероятно, поэтому действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. «О безопасности», наряду с тремя под-

системами безопасности по объекту ее обеспечения и экологической безопасностью, в ст. 1 кратко указал на наличие иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В-третьих, все остальные элементы (подсистемы) системы национальной безопасности России являются *функциональными*. Они находят свое отражение в подзаконных нормативных правовых актах, прежде всего в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и иных концептуальных и доктринальных документах, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. «О безопасности»).

Выбранное нами наименование указанной группы элементов (подсистем) системы национальной безопасности не случайное. Наименование отражает их основное предназначение — купирование, нейтрализацию той или иной угрозы национальной безопасности для обеспечения защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства в соответствующей сфере их жизнедеятельности.

Всего в России было утверждено четыре документа стратегического характера по данному вопросу: Концепция национальной безопасности 1997 г. (в ред. 2000 г.) и Стратегия национальной безопасности (2009 г., 2015 г. и 2021 г.).

Сравнительно-правовой анализ подсистем системы национальной безопасности России в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации 1997 г.⁴, утвержденной Президентом РФ Б. Ельциным, и ее редакцией 2000 г.⁵, утвержденной в первые 10 дней исполнения полномочий Президента РФ председателем Правительства РФ В. Путиным, уже демонстрирует коррекцию по количеству предметных сфер обеспечения безопасности. Так, из 23 подсистем системы национальной безопасности на 1997 год в обновленной редакции Концепции 2000 г. осталось лишь 14 (государственная, общественная, личности, личная, экономическая, информационная, экологическая, военная, радиационная, ядерная, в технологической, социальной и пограничной сферах, международная). Мы можем лишь догадываться и предполагать, почему 9 подсистем (духовная, глобальная, коллективная, общая, всеобъемлющая, региональная, в сфере здравоохранения и здоровья нации, в сфере внешней и внутренней политики) были исключены из официального текста Концепции 1997 г., но абсолютно справедливым является то, что многие годы отработавший в органах

⁴ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 52, ст. 5909.

⁵ О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2, ст. 170.

государственной безопасности, некогда руководитель ФСБ России, имеющий опыт работы в региональных органах публичной власти и в должности заместителя руководителя Администрации Президента РФ, В. Путин точно знал, на чем необходимо сконцентрировать усилия государства, чтобы обеспечить его целостность и попытаться сохранить суверенитет. По сути, это профессиональное осмысление проблем и вызовов, стоявших перед страной в конце 90-х гг. XX в.

Осознание того, что без надежной, научно выверенной юридической основы обеспечить национальную безопасность невозможно, детерминировало активизацию деятельности в этом направлении. Однако проблем было много! Поэтому не случайно секретарь Совета Безопасности РФ И. Иванов на круглом столе 1 февраля 2005 г. констатировал: «разброс мнений и оценок по таким ключевым понятиям и определениям, как „национальная безопасность“, „национальные интересы“, „основные угрозы национальной безопасности“, „стратегические цели России“, достаточно велик. Это показывает их сложность и многофакторность» [9, с. 78].

12 мая 2009 г. Президент РФ Д. Медведев в развитие Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Председателем Правительства РФ В. Путиным⁶, подписывает Указ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁷ (далее — Стратегия 2009 г.).

Стратегия 2009 г., в отличие от своих предшественников-концепций, не только определяла, что такое национальная безопасность России, ее национальные интересы, угрозы национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты и др., но и существенно скорректировала элементы системы национальной безопасности. Однако практически сразу со вступлением ее в силу наша страна стала сталкиваться с новыми угрозами внешнеполитического (начало событий Арабской весны) и внешнеэкономического характера (мировой финансовый кризис), а известные политические события на Украине 2013–2014 гг. и последовавшее за ними воссоединение Крыма с Россией детерминировали санкционную экономическую и технологическую войну против России со стороны западноевропейских го-

сударств. Стратегия быстро устаревала и уже не отвечала новым вызовам времени, а катастрофические события в Сирии и подготовка Вооруженных Сил РФ к военной операции на ее территории стали триггером к замене действовавшей Стратегии 2009 г. новой версией, что и произошло 31 декабря 2015 г.⁸

Если Стратегия 2009 г. в системе национальной безопасности России закрепляла 30 подсистем, то в Стратегии 2015 г. их осталось 27. При этом 23 подсистемы стали общими для обеих стратегий: государственная, общественная, личности, экономическая, информационная, военная, продовольственная, энергетическая, экологическая, технологическая, лекарственных средств, товаров и услуг, жизнедеятельности населения, в чрезвычайных ситуациях, в сфере культуры, в сфере науки и образования, здравоохранения и здоровья нации, пограничной сфере, в области качества жизни граждан, а также международная, коллективная, всеобщая и региональная безопасности. В обновленную систему национальной безопасности России добавилось 4 подсистемы: глобальная, транспортная, пожарная безопасность и безопасность пищевых продуктов. Были исключены 7 подсистем: во внутриполитической сфере, социальная, духовная, оборонно-промышленная безопасность, безопасность по отдельным направлениям внутренней и внешней политики государства, а также внутренняя и внешняя безопасность.

2 июля 2021 г. Президент РФ В. Путин утвердил новую Стратегию национальной безопасности России⁹. С одной стороны, шестилетнее ограничение срока действия предыдущей Стратегии 2015 г. формально требовало ее замены в 2021 г., однако и объективные причины, связанные с появлением новых и усилением имеющихся угроз национальной безопасности, были также налицо. За период действия Стратегии 2015 г. Россия и мир оказались на пороге Третьей мировой войны, прежде всего из-за обострения обстановки на полях сражения в Сирии и столкновения интересов вокруг ситуации с Украиной. Усилилось санкционное давление на нашу страну фактически по всем направлениям экономики, расширился инструментарий формирования из России «политического изгоя», растет число нарушений прав русскоговорящих граждан и интересов Российской Федерации за рубежом. При этом идет борьба

⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20, ст. 2444.

⁸ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II), ст. 212.

⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. www.pravo.gov.ru. 03.07.2021.

с коронавирусной инфекцией, за улучшение эпидемиологической обстановки и др.

Стратегия 2021 г. закрепила в системе национальной безопасности России уже 21 подсистему, что на 6 меньше, чем в ранее действовавшей Стратегии 2015 г. При этом уже только 14 подсистем системы национальной безопасности остались для обеих стратегий общими (в предыдущем сравнении их было 23), а если сравнивать все стратегии, то общими для них уже будут только 12 подсистем системы национальной безопасности.

В обновленную систему национальной безопасности России Стратегия 2021 г. добавила 7 подсистем: гидрометеорологическую, биологическую, химическую, радиационную, дорожного движения, безопасность проводимых на территории Российской Федерации общественно-политических и иных мероприятий и безопасность, связанную с осуществлением иностранными государствами технической разведки. Были исключены 13 подсистем: пожарная, технологическая, транспортная, лекарственных средств, товаров и услуг, в области качества жизни граждан и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в пограничной сфере, в сферах культуры, науки и образования, здравоохранения и здоровья нации, а также всеобщая и региональная безопасность.

Таким образом, на протяжении более десятка лет в отечественной конституционной практике отчетливо прослеживается развитие подсистем системы национальной безопасности России в соответствии со Стратегиями 2009 г., 2015 г. и 2021 г. как по их количеству, так и по их предметным сферам. Соответ-

ствующая корректировка детерминирована не только обновлением спектра угроз безопасности, но и уточнением функционального содержания отдельных подсистем. В частности, безопасность в пограничной сфере (безопасность Государственной границы) по своему функциональному содержанию может быть составляющей государственной безопасности, а оборонно-промышленная — военной [1, с. 24].

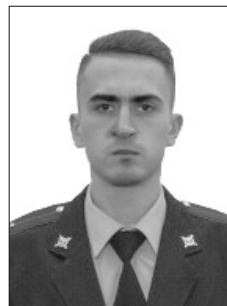
За современную историю России концепции/стратегии ее национальной безопасности закрепили 44 разные подсистемы системы национальной безопасности, которые пять раз подвергались корректировке. Минимальное количество подсистем (14) закрепляла Концепция 1997 г. в ее редакции 2000 г. Максимальное количество (30) — Стратегия 2015 г. Современное состояние системы национальной безопасности России, включающее 21 подсистему, отражает накопленный Россией опыт противодействия существующим и прогнозируемым в перспективе угрозам национальной безопасности.

В заключение отметим, что все подсистемы национальной безопасности России тесно связаны между собой и находятся в диалектической зависимости. Эффективная организация обеспечения национальной безопасности предполагает не только четкое системное представление о феномене национальной безопасности, но и понимание синтетической связи между ними, что неизменно будет способствовать выработке более точной политики при планировании использования ресурсного (в широком смысле слова) потенциала и определению наиболее эффективных мер обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Трусов Н. А. Система национальной безопасности России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35).
2. Кардашова И. Б. Основы теории национальной безопасности : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
3. Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика. СПб., 2002.
4. Чапчиков С. Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2018.
5. Ахметов А. И., Аминов И. Р. Понятие, цели и виды национальной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-2(44).
6. Мельников В. И. Роль и место региональной безопасности в общегосударственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 2010.
7. Бельский К. С. Полицейское право : лекционный курс / под ред. канд. юрид. наук А. В. Куракина. М., 2004.
8. Блатин С. В. Государственная безопасность Российской Федерации: становление и современное содержание понятия // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4(60).
9. Трусов Н. А. Правовое закрепление понятия и системы национальной безопасности России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28).

УДК 342.518:342.7 © В. Г. Ищук, Л. В. Ханахмедова, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-167-170

Основные проблемы деятельности специализированных омбудсменов в субъектах РФ и способы их решения

В. Г. Ищук, Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

✉ Valdemar130@yandex.ru

Л. В. Ханахмедова, Рязанский филиал Московского университета имени В. Я. Кикотя

✉ domdom-20@mmail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с недостаточной эффективностью функционирования института специализированных омбудсменов в субъектах РФ. Исследуется периодизация распространения специализированных омбудсменов в субъектах РФ. Анализируются наиболее острые и насущные проблемы, негативно влияющие на развитие рассматриваемого института, имеющие разнородную природу. По каждой из обозначенных проблем предлагаются конкретные решения, которые при грамотном и своевременном применении позволят изменить негативную тенденцию в развитии рассматриваемого института. Актуализируется важность и необходимость внесения изменений в действующую концепцию специализированных омбудсменов в субъектах РФ.

Ключевые слова: специализированные омбудсмены; защита; эффективность; проблемы; субъекты РФ; пути решения.

The Main Problems of the Activities of Specialized Ombudsmen in the Subjects of the Russian Federation and Possible Solutions

V. G. Ishchuk, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

✉ Valdemar130@yandex.ru

L. V. Khanakhmedova, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

✉ domdom-20@mmail.ru

The article deals with topical issues related to the ineffective functioning of the institution of specialized ombudsmen in the subjects of the Russian Federation. The periodization of the distribution of specialized ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation is under study. The authors analyze most relevant and urgent problems that negatively affect the development of the institution under consideration and which have a heterogeneous nature. For each of the identified problems, specific solutions are proposed, which, with proper and timely application, will make it possible to change the negative trend in the development of the mentioned institution. The importance and necessity of making changes to the current concept of specialized ombudsmen in the constituent entities being actualized.

Keywords: specialized ombudsmen; defence; effectiveness; problems; constituent entities of the Russian Federation; solutions.

Как показывают современные условия нашей правовой действительности, несмотря на провозглашение прав человека высшей ценностью, они по-прежнему ежедневно нарушаются различными субъектами общественных отношений. Поэтому крайне мало и абсолютно недостаточно просто закрепить права человека в действующем законодательстве. Ввиду того что государство признает за собой обязанность по обеспечению защиты прав человека,

оно должно предусмотреть эффективный механизм, который, строго руководствуясь действующим законодательством, будет обеспечивать необходимый уровень правопорядка в целом, а также следить за обеспечением и соблюдением прав и свобод человека и гражданина [1, с. 591–595]. Не стоит забывать о существовании различных узких социальных групп, которые требуют обеспечения дополнительного внимания и правовой поддержки со стороны вла-

сти. Именно поэтому, учитывая частоту нарушения и важность дополнительной защиты, в современном мире получил активное распространение институт специализированных омбудсменов, который функционирует и в нашей стране.

Институт специализированных омбудсменов получил активное распространение не только на федеральном уровне государственной власти, но и на уровне субъектов Российской Федерации. Постепенное внедрение указанного института, начиная с 90-х гг. прошлого века и заканчивая нашими днями, затронуло в той или иной степени каждый субъект Российской Федерации, в результате чего абсолютно во всех из них на сегодняшний день действует хотя бы один специализированный омбудсмен [2, с. 240–245]. Подобная статистика не может не радовать, так как это лишний раз свидетельствует о том, насколько востребован, важен и необходим институт специализированных омбудсменов современному российскому правовому обществу. Учреждение данной должности по тому или иному направлению в одном субъекте и удачный опыт его функционирования становились наглядным примером для других субъектов, так как в каждом из них существуют различные социальные группы, требующие дополнительной нормативно-правовой защиты, и подобная практика стала активно использоваться.

Впервые региональный омбудсмен на территории Российской Федерации появился в 1996 г. в Республике Башкортостан. Им стал Уполномоченный по правам человека. Нормативно-правовой основой для такого решения послужило принятие Закона Республики Башкортостан в том же году. Однако за короткое время, ввиду того что подобное нововведение носило экспериментальный характер и многие правовые нормы не были опробованы на практике, в данный Закон пришлось вносить множество изменений, в связи с чем к 2007 г. накопилось настолько много изменений, что было принято решение принять новый закон. Нормативно-правовая основа функционирования региональных омбудсменов, по сравнению с их федеральными коллегами, немного шире, так как к федеральным нормативным правовым актам добавляются и соответствующие законы субъектов Российской Федерации, которые хотя и приняты в соответствии с федеральными нормами, но имеют свои особенности и в некоторых аспектах раскрывают сущность правовых норм более детально и развернуто.

Институт специализированных омбудсменов в субъектах не может функционировать лишь на основании федерального законодательства, так как сфера правоприменения слишком широка и не может быть урегулирована нормативными правовыми актами федерального уровня. Значит, в каждом

субъекте Российской Федерации, который учреждает на своей территории какого-либо специализированного омбудсмена, должна быть соответствующая нормативно-правовая основа, т. е. закон субъекта, который будет регулировать основные вопросы, касающиеся функционирования регионального специализированного омбудсмена (требования к кандидату на должность омбудсмена, порядок назначения на должность, срок полномочий, функциональную составляющую, порядок освобождения от должности, материальное обеспечение и т. д.).

Основным отличием региональных уполномоченных от федеральных является то, что они, как правило, находятся в более тесном контакте с населением того субъекта, на территории которого осуществляют свою деятельность. К сожалению, как показывает практика, далеко не во всех регионах можно отметить высокий уровень партнерства и деловых отношений между омбудсменами и региональной властью, что негативно влияет на качество контрольно-надзорной деятельности в правозащитной сфере [3, с. 86–90]. Практика показывает, что в тех субъектах, где данное взаимодействие приняло форму четкой и понятной структуры, и омбудсмены, и региональная власть пользуются более высоким доверием, а граждане отмечают большую удовлетворенность их работой [4, с. 4–10].

Несмотря на популярность и распространение института специализированных омбудсменов в субъектах Российской Федерации, для подавляющего большинства субъектов характерными остаются одни и те же проблемы, которые затрудняют эффективное развитие данного института, не позволяют ему в полной мере реализовать весь свой потенциал и влияют на отношение и авторитет со стороны граждан. Учитывая все изложенное, полагаем, что в рамках данного исследования необходимо проанализировать основные проблемы в деятельности специализированных омбудсменов в субъектах Российской Федерации и высказать предложения по повышению эффективности их деятельности.

Первая и наиболее острая проблема — отсутствие в действующем региональном законодательстве правовых норм, которые закрепляют за специализированными омбудсменами какие-либо полномочия императивного воздействия на властных субъектов, которые нарушают законные права и интересы граждан. К сожалению, чаще всего омбудсмен в случае выявления факта нарушения прав гражданина может лишь направить официальное мотивированное заключение о недопустимости подобных действий (бездействия) и необходимости восстановления прав гражданина [5, с. 51–56]. Самостоятельно обратиться с иском в суд по защите прав гражданина омбудсмен не может. В связи с этим он просто переадресует ма-

териалы и доказательства в иные уполномоченные государственные органы, которые обладают большей степенью императивности в своих действиях. Получается, что в самом общем виде специализированный омбудсмен превращается в консультационный орган, к которому могут обратиться граждане по факту нарушения своего права и получить разъяснения и юридические советы по защите своих прав. Уместно ли при подобном положении дел заявлять о реальной полезности и эффективности института специализированных омбудсменов? К тому же совершенно очевидно, что правовой статус специализированных омбудсменов в нашей стране также требует внимания и изменений. В настоящий момент действующее законодательство не дает однозначный ответ на вопрос, каково место специализированных омбудсменов в системе разделения властей [6, с. 5–10]. Это негативным образом влияет на авторитет омбудсменов в глазах других государственных органов, не позволяет омбудсменам наладить эффективное взаимодействие с иными властными структурами и, как следствие, снижает доверие граждан к самому институту специализированных омбудсменов. Следовательно, для изменения ситуации в лучшую сторону, по нашему мнению, необходимо на законодательном уровне наделить специализированных омбудсменов в субъектах Российской Федерации правом на обращение в суд (особенно это касается Уполномоченного по правам ребенка), правом поднимать вопрос о несоответствии нарушителя — должностного лица занимаемой должности и иными императивными полномочиями. Нужно также закрепить правовой статус специализированных омбудсменов как не зависящих ни от одной ветви власти должностных лиц, действующих от имени государства. Подобные шаги повысят авторитет всего института специализированных омбудсменов, что положительно скажется на эффективности их работы.

Применительно к должности Уполномоченного по правам ребенка следует обратить внимание на наличие проблемы недостаточности нормативно-правового регулирования существующего порядка рассмотрения жалоб [7, с. 17–22]. Об этом свидетельствует нормативно-правовая база субъектов Российской Федерации, касающаяся Уполномоченного по правам ребенка. В качестве наглядного примера следует упомянуть Пензенскую область, в которой закон о детском омбудсмене содержит лишь одну статью, имеющую отношение к порядку рассмотрения жалоб. Подобное положение дел и недостаточность правового регулирования столь важной, фундаментальной нормы представляются совершенно недопустимым [8, с. 10–15]. В связи с этим небезосновательным будет внести дополнения в Закон Пензенской области «Об Уполномоченном по правам ребенка

в Пензенской области», а также в законодательные акты других субъектов Российской Федерации в целях более детального урегулирования вопросов, связанных с компетенцией Уполномоченного. Этот шаг позволит свести нормативно-правовое регулирование к определенной идентичности.

Не менее важной и серьезной проблемой, на наш взгляд, является отсутствие возможности у специализированных региональных омбудсменов реализовывать право законодательной инициативы. В настоящий момент ситуация следующая: в отдельных субъектах РФ специализированные омбудсмены обладают правом законодательной инициативы в пределах своего ведения и могут предлагать различные варианты модернизации действующего законодательства, если это позволит улучшить уже существующий порядок, в других субъектах РФ некоторые специализированные омбудсмены и вовсе лишены права законодательной инициативы [9, с. 86–91]. Мы глубоко убеждены в том, что подобная ситуация неприемлема, так как специализированные омбудсмены являются лицами, которые часто лучше регионального законодателя знают о проблемах и недостатках действующего нормативно-правового регулирования, пробелах в праве, которые требуют корректировки. Поэтому мы предлагаем наделить всех действующих специализированных омбудсменов во всех субъектах Российской Федерации неограниченным правом законодательной инициативы в сфере прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, подобное решение благоприятным образом скажется на правовом статусе всего института специализированных омбудсменов.

Безусловно, обращает на себя внимание и проблема межведомственного взаимодействия, касающаяся специализированных омбудсменов и других государственных органов и должностных лиц, к чьим полномочиям в той или иной степени относится защита прав человека. Степень и механизмы данного взаимодействия оставляют желать лучшего, так как иногда некоторые властные структуры не желают вступать в активные сотрудничество с специализированными омбудсменами, предпочитая действовать в одиночку в рамках предусмотренных внутренних организационных процедур [10, с. 63–68]. Основная причина подобного отношения — низкий авторитет специализированных омбудсменов на уровне региональной власти, что сказывается на поверхностном отношении к данному правозащитному институту.

Рассматриваемый институт в настоящее время находится в стадии развития. За последние несколько лет сфера специализированных омбудсменов на региональном уровне претерпела некоторые изменения, касающиеся прежде всего нормативно-

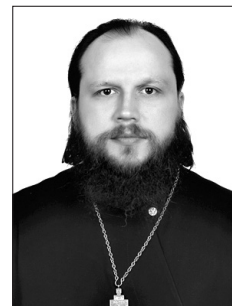
правового регулирования, что позволило в некоторых отраслях добиться положительных результатов. Однако, как показало проведенное исследование, далеко не все проблемные позиции устранены. Необходимо продолжить начатую ранее работу по точечному внесению изменений в концепцию нормативно-правового регулирования института специализированных омбудсменов регионов. При проведении такой работы особое внимание следует уделять наиболее острым проблемам, которые затрудняют эффективную деятельность уполномоченных. К их числу в первую очередь стоит отнести недостаточность функциональных правомочий омбудсменов, которая установлена законодательством.

Резюмируя изложенное, очевидно, что для того чтобы решить имеющиеся проблемы применительно к деятельности специализированных ом-

будсменов в субъектах Российской Федерации, необходимо существенным образом, путем внесения коренных изменений в действующее нормативно-правовое регулирование, реформировать данный институт. В частности, следует расширить императивные полномочия специализированных омбудсменов, наделить каждого специализированного омбудсмена правом законодательной инициативы в сфере прав и свобод человека и гражданина, установить независимость специализированных омбудсменов, укрепить их правовой статус и наладить эффективное межведомственное взаимодействие специализированных омбудсменов с иными властными структурами на уровне региональной власти. Если все это удастся осуществить, данный институт будет приносить намного больше пользы гражданам.

Список литературы

1. Халиль Д. Д. Законодательные инициативы уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в связи с пандемией коронавируса // StudNet. 2020. № 3.
2. Волков Д. Н. Исторический опыт становления института уполномоченных по правам человека // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1.
3. Левин А. А. Институт Уполномоченного по правам человека в России и Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4.
4. Новикова А. Е. Субъект Российской Федерации в механизме минимизации правозащитных рисков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 1.
5. Исаева С. Н. Институт Уполномоченного по правам ребенка: проблемы и перспективы развития // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2017. № 3.
6. Макаров В. Е. Правовой статус уполномоченных по защите прав предпринимателей в регионах Российской Федерации // Academy. 2018. № 1.
7. Лихтер П. Л. Методология оценки деятельности Уполномоченного по правам ребенка: постановка проблемы // Диалог. 2017. № 2.
8. Симушин С. В. Правовое регулирование институтов уполномоченных по правам человека и уполномоченных по правам ребенка в РФ: сравнительно-правовой анализ // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 1.
9. Палагина А. Н. Уполномоченный по защите прав предпринимателей на федеральном и региональном уровне как элемент адаптивной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства // Journal of Economic Regulation : Вопросы регулирования экономики. 2014. № 2.
10. Журик Т. В., Брянцев И. И. Политико-правовые аспекты развития взаимодействия института Уполномоченного по правам человека с институтами гражданского общества (на примере Саратовской области) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6.

Сравнительный анализ понятия тайны исповеди в юридической науке и современном церковном праве Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)

В. А. Коллантай, Томская духовная семинария
✉ alivealternativ@sibmail.com

Действующее законодательство Российской Федерации и церковное право Русской Православной Церкви по-разному трактует понятие «тайна исповеди», что порождает вариативность толкования его сущности. Правовой статус священнослужителя, *absit invidia verbo*, также расценивается неравнозначно как со стороны юридической науки, так и со стороны теологии. С учетом различных точек зрения по этим вопросам в статье обосновывается, что священнослужитель Русской Православной Церкви является носителем тайны исповеди и не может быть допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу о тех обстоятельствах, которые стали ему известны в ходе Таинства Покаяния. Понятие «тайна исповеди» рассматривается с позиции его целостной направленности, а его авторское видение открыто для *ad disputandum*.

Ключевые слова: священнослужитель; тайна исповеди; Таинство; ОРД; церковный суд; епископ.

Comparative Analysis of the Concept of Confidentiality of the Confession in Legal Science and Modern Church Law of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)

V. A. Kollantay, Tomsk Theological Seminary
✉ alivealternativ@sibmail.com

The current legislation of the Russian Federation and the church law of the Russian Orthodox Church interpret the concept of "confidentiality of the confession" in different ways, which gives rise to variability in the interpretation of its essence. The legal status of a "clergyman", *absit invidia verbo*, is also regarded unequally by both legal science and theology. Taking into account different visions of these issues, the article substantiates that the clergyman of the Russian Orthodox Church is the bearer of confidentiality of the confession and cannot be interrogated as a witness in a criminal case about the circumstances that became known to him during the Sacrament of Penance. The concept of "confidentiality of the confession" is considered from the standpoint of its holistic orientation, and the author's vision of it is open *ad disputandum*.

Keywords: clergyman; confidentiality of the confession; the Sacrament; Crime Detection; church court; bishop.

Понятие «тайна исповеди» в юридической научной литературе в последние годы встречается часто в контексте осмысления его места в правоприменительной практике. При этом существуют различные взгляды на сущность самого понятия «исповедь». В современном российском законодательстве оно никак не определено.

В статье 18 Положения о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (далее — Положение) указано, что не подлежат привлечению в качестве свидетелей клирики по обстоятельствам, которые стали им известны из исповеди, а в ст. 34 рассматриваемого документа говорится, что не принимаются к рассмотрению заявления, посту-

пившие от клириков, по обстоятельствам, которые стали им известны из исповеди. Однако в этом документе не содержится информации о том, что следует понимать под исповедью.

В Православной энциклопедии исповедь (греч. *εἰσομολογήσις*) трактуется как «один из основных элементов Таинства Покаяния в христианской Церкви; представляет собой устное или письменное изложение своих греховных поступков и помыслов перед священнослужителем в надежде обрести их прощение у Бога по молитвам Церкви»¹. В целях уточнения терминологии этого понятия необходимо обратиться к истории. Христианская исповедь имеет истоки в Ветхом Завете, где можно встретить упоминание о покаянной практике. Так, в книге Иисуса Навина содержится его призыв к покаянию Ахана: «Тогда Иисус сказал Ахану: сын мой! Воздай славу Господу, Богу Израилеву, и сделай пред Ним исповедание и объяви мне, что ты сделал; не скрой от меня» (Нав. 7:19). Еще одним примером исповеди является покаяние Неемии: «Да будут уши Твои внимательны и очи Твои отверсты, чтобы услышать молитву раба Твоего, которою я теперь день и ночь молюсь пред Тобою о сынах Израилевых, рабах Твоих, и исповедуюсь во грехах сынов Израилевых, которыми согрешили мы пред Тобою, согрешили — и я и дом отца моего» (Неем. 1:6). Также книга Псалтирь повествует о значении исповеди: «Но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс. 31:5). В книгах Нового Завета неоднократно встречается упоминание о необходимости приносить исповедь о грехах. Так, в случае с Симоном-волхвом апостол Петр призывая его говорил: «Итак, покайся в сем грехе твоём и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего» (Деян. 18:22). Господь призывал к покаянию людей, пришедших к нему говоря: «Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибните» (Лк. 13:3). Все эти примеры указывают на то, что и у древних иудеев, и у первых христиан существовало понимание необходимости исповеди и желание участвовать в ней. Какое значение имеет сам термин «исповедь» в христианском вероучении?

Исповедь является составной частью Таинства Покаяния. Исповедь обычно сопровождают покаянные молитвословия и священнодействия над кающимися, а завершают чины разрешения от грехов и примирения с Церковью². Несмотря на то что понятие об исповеди своих грехов существовало со времен Ветхого Завета, окончательное оформление

оно получает только во второй четверти III в. В этот период исповедь представляла собой публичное извещение своих грехов перед общиной христиан. Она начала формироваться в виде специально определенного и засвидетельствованного правила Церкви. Причиной этого явилось гонение на христиан со стороны римского императора Декия. Некоторые из христиан в период гонений отказывались от своей веры и приносили жертвы языческим богам, что требовалось для подтверждения «гражданской благонадежности». Но когда давление на христиан спало и уже можно было не опасаться за свою жизнь, некоторые из этих людей пожелали вернуться в лоно Церкви. Для того чтобы община приняла их обратно, люди, отступившие от веры, приносили публичное покаяние, после чего на них налагалась положенная епитимья³. После прохождения определенного срока раскаявшийся принимался в христианскую общину.

Наряду с публичным покаянием существовало и тайное, когда христианин открывал свои грехи епископу или священнику лично, и через наставления и специальную молитву получал разрешение от них. К IX в. публичная исповедь практически полностью заменяется тайной. Исследователи отмечают, что это случилось по следующим причинам: во-первых, многие из христиан стали избегать публичную исповедь из-за стыда за совершенные грехи; во-вторых, грехи, озвученные в ходе публичной исповеди, становились причиной соблазна христиан, которые становились их свидетелями; в-третьих, оскудение веры у последующих поколений христиан, которые не могли уже нести духовные подвиги их предшественников первых веков [1; 2; 3; 4, с. 115].

Являясь составной частью Таинства Покаяния, исповедь имеет свой формально определенный порядок, однако существует ряд сложностей в ее восприятии с точки зрения юридической науки. Ученые, изучавшие понятия «исповедь», «Таинство Покаяния», «тайна исповеди», не едины во мнении, каков механизм их правового регулирования и каково их место в правоприменительной практике уголовного, гражданского и административного процесса, а также оперативно-розыскной деятельности. Исходя из того, что правовое регулирование — это непрерывный процесс, благодаря которому постоянно появляются акты применения права, указанные термины должны иметь четкую и понятную для правоприменителя сущность. Но так как данные понятия не являются для юридической науки родовыми и исходят из теологии и богословия, то без опоры на эти отрасли знания правильно их оценить невозможно.

¹ *Исповедь* // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675011.html> (дата обращения: 21.11.2021).

² Там же.

³ Епитимья (епитимия) (от греч. *ἐπιτιμία* — наказание, кара) — мера воздействия на кающегося христианина со стороны священника или епископа, направленная на его исправление и духовное возрастание.

Проведенный анализ научной литературы в рассматриваемой сфере показал, что чаще всего ученые высказывают различные, порой противоречащие друг другу мнения относительно содержания рассматриваемых нами понятий. Все возникающие вопросы можно распределить в несколько основных групп:

- кого можно отнести к священнослужителям;
- в каких конфессиях действует понятие об исповеди;
- имеется ли четкая регламентация времени и места проведения исповеди;
- возможно ли разделение исповеди и личной беседы со священнослужителем;
- каковы формы проведения исповеди.

Ответив на эти вопросы и опираясь на теологию и православное вероучение, можно сформулировать вывод о том, в чем заключается существенное отличие церковного подхода от юридического.

По первому вопросу ряд ученых предлагает к понятию «священнослужитель» отнести всех представителей той или иной религиозной конфессии. Так, А. И. Тамбовцев заключает, что в положении ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» должны использоваться такие термины, как «представитель духовенства», «служитель культа» или «религиозный деятель», равно применимые к представителю любого вероучения [5, с. 97]. Автор приходит к такому выводу, исходя из предпосылки о необходимости уравнивания в правах проведения исповеди представителей всех конфессий.

Некоторые авторы в целях исключения двойного толкования и включения в список священнослужителей тех лиц, которые таковыми не являются по сути, предлагают заменить в нормативных правовых актах понятие «священнослужитель» понятием «священник» [6, с. 58; 7, с. 140]. Данное предложение нам видится неверным в связи с тем, что не только священник, но и архиерей наделен правом совершать исповедь.

Другие обоснованно полагают, что правом совершения исповеди, по канонам Православной Церкви, обладают не все священнослужители, а лишь священники (иереи, пресвитеры) или архиереи [8, с. 192]. Ответ на вопрос, кого и на каком основании следует относить к понятию «священнослужитель», напрямую связан с вопросом, в каких религиях существует понятие об исповеди. Так как те религии, где отсутствует это понятие, не могут наделять отдельных

своих представителей правом совершения исповеди, при ответе на второй вопрос мы попытаемся сформулировать нашу позицию и по первому.

Обращаясь к вопросу о том, в каких религиях действует понятие об исповеди, необходимо отметить, что оно существует только в христианстве. Регламентация проведения исповеди закреплена в каноническом праве Православной Церкви, а также решениях католических соборов.

На наш взгляд, позиция некоторых авторов о необходимости уравнивания всех религий по признаку надления прав, связанных с реализацией правового иммунитета, основанием которого является тайна исповеди, ошибочна в связи с тем, что далеко не во всех конфессиях исповедь в какой-либо форме присутствует. Так, исповедь как составная часть Таинства Покаяния существует в православном вероучении, о чем мы говорили выше. В католичестве также существует понятие об исповеди как о Таинстве Церкви. В некоторых протестантских деноминациях исповедь существует в форме обряда, не являясь при этом Таинством, но сохраняя форму покаяния перед священником или специально определенным человеком. В других конфессиях исповедь грехов перед священнослужителем отсутствует. Для мировых религий, таких как буддизм и индуизм, понятия «покаяние», «исповедь» и «таинство» не являются значимыми.

В исламе исповедь перед священнослужителем также не практикуется. Стоит отметить, что некое подобие исповеди возможно увидеть в обрядах тауба⁴, истигфар⁵ и ан-насух⁶. Но при более подробном рассмотрении видно, что их прямое назначение проявляется в просьбе о прощении у Аллаха. При этом просьба должна исходить от человека без посредников в виде священства. Таким образом, указанные обряды ислама невозможно приравнять к исповеди.

В иудаизме аналогом исповеди можно было бы назвать видуй⁷. Видуй — молитва, представляющая собой признание грехов и просьбу о прощении. Видуй читают во время праздничной службы Йом Кипура (Дня Искупления), в месяце Элуль и в 10 Дней Раскаяния между Рош а-шана и Йом Кипуром. Также видуй читается в слухот, в дни общественных постов и национальных бедствий, женихом и невестой перед свадьбой, умирающим перед смертью. В некоторых общинах видуй читают каждый понедельник и четверг, и есть те, кто делают это в канун новомесячья — так называемый малый Йом Кипур (*Йом Ки-*

⁴ Тауба, или тавба (араб. توبت) в исламе понимается как молитва к Аллаху о прощении грехов.

⁵ Истигфар, или тауба аль-истигфар (араб. رافغتسإ — просить прощение) — просьба о прощении после каждого греха.

⁶ Тауба ан-насух имеет аналогичное значение истигфару, с отличием в том, что раскаяние у человека происходит неоднократно, с обещанием не грешить.

⁷ Видуй (ивр. הדין) — признание грехов.

пур катан). Краткий вариант видуя принято читать каждый вечер перед сном⁸. Но Видуй не является исповедью перед священником, а представляет общественную или индивидуальную молитву. Поэтому на основании изложенного можно говорить об исповеди и о ее тайне только в разрезе христианского вероучения.

В соответствии с действующим отечественным законодательством, регламентирующим правоотношения между государством и религиозными объединениями по вопросу сохранения в тайне сведений, полученных священнослужителем в ходе исповеди, а именно ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁹, тайна исповеди охраняется законом, а священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди. Исходя из смысла анализируемой нормы можно заметить, что священнослужитель не может давать показания именно по информации, полученной в ходе исповеди. Следовательно, речь идет только о тех священнослужителях, кто фактически имеет право участвовать в исповеди в связи со своим саном.

Временные и географические границы исповеди также вызывают ряд противоречий в юридической науке. Так, по мнению А. Р. Павлушкова, исповедь должна осуществляться по четко определенной процедуре, с соблюдением всех необходимых формальных установлений¹⁰. Такая позиция нам видится ошибочной в связи с отсутствием достаточной аргументации и ссылок на конкретные письменные источники, регламентирующие проведение исповеди.

Процесс совершения Таинства Покаяния и последование исповеди приведено в Требнике¹¹, где указано, что священник подводит желающего исповедаться одного, двух или нескольких человек сразу к иконе Господа Иисуса Христа и начинает читать молитвы [9, с. 73]. Какие-либо указания на место, время и иные обстоятельства совершения исповеди отсутствуют, что позволяет сделать вывод о возможности проведения ее на усмотрение священнослужителя.

В. Е. Евсеенко справедливо полагает, что исповедь священнослужитель может принимать не только в храме, но и в другом месте в любое время [8, с. 190]. Но стоит сделать поправку, что в соответствии с каноническим правом священник без

благословения епископа, управляющего епархией, не имеет права совершать на ее территории какие-либо Таинства, за исключением случаев смертельной опасности.

Вопрос о границах исповеди тесно связан с другим, не менее важным вопросом о соотношении Таинства Покаяния и личной беседы со священнослужителем. Сама исповедь по характеру является диалогом, в котором исповедующийся сообщает о совершенных им грехах священнослужителю. В Требнике приведены возможные вопросы, которые священнослужитель задает исповедующемуся. Например: «Рцы ми, чадо, не убил ли еси человека волею, или не волею?» [9, с. 82]. Из приведенного примера видно, как священник задает вопрос лицу, участвующему в исповеди, о возможных совершенных им преступлениях. Принимая во внимание, что для проведения исповеди священнослужитель не обязательно должен находиться в храме, а главным условием является наличие исповедующегося, иконы Господа Иисуса Христа или креста, который всегда имеется у него, то любую доверительную беседу с христианином о его личных грехах можно считать исповедью. Стоит заметить, что такая беседа не будет носить характер светской, так как она полностью наполнена покаянным смыслом и выражается в сожалении или рассуждении исповедника о совершенных им поступках и делах.

Более того, в Положении приведен текст присяги свидетеля церковного суда Русской Православной Церкви (Московского Патриархата), в котором указано: «Я, имя, отчество и фамилия (клирик указывает также свой сан), давая свидетельские показания церковному суду, перед Святым Крестом и Евангелием обещаю говорить правду и только правду». Несмотря на свою краткость, присяга по смыслу и внешним проявлениям повторяет исповедь в ее предназначении. Человек, приходящий на исповедь, также обязуется не лгать, а говорить правду. Свое обещание, как и в исповеди, он адресует Богу. Подобное обещание человек дает и в ходе исповеди, так как в начале Таинства Покаяния священнослужитель, обращаясь к нему, произносит: «Не обвиняся рцы вся елика соделал еси. Аще ли, что скрыеши от мене, сугуб грех имаши» [9, с. 78].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что свидетель, вызванный на заседание церковного суда

⁸ Энциклопедия иудаизма. URL: <https://toldot.ru/vidui.html> (дата обращения: 21.11.2021).

⁹ О свободе совести и о религиозных объединениях : федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Павлушков А. Р. Тайна исповеди и свидетельский иммунитет священнослужителя как отражение законодательного и общественного противоречия // *Ius publicum et privatum* (дата обращения: 21.11.2021).

¹¹ Церковная богослужбная книга, в которой излагаются чинопоследования треб — таинств и других священнодействий, совершаемых церковью в особых случаях и не входящих по преимуществу в состав храмового (общественного) богослужения суточного, седмичного и годового круга.

в ходе дачи своих показаний, также приносит исповедь о совершенном или увиденном (услышанном, почувствованном с помощью органов чувств). Это подтверждается и тем обстоятельством, что в соответствии со ст. 25 Положения в состав церковного суда входят только судьи, имеющие епископский или священнический сан. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 5 Положения рассмотрение дел в церковном суде является закрытым и происходит с определенным количеством участников в соответствии с их статусом. Закрытое заседание обеспечивает не только допуск в судебное заседание определенного количества участников, но и возникновение доверительного отношения между священником в лице членов суда и исповедующимся в лице свидетеля.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что заседание церковного суда носит исповедальный характер и может быть расценено как исповедь, тем более учитывая, что основная цель исповеди и церковного судопроизводства совпадают — это покаяние человека, совершившего грех.

В заключение можно сделать вывод о том, что тайна исповеди, неоднозначно понимаемая в научной юридической литературе, в рамках теологии и практики Православной Церкви, имеет давнюю историю применения. Выработанные подходы теологии к пониманию тайны исповеди построены на ее значении как неотъемлемой части Таинства Покаяния, что ставит ее в ряд не просто правового обычая, но основных вероучительных постулатов.

Список литературы

1. *Исповедь* // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675011.html> (дата обращения: 21.11.2021)
2. *Карпенко О.* Таинство Покаяния: как оно возникло и как менялось на протяжении времен. URL: <http://foma.ru/tainstvo-pokajaniya-kak-ono-vozniklo-i-kak-menjalos-na-protjazhenii-vremen.html> (дата обращения: 21.11.2021)
3. *Пономарев В.* Справочник православного человека. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-chast-2-tainstva-pravoslavnoj-tserkvi/5> (дата обращения: 21.11.2021).
4. *Шиманский Г. И.* Литургия: таинства и обряды. М., 2003.
5. *Тамбовцев А. И.* Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1(20).
6. *Осодоева Н. В.* Производство допроса на судебном следствии в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
7. *Татьянин Д., Закирова Л.* Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122).
8. *Евсеев В. Е.* Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2014. № 2(48).
9. *Требник.* М., 2019.

УДК 329.3:323.1 © В. А. Долин, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-285-176-180

Этнорелигиозный экстремизм: существенные признаки и факторы возникновения

В. А. Долин, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
✉ v.a.dolin@mail.ru

Генезис этнорелигиозного экстремизма описывается последовательностью причинно-следственных связей: этнические отношения — этнорелигиозные отношения — этнорелигиозный конфликт — этнорелигиозный экстремизм. Механизмом формирования этнорелигиозного экстремизма является активизация непроявленных религиозных отношений на основе национальных. Согласно проведенному в статье анализу этнорелигиозный экстремизм определяется как крайние действия национально-религиозных элементов в политической жизни, направленные против другой нации и религии ради утверждения и (или) обеспечения доминирования собственной нации и религии, а также реализации связанных с ними целей. Этнорелигиозный экстремизм возможно рассматривать как разновидность национального или религиозного экстремизма. Он также выступает промежуточной формой, сочетающей признаки национализма и религиозного экстремизма. В статье выделены два фактора возникновения этнорелигиозного экстремизма — общественный и личный.

Ключевые слова: этнорелигиозный экстремизм; религиозный экстремизм; постсекулярное состояние общества; этнорелигиозные отношения; этнорелигиозный терроризм; этнорелигиозный конфликт; национализм; религиозный фанатизм, религиозное сектантство.

Ethno-Religious Extremism: Essential Features and Factors of Origin

V. A. Dolin, the Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after Putilin I.D.
✉ v.a.dolin@mail.ru

The genesis of ethno-religious extremism is described through a sequence of causal relationships: ethnic relations – ethno-religious relations – ethno-religious conflict – ethno-religious extremism. The mechanism for the formation of ethno-religious extremism is the activation of unmanifested religious relations on the basis of the national ones. According to the analysis provided by the article, ethno-religious extremism is defined as extreme actions of national-religious elements in political life, directed against another nation and religion for the sake of asserting and (or) ensuring the dominance of their own nation and religion, as well as the implementation of related goals. Ethno-religious extremism can be considered as a kind of national or religious extremism. It is also an intermediate form that combines features of nationalism and religious extremism. The article highlights two factors in the rise of ethno-religious extremism – public and personal.

Keywords: ethno-religious extremism; religious extremism; post-secular state of society; ethno-religious relations; ethno-religious terrorism; ethno-religious conflict; nationalism; religious fanaticism; religious sectarianism.

Проблема религиозного экстремизма приобретает особую актуальность в контексте постсекулярного состояния общества, «которое приспособляется к дальнейшему существованию религиозных сообществ в продолжающем секуляризоваться окружении» [1, p. 13]. Изучение религиозного экстремизма предполагает рассмотрение всего разнообразия его форм и порождающих их конфликтов [см., напр.: 2].

В данном контексте наиболее перспективными объектами исследования являются многофакторные конфликты с наличием религиозного компонента, к деструктивным следствиям которых относится и этнорелигиозный экстремизм [3–5]. Наряду с исследованием исторических или актуальных событий, а также смоделированных ситуаций изучение феномена этнорелигиозного экстремизма предполагает выработку целостного теоретического понимания вопроса, в том числе и на основе существующих в литературе результатов.

Объект данной статьи — этнорелигиозный экстремизм как вид экстремизма, ее предмет — сущностные признаки и факторы возникновения этнорелигиозного экстремизма. Для раскрытия предмета статьи необходимо решить следующие три исследовательские задачи: 1) выявление специфики этнорелигиозных отношений и порождаемых ими конфликтов; 2) выделение сущностных признаков порождаемого этнорелигиозными конфликтами этнорелигиозного экстремизма; 3) концептуальное осмысление факторов возникновения этнорелигиозного экстремизма.

В России проблема этнорелигиозных отношений обретает актуальность в 1990-е гг. Теоретические аспекты этнорелигиозного экстремизма [напр.: 6] и этнорелигиозного терроризма [7] выделяются как объекты исследований в 2000-е гг. К проявлениям этнорелигиозного экстремизма относятся не только столкновения исламского и христианского миров, но и конфликты католиков — ирландцев с англосаксонскими протестантами, столкновения между шиитами и суннитами в исламе [7, с. 16]. Также данные проявления характерны для палестино-израильского и чеченского (1991–2017 гг.) конфликтов.

Следует уточнить теоретические основания исследования. Этнорелигиозный экстремизм понимается как «приверженность крайним взглядам и методам действий по достижению групповых целей, при этом этнический и религиозный компоненты выступают в неразрывной связи с мобилизующей идеологией и субъективными установками» [6, с. 110–111]. Последовательность причинно-следственных связей, порождающих этнорелигиозный экстремизм, имеет следующий вид: этнические отношения — этнорелигиозные отношения — этнорелигиозный конфликт — этнорелигиозный экстремизм [см. подробнее: 8–12].

Начнем с выявления специфики этнорелигиозных отношений и порождаемых ими конфликтов (первая исследовательская задача). На основе анализа литературы возможно выделить четыре сущностных признака этнорелигиозных отношений [13, с. 10]. Для них характерна тесная взаимосвязь религиозных и этнических отношений при первичности последних (*первый сущностный признак*). Данное взаимоотношение соответствует причинно-следственной связи «этнические отношения — этнорелигиозные отношения» и имеет два измерения. С одной стороны, элементы религиозных отношений вплетаются в этнические (*второй сущностный признак*) и вносят вклад в формирование культурного кода нации. С другой стороны, этнизация мировой религии (*третий сущностный признак*), т. е. интеграция в ее структуру элементов регионального религиозно-культурного опыта, открывает возможность для ее неортодоксальной трактовки. *Четвертый сущностный признак* этнорелигиозных отношений определяется спецификой этносоциологического исследования как базового для изучения данного вида отношений. В рамках названного исследования микросоциологический анализ малых групп внутри этноса, взаимодействующих между собой и с другими нациями, преобладает над макросоциологическим анализом этноса как целого, вступающего в отношения с другими этносами [14, с. 4]. Иначе говоря, для этносоциологического исследования характерно преобладание поэлементного (аналитического) рассмотрения этноса над целостным (синтетическим).

Рассмотрим взаимосвязи сущностных признаков этнорелигиозных отношений. Утверждения о влиянии религиозных отношений на этнические и влиянии этнического фактора на мировую религию (второй и третий сущностные признаки соответственно) предполагают симметричность взаимного влияния факторов. Формально это противоречит первому сущностному признаку (первичность этнических отношений перед религиозными во времени).

Противоречие преодолевается через осознание отнесения анализируемых сущностных признаков к разным аспектам этнорелигиозных отношений: второй и третий признаки характеризуют динамику исследуемых отношений, а первый раскрывает механизм формирования этнорелигиозного экстремизма, которым является активизация не проявленных религиозных отношений на основе национальных. Конечным итогом названной активизации становится вовлечение социального субъекта в экстремистскую деятельность этнорелигиозного характера.

Для общего понимания особенностей этнорелигиозных отношений достаточно объединения первого и четвертого сущностных признаков: тесная

взаимосвязь религиозных и этнических отношений при первичности последних, которая постигается путем преобладания поэлементного рассмотрения этноса над его целостным восприятием. Однако отказ от второго и третьего существенных признаков непродуктивен, поскольку осмысление этнорелигиозного экстремизма предполагает понимание и собственной динамики порождающих его этнорелигиозных отношений.

Рассмотрение специфики порождаемых этнорелигиозными отношениями конфликтов соответствует причинно-следственной связи «этнорелигиозные отношения — этнорелигиозный конфликт» и предполагает учет альтернативы «невооруженное (мирное) — вооруженное противостояние» в этнорелигиозных конфликтах [15, с. 296–297]. К невооруженным (мирным) этнорелигиозным конфликтам относятся: мировоззренческое противостояние религиозно-идеалистической и материалистической философии; мессианство во вновь открытых землях; ненасильственные взаимоотношения направлений внутри одной конфессии [15, с. 296–297]. При достижении критического уровня невооруженное (мирное) противостояние способно принимать вооруженные формы.

Перейдем к выделению сущностных признаков порождаемого этнорелигиозными конфликтами этнорелигиозного экстремизма (вторая исследовательская задача). Мы не согласны с мнением Е. П. Сергуна, что понятия «национальный экстремизм» (А. А. Чичановский), «национально-этнический экстремизм» (Н. В. Степанов), «националистический экстремизм» (С. М. Иншаков), «этнорелигиозный экстремизм» (О. А. Русанова) являются равнообъемными [16, с. 102]. Хотя их и объединяет признак «национальный», но этнорелигиозный экстремизм имеет специфический механизм возникновения (активизация религиозных отношений на основе национальных), не позволяющий полностью отождествить его с национальным (национально-этническим, националистическим) экстремизмом.

В общем виде этнорелигиозный экстремизм есть крайнее выражение этнорелигиозных конфликтов [7, с. 6], он совершается в целях торжества, практической реализации националистических и религиозных целей [7, с. 14]. Иными словами, его возникновение соответствует причинно-следственной связи «этнорелигиозный конфликт — этнорелигиозный экстремизм». О. А. Русанова выделяет следующий признак этнорелигиозного экстремизма — «этнический и религиозный компоненты выступают в неразрывной связи в мобилизующей идеологии и субъективных установках» [6, с. 110–111]. В развернутом понимании «этнорелигиозный экстремизм есть выражение крайних политических взглядов группы...

направленных на изменение существующего политического строя, учитывающих возможность применения насилия для внесения в него изменений, которые главным образом связаны с достижением политических, этнонациональных, религиозных целей» [17, с. 111].

Определяя религиозный экстремизм как «крайние действия религиозных элементов в политической жизни» [18, с. 6], возможно выделить три сущностных признака этнорелигиозного экстремизма:

- 1) национально-религиозные элементы как субъекты (ответ на вопрос «кто?»);
- 2) политическая жизнь как сфера активности национально-религиозных элементов (ответ на вопрос «где?»);
- 3) крайние действия как способы реализации (ответ на вопрос «как?»).

Выделение в качестве субъектов этнорелигиозного экстремизма именно национально-религиозных элементов определяется сущностной взаимосвязью религиозных и этнических отношений при первичности последних.

Названные три сущностных признака следует дополнить четвертым, отвечающим на вопрос «куда (против чего)?». С учетом приведенных определений других авторов будет обоснованно утверждать, что этнорелигиозный экстремизм направлен против другой нации и религии ради утверждения и (или) обеспечения доминирования собственной нации и религии, а также реализации связанных с ними целей.

Соединение четырех сущностных признаков, отвечающих на вопросы «кто?», «где?», «как?», «куда?» («против чего?»), позволяет сформулировать итоговое определение: *этнорелигиозный экстремизм представляет собой крайние действия национально-религиозных элементов в политической жизни, направленные против другой нации и религии ради утверждения и (или) обеспечения доминирования собственной нации и религии, а также реализации связанных с ними целей.*

Предложенное определение требует пояснений. Хотя объектами противостояния могут выступать несколько наций и религий, для упрощения определения слова «нация» и «религия» употребляются в единственном числе. Конъюнктивное (союзом «и») объединение данных слов обусловлено неразрывной связью этнического и религиозного факторов в этнорелигиозных конфликтах. Подавление другой нации и религии [7, с. 15] не выделяется как цель этнорелигиозного экстремизма, поскольку является элементом обеспечения доминирования собственной нации и религии. Также в качестве объекта противостояния не указываются другие национальные и религиозные группы [7, с. 15], так как давление на них есть средство противостояния другой нации и религии.

С учетом первичности этнических отношений перед религиозными возникает вопрос о сущностной принадлежности этнорелигиозного экстремизма. В концептуальном аспекте вид экстремизма определяется характером экстремистской идеологии [16, с. 103]. Мобилизация ресурсов этнической и религиозной идеологии позволяет рассматривать этнорелигиозный экстремизм как разновидность и националистического, и религиозного экстремизма. Окончательная идентификация определяется контекстом рассмотрения.

Для решения вопроса об отнесении этнорелигиозного экстремизма к особой разновидности экстремизма следует рассмотреть содержательно близкие, но отличные от религиозного экстремизма явления [сост. автором по: 19, с. 32]: нарушение национального законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях; религиозный фанатизм; религиозное сектантство; национализм. Данные явления отличаются многогранностью. При включении их в политическую жизнь формируется возможность сближения или отождествления с религиозным экстремизмом.

Из четырех названных явлений наиболее близким к этнорелигиозному экстремизму оказывается национализм, поскольку оба генетически и сущностно связаны с этносом. Но очевидны и принципиальные отличия этнорелигиозного экстремизма: вторичность мобилизации религиозной идеологии (в отличие от национализма) и первичность националистической идеологии (в отличие от религиозного экстремизма).

Становится очевидным, что по отношению к национализму этнорелигиозный экстремизм является промежуточной формой, сочетающей признаки национализма и религиозного экстремизма. Будет обоснованным утверждать, что понятие «этнорелигиозный экстремизм» отражает указанную возможность сближения национализма и религиозного экстремизма вплоть до их отождествления. Вместе с тем, вопреки первичности национальных отношений в механизме возникновения, этнорелигиозный экстремизм возможно относить не только к национализму, но и к религиозному экстремизму с учетом контекста исследования.

В заключительной части исследования необходимо концептуально осмыслить факторы возникновения этнорелигиозного экстремизма (третья исследовательская задача). Это требует выделения причин, инициирующих механизм формирования этнорелигиозного экстремизма. Иными словами, с учетом результатов проведенного в статье анализа при решении данной исследовательской задачи предполагается выделить принципиальных возможностей активизации не проявленных религиозных отношений на основе национальных.

Концептуальный характер осмысления проблемы предполагает, что рассмотрение упомянутых принципиальных возможностей необходимо осуществить на различных уровнях социальных систем. С учетом ограниченных рамок статьи и во избежание неоправданного усложнения ее методологического аппарата следует использовать диаду «общество — личность», выражающую традиционную для философии и социальных наук онтологическую дихотомию.

Первая принципиальная возможность активизации не проявленных религиозных отношений на основе национальных обусловлена некоторыми контрглобализационными тенденциями развития современной цивилизации. К их числу относятся следующие [выделено по: 20, с. 14–15]:

— автономизация как региональное возрождение внутри страны, культуры или цивилизации (преимущественно на национальной основе);

— локализация как этнокультурная консолидация, стремящаяся к сохранению собственной системы ценностей;

— глокализация как сочетание глобальных и локальных процессов.

Каждая из названных тенденций способна породить деятельность, направленную против другой нации и религии ради утверждения и (или) обеспечения доминирования собственной нации и религии, а также реализации связанных с ними целей (четвертый сущностный признак этнорелигиозного экстремизма).

Вторая принципиальная возможность активизации не проявленных религиозных отношений на основе национальных обусловлена индивидуальной и групповой психологией представителей этнорелигиозных общностей (этноконфессиональная психология). В контексте исследования психологических особенностей этноконфессиональных общностей и их конкретных представителей отдельного рассмотрения заслуживает религиозный фанатизм. И хотя он не относится к религиозному экстремизму, потенциально трансформация религиозного фанатизма в данном направлении возможна. Ключевой момент данной трансформации — появление у религиозных фанатиков политических целей.

Таким образом, рассмотренные принципиальные возможности активизации не проявленных религиозных отношений на основе национальных соответствуют диаде «общество — личность» и описывают факторы возникновения этнорелигиозного экстремизма. Соответственно, на основе проведенного анализа в концептуальном аспекте возможно выделить общественный и личностный факторы возникновения этнорелигиозного экстремизма.

Подведем итоги. В аспекте причинно-следственных связей этнорелигиозный экстремизм есть следствие этнорелигиозного конфликта, являющегося формой развития этнорелигиозных отношений, которые в свою очередь формируются на основе этнических отношений. В краткой форме рассмотренная последовательность имеет вид: этнические отношения — этнорелигиозные отношения — этнорелигиозный конфликт — этнорелигиозный экстремизм.

В сущностном измерении этнорелигиозный экстремизм есть крайние действия национально-религиозных элементов в политической жизни, направленные против другой нации и религии ради

утверждения и (или) обеспечения доминирования собственной нации и религии, а также реализации связанных с ними целей.

В статье рассмотрены две принципиальные возможности активизации непроявленных религиозных отношений на основе национальных:

1) контрглобализационные тенденции развития современной цивилизации (автономизация, локализация, глокализация);

2) индивидуальная и групповая психология представителей этнорелигиозных общностей (этноконфессиональная психология).

Выделены общественный и личностный факторы возникновения этнорелигиозного экстремизма.

Список литературы

1. *Habermas J.* Glauben und Wissen (Friedenspreis des deutschen Buchhandels 2001). Frankfurt am Main, 2001.
2. *Авдеев Ю. И.* Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. 2013. № 2.
3. *Новиков Д. В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.
4. *Русанова О. А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона) : дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.
5. *Улезко Э. В.* Противодействие экстремизму в этнорелигиозной сфере: проблемы и перспективы эволюции государственной политики : дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2009.
6. *Русанова О. А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северо-Кавказского региона) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 2.
7. *Этнорелигиозный терроризм* / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2006.
8. *Антонян Ю. М., Давитадзе М. Д.* Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения : учеб. пособие. М., 2004.
9. *Травина Е. М.* Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире : учеб. пособие. СПб., 2007.
10. *Theo Tschuy.* Ethnic Conflict and Religion. Challenge to the Churches. Geneva, 1997.
11. *Fox J.* Ethnoreligious Conflict in the late Twentieth Century: A General Theory. Lanham, 2002.
12. *Schlee G.* Wie Feindbilder entstehen: Eine Theorie religioeser und ethnischer Konflikte. München, 2006.
13. *Долин В. А.* Понятие «этнорелигиозный экстремизм» в современном социально-гуманитарном знании: содержательный аспект // Сборник научных трудов Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. Белгород, 2018.
14. *Сикевич З. В.* Социология и психология национальных отношений : учебное пособие. СПб., 1999.
15. *Булгакова М. В.* Этнорелигиозный конфликт: некоторые аспекты проблемы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11.
16. *Сергун Е. П.* Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. 2013. № 1(14).
17. *Татуниц С. А., Пискарев М. Д.* Этнорелигиозный экстремизм как проблема государственной и общественной безопасности: вопросы концептуального осмысления // Вестник Российской нации. 2018. № 5(63).
18. *Филимонов Э. Г.* Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма. М., 1983.
19. *Арестов В. Н.* Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Киев, 1987.
20. *Елин Д. В.* Противоречивость процесса глобализации: локализация и глокализация // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1.

Идеология мадхализма как фактор латентной радикализации мусульман

А. П. Горюнов, Департамент общественных связей Ярославской области, г. Ярославль
✉ gap.reg76@mail.ru

Раскрываются некоторые особенности идеологии мадхализма, одного из течений ислама салафитского толка. Проанализированы вероучительные труды авторитетных для мадхалитов богословов и выделены идеологемы, как влияющие на социальную и культурную стратификацию последователей данного религиозного течения, так и формирующие условия их последующей радикализации. Сделан вывод о необходимости учета факта распространения идей мадхализма при противодействии экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: шариат; мадхалиты; ваххабиты; салафиты; радикализм; аль-Мадхали.

The Ideology of Madkhalism as a Factor of the Latent Radicalization of Muslims

A. P. Goryunov, Public Relations Department of the Yaroslavl region (Yaroslavl)
✉ gap.reg76@mail.ru

Some features of the ideology of Madkhalism, one of the movements of Salafi Islam, are revealed. The doctrinal works of theologians authoritative for the Madkhalites are analyzed, and ideologemes are identified, both influencing the social and cultural stratification of the followers of this religious movement, and forming the conditions for their subsequent radicalization. It is concluded that in counteracting extremism and terrorism it is necessary to take into account the fact of the spread of the ideas of madkhalism.

Keywords: Sharia; Madkhalites; Wahhabis; Salafis; radicalism; al-Madkhali.

Актуальность исследуемой темы обусловлена необходимостью проведения правоохранительными органами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления мероприятий по противодействию распространению идеологии терроризма и экстремизма.

Пропаганда террористической и экстремистской идеологии, вербовка в международные террористические и экстремистские организации непосредственно связаны с искажением религиозных постулатов. Как следствие, при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и мероприятий по профилактике распространения террористической и экстремистской идеологии необходимо учитывать сведения о наличии опасных идеологий и их воплощение в соответствующих текстах.

С 2013 г. органами исполнительной власти Ярославской области осуществляется мониторинг состояния межнациональных и межрелигиозных отношений. Результаты имеющихся в распоряжении автора социологических исследований свидетельствуют, что ислам/мусульманство находится на первых строчках списка религий и национальностей, к которым отрицательно относятся ярославцы, а к числу трех из пяти наиболее популярных ответов об основных проблемах, возникающих у ярославцев в отношениях с другими национальностями, относятся вызывающее поведение приезжих; бездуховность, невоспитанность людей; различия во взглядах, традициях, религии¹.

Полученные данные позволяют сделать вывод об имеющемся негативном отношении к представителям иной культуры, в основе которого лежит именно

¹ Выборочная совокупность репрезентативна для Ярославской области в целом, городов Ярославля и Рыбинска, а также в совокупности — для малых городов и сельских населенных пунктов. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона $\pm 4,5\%$. Генеральной совокупностью исследования стало взрослое население жителей Ярославской области (18 лет и старше), постоянно проживающее на территории конкретных муниципальных образований региона. Половозрастная структура участников опроса репрезентировала взрослое население городских поселений и муниципальных районов по полу и возрасту.

религиозный фактор и девиации, воспринимаемые как «вызывающее поведение приезжих», «бездуховность, невоспитанность людей» и «различия во взглядах, традициях, религии», что, в свою очередь, свидетельствует о процессах социальной и культурной стратификации жителей Ярославской области.

Учитывая, что «на уровне личности как субъекта социальных отношений экстремизм является типом девиантного поведения, проявлением кризиса идентичности» [1, с. 340], в целях «уточнения проблемы, определения цели, постановки задач, выдвижения обоснованных гипотез» [2, с. 5], автором осуществлено пробное социологическое исследование, позволившее выявить признаки восприятия проживающими в регионе мусульманами идеологии мадхализма, одного из ответвлений салафитского течения в исламе².

Мадхалиты — одна из подгрупп саудовских салафитов, последователей шейха Раби аль-Мадхали [3, с. 120], ориентированная «на построение общества на основе шариата» [4]. Наиболее авторитетными исламскими богословами для мадхалитов являются Ибн Таймийя, его ученики Ибн Кайим и Мухаммад бин Абд аль-Ваххаб, а также наши современники, в числе которых шейхи Ибн Баз, Ибн Усеймин, аль-Албани, Салих аль-Фаузан, Саид ибн Вахф аль-Кахтани.

Отрицая таклид (следование) за имамами суннитских мазхабов, мадхалиты, находясь в характерной для всех салафитов парадигме, следуют за своими улемами. Критике со стороны мадхалитов подвергаются не только суннитские мазхабы, но и другие течения салафизма, основная претензия к которым заключается в следовании неправильно-манхаджу (методу понимания и донесения ислама и шариата). Из-за жесткой критики в адрес других салафитов они получили репутацию такфиритской (такфир — обвинение в неверии) группы внутри салафизма [3, с. 127].

Говоря о транслируемой мадхалитами лояльности властным структурам, следует учитывать историю их возникновения и становления. Данное салафитское течение образовано «королевской властью Саудовской Аравии, которая стала опасаться свержения со стороны тех ваххабитов, которые заявляют, что монархия не соответствует исламскому правлению, что династия Саудов сотрудничает с США и Евросоюзом» [5, с. 21]. Мадхалитам оказывали поддержку саудовские власти, особенно после 1990 г., когда они отказались поддержать движение «сахва»

(джихадистское ответвление, также известное как кутубиты, кутбийя. — А. Г.), выступившего против американского военного присутствия в Саудовской Аравии для противодействия вторжению иракской армии в Кувейт» [4].

Мадхалитам свойственен переход к конфронтации по отношению к ранее поддерживаемым ими властям, что можно объяснить лежащими в основе их идеологии идеями Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, выступившего с оружием против правителя Османской империи и проливавшего кровь мусульман, обвинив их в неверии. Аналогичные факты имеют место и в наши дни. В Ливии мадхалиты, показывавшие лояльность к Муаммару Каддафи, «в одночасье предали его и объявили неверующим», что указывает на возможность их быстрого перехода к характерному для радикалов такфиру по причине одинаковой идеологической базы [6].

Согласно материалам Института Ближнего Востока существует риск радикализации последователей мадхализма [4], что, на наш взгляд, обусловлено религиозным воспитанием последователей всех течений салафитов через буквальное понимание таухида аль-Асма ас сыфат (вероубеждение в Единобожие Аллаха в Его Именах и Атрибутах) [7, с. 31]. Мадхалитам, как и другим салафитским течениям, характерно буквальное трактование аятов Корана и хадисов. Эксперт Института национальной стратегии и главный редактор научного журнала «Мусульманский мир» Р. Р. Сулейманов считает, что «грань между умеренными и радикальными салафитами крайне зыбкая: любой умеренный салафит может через некоторое время стать радикалом. Все зависит от его личных склонностей, готовности к совершению насилия и дерзости» [8, с. 14]. Аналогичную точку зрения высказывает член республиканской информационно-пропагандистской группы при Духовном управлении мусульман Казахстана Р. М. Сыдыков, считающий «мадхалитов завтрашними радикальными такфиритами-джихадитами» [9, с. 30; 31]³.

Свойственная мадхалитам надклановость способна оказать значительное влияние на использование радикально настроенных последователей, состоящих из представителей различных национальностей и родов, против органов государственной власти и населения. В Ливии, например, воюющие с разных сторон мадхалиты уклоняются от ведения боевых действий против друг друга, а укомплекто-

² Пробное социологическое исследование проводилось с использованием методов интервью с потенциальными респондентами (8 человек) и опроса экспертов (4 человека) по изучаемой проблематике. По результатам проведенных интервью и опросов подготовлена анкета, апробация которой произведена на фокус-группе (9 человек) из числа исповедующих ислам осужденных, отбывающих наказание за преступления террористического характера. В настоящее время с привлечением экспертов производится корректировка анкеты.

³ Такфириты-джихадиты (джихадиты-такфириты) относятся к крайним радикалам, призывают к насилию, свержению конституционной власти, кровопролитию, джихаду, светские законы считают законами тагута [9, с. 28].

ванные мадхалитами вооруженные формирования направляются на те участки фронта, где в основе сплочения подразделений противоборствующей стороны лежат родоплеменные связи [4].

Рассмотрим пользующихся авторитетом среди салафитов, включая мадхалитов, исламских богословов, чьи труды распространены среди опрошенных автором мусульман.

Аль-Албани (аль-Альбани), как уже говорилось выше, является одним из почитаемых мадхалитами улемом. Под влиянием его богословия сформировались салафитские ответвления в Иордании и в Египте [3, с. 121]. Брошюра аль-Албани «Очищение и воспитание и потребность мусульман в этом» внесена в список экстремистских материалов.

Перевод комментариев Абдуррахмана ас-Са’ди (ас-Саади) к произведению Ибн Абд аль-Ваххаба «Книга единобожия» считается библией салафитов на русском языке. Труды ас-Са’ди включены в список экстремистских материалов.

Ибн Касир вместе с Ибн Кайимом является продолжателем дела Ибн Таймии [10, с. 71], пользуется значительным почтением у салафитов [10, с. 232]. В список экстремистских материалов включены тома 2 и 3 Комментария Ибн Касира к Великому Корану Мухтасар (Сокращенный) «Тафсир Аль-Кур’ан Аль-Азым», выпущенные в 2013–2014 гг. издательством «Китаб».

Ибн Баз (Абд аль-Азиз ибн Абдулла ибн Баз) — последователь Ибн Таймийи [10, с. 248]. Издал фетву, разрешающую налог на богатство для поддержки моджахедов во время антисоветского джихада. Поддержка Ибн Базом книги Абдуллы Аззама «В защиту мусульманских земель» значительно повлияла на успех призыва к джихаду против Советского Союза. В список экстремистских материалов внесена статья Ибн База «Исламское государство⁴ должно сражаться со всеми арабскими странами, пока они не начнут воплощать Шариат».

Следует обратить внимание на вынесенную Ибн Базом фетву в отношении современных правителей, в которой ни о каком лояльном отношении к властям, правящим не по шариату, речи не идет. Из содержания данной фетвы можно сделать вывод, что использующие светское законодательство власти, а значит и органы государственной власти Российской Федерации, не могут быть правителями мусульман. Такие власти — «заблудшие кафиры», а используемые ими светские законы не могут быть выше шариата, исполнение которого обязательно для мусульман, следующих за пророком Мухаммадом и первыми салафами. Как наставляет Ибн Баз, с отказавшимися принять ислам неверующими, к которым относятся

и не использующие шариат органы государственной власти, и их сотрудники, надлежит вести сражение до принятия ими ислама. Исключение составляют проживающие на землях мусульман, в том числе на завоеванных землях, выплачивающие подушную подать (джизья) немусульмане.

На ложность пропаганды лояльного отношения мадхалитов к властям указывает призыв Ибн База оказывать поддержку тем, кто воюет против объявленного безбожным законного правительства Сирии. Следовательно, боевые действия против Вооруженных Сил РФ, уничтожающих международных террористов на территории Сирийской Арабской Республики, согласно призыву Ибн База, также требуют поддержки со стороны мадхалитов.

Богословские труды Салих аль-Фаузана (Фавзан, Фавазан), среди которых популярная у салафитов «Книга единобожия» [3, с. 130] и некоторые лекции внесены в список экстремистских материалов.

В имеющейся в распоряжении автора книги Салиха аль-Фаузана «Три основы», изданной «Bayt al-Magrifah», читающий узнает об обязательности ведения джихада, так как он является признаком силы мусульманина на пути Аллаха. По мнению аль-Фаузана, ведя джихад в целях распространения ислама, мусульмане должны сначала дать шанс людям добровольно принять ислам, а при отказе — «подавить врагов Аллаха». «Если человек не принимает эту религию [ислам — А. Г.], то с ним обращаются соответствующим образом: либо ведут сражение, либо берут джизью».

Помимо указанных печатных изданий, у некоторых членов ярославской уммы популярны распространяемые в сети Интернет лекции Руслана абу Ибрахима Татарстани, ученика йеменского салафита Яхьи аль-Хаджури⁵. Р. Р. Сулейманов в личной беседе с автором охарактеризовал Руслана абу Ибрахима Татарстани как последователя мадхализма. В список экстремистских материалов внесены книги исламских богословов, перевод которых на русский язык выполнил Руслан абу Ибрахим Татарстани.

Несмотря на осуждение идеологии таких запрещенных в России террористических и экстремистских организаций, как «Нурджулар» (нурсисты, гюленовцы), «Братья-мусульмане» (ихваны), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (хизбии), «ат-Такфир валь-Хиджра» (такфириты), Руслан абу Ибрахим Татарстани выступает против ширка (многобожия), который, по его мнению, имеет место в стенах Булгарской исламской академии (Республика Татарстан). Изученные автором лекции Руслана абу Ибрахима Татарстани содержат характерные для последователей запрещенных в России террористических движений и организаций запрет на

⁴ Признана террористической организацией и запрещена в Российской Федерации.

⁵ Ученик йеменского шейха Мукбиля ибн Хади, ученика Ибн База и аль-Албани.

использование фотографий, призывы к уничтожению памятников и картин, включая произведения искусства и объекты культурного наследия.

По мнению автора, восприятие частью уммы идеологии мадхализма формирует процессы социальной и культурной стратификации проживающих в Ярославской области мусульман и, как следствие, вызывает негативное отношение к ним со стороны не исповедующих ислам жителей региона.

Таким образом, особенности идеологии мадхализма, формирующей тенденции, направленные на разобщение как мусульманской уммы, так и российского (по сути, светского) общества, необходимо учитывать при проведении оперативно-розыскных и информационно-пропагандистских мероприятий, реализуемых в том числе на каналах миграции из стран Центральной Азии и Закавказья, а также в местах лишения свободы.

Список литературы

1. *Муращенкова Н. В., Гриценко В. В.* Экстремизм как социально-психологическое явление // Человек и гражданин в системе безопасности. 2014. № 2.
2. *Яковлева Н. Ф.* Социологическое исследование : учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М., 2014.
3. *Шагавиев Д. А.* Исламские течения и группы : учеб. пособие. Казань, 2020.
4. *Шалдонский Д. Д.* О движении мадхалитов в Ливии. Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66728> (дата обращения: 03.04.2021).
5. *Маевская Л. Б.* Внутренние противоречия в ваххабизме: мадхалиты и хаддадиты // Мусульманский мир. 2016. № 3.
6. *Шауметов А.* Идеологические аспекты противодействия религиозному экстремизму. Сайт сетевого издания zakon.kz. URL: https://www.zakon.kz/5066379-alim-shaumetov-ideologicheskie-aspekty.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 14.05.2021).
7. *Нурахметулы А.* Буквализм в трактовке корана и сунны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5-2.
8. *Сулейманов Р. Р.* Зарубежное влияние на мусульман Республики Марий Эл: исламские течения и группы. Йошкар-Ола, 2021.
9. *Сыздыков Р. М.* Обучающий комплекс, направленный на повышение религиозно-грамотности членов информационно-пропагандистских групп и религиозоведов, государственных служащих, лидеров молодежи, предотвращение распространения идей религиозного экстремизма и терроризма, привитие казахстанскому обществу толерантности, веротерпимости, соблюдения прав и свобод окружающих, формирование уважительного отношения к традициям и обычаям светского государства. Караганда, 2014.
10. *Абдулла аль-Кахтани.* Кто они, неохариджиты ваххабиты — салафиты? Казань, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (автор). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxl or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Бахта Андрей Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, директор Омского филиала РАНХиГС
E-mail: post_e_mail@mail.ru

Боренштейн Анна Львовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)
E-mail: annalbor@yandex.ru

Ботвин Илья Викторович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: botviniv@mail.ru

Горюнов Александр Павлович — консультант отдела политического мониторинга Департамента общественных связей Ярославской области (г. Ярославль)
E-mail: gap.reg76@mail.ru

Демидова Ирина Андреевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь
E-mail: demidova-irina00@mail.ru

Долин Вячеслав Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина
E-mail: v.a.dolin@mail.ru

Ермаков Михаил Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России
E-mail: mgermakov@yandex.ru

Ищук Владимир Григорьевич — преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: Valdemar130@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности ВНИИ МВД России (г. Москва)
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Коллантай Виталий Александрович — кандидат юридических наук, заведующий лабораторией «Церковного права, экономики, психологии и педагогики» Томской духовной семинарии, клирик Воскресенской церкви
E-mail: alivealternativ@sibmail.com

Матюшенко Светлана Владимировна — доктор педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России
E-mail: md.sinichka@mail.ru

Мерлаков Данил Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
E-mail: Merlakov@gmail.com

Николаев Константин Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России
E-mail: knik55@mail.ru

Нуриев Ибиамин Нуру-оглы — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)
E-mail: amin-nuriev@mail.ru

Тимко Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России
E-mail: satimko@list.ru

Толстик Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России
E-mail: tolstikva@mail.ru

Трусов Николай Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России
E-mail: nikevor@yandex.ru

Ханахмедова Людмила Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: domdom-20@mail.ru

Цепилов Андрей Евгеньевич — начальник кабинета специальных дисциплин кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
E-mail: patron_andrei@bk.ru

Чиненов Евгений Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина
E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- особенности предупреждения преступлений против собственности на современном этапе
- понятие сложносоставного уголовного дела

Право и государство

- публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине

Философский инструментарий

- консюмеристская интерпретация права: постановка проблемы

Религия и общество

- феномен терроризма и экстремизма под религиозными лозунгами

а также

- юридический анализ признаков субъекта преступлений, связанных с банкротством
- примирение потерпевшего с обвиняемым как приоритетная задача производства по уголовным делам частного обвинения
- другие материалы

